Эр1 578

Вильтон, Р.
Последние дни Романовых.
1923.

Эр1 578

Робертъ Вильтонъ

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ РОМАНОВЫХЪ

Каббалистическая надпись, найденная на стѣнѣ въ комнатѣ, гдѣ были убиты Императоръ Николай II и его семья.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА „ГРАДЪ КИТЕЖЪ“

ЭРІ — 578

Робертъ Вильтонъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ РОМАНОВЫХЪ

переводъ съ англійскаго
кн. А. М. Волконскаго.

Изданіе Книжнаго Магазина
„Градъ Китежъ“, Берлинъ.
1 9 2 3.

Издательскія права принадлежатъ фирмѣ Les Éditions Crès & Cie., 1921.

Всѣ права на переводъ, воспроизведеніе
и примѣненіе заявлены для всѣхъ странъ.

33265-92
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
М
V Сф·11502.

Типографія Р. Ольденбургъ въ Мюнхенѣ.

Послѣдніе дни Романовыхъ.

Отъ переводчика.

Убійство Царской семьи одно изъ самыхъ отвратительныхъ дѣяній міровой исторіи. Лица, его совершившія, приняли небывалыя мѣры, чтобы замести слѣды своего преступленія и сложить всю отвѣтственность на русскій народъ. Правда все же вышла наружу: имена убійцъ, время, мѣсто избіенія, всѣ его подробности установлены теперь съ полной точностью. Но мало установить правду, надо еще, чтобы ей повѣрили. Намъ, русскимъ, когда мы говоримъ о большевикахъ, иноземцы не вѣрятъ, и судьба послала намъ иностранца, чтобы онъ могъ засвидѣтельствовать и о мучителяхъ, и о мученикахъ.

Онъ исполнилъ это съ полной любовью къ правдѣ, съ примѣрнымъ безпристрастіемъ и съ мужествомъ, — ибо требуется мужество, чтобы говорить нынѣ извѣстную правду.

Р. А. Вильтонъ — англичанинъ, давнишній корреспондентъ Times'а въ Петроградѣ. Онъ добровольно принялъ участіе въ войнѣ противъ германцевъ на нашемъ фронтѣ и въ одномъ жаркомъ дѣлѣ подъ Барановичами выказалъ такое хладнокровіе, что, будучи штатскимъ, былъ, наперекоръ орденскому статуту, награжденъ георгіевскимъ крестомъ. Оказавшись послѣ революціи въ Сибири, онъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ находился въ ближайшемъ соприкосновеніи съ судебнымъ слѣдователемъ по дѣлу объ убійствѣ Государя, вникалъ во всѣ подробности слѣдствія и принималъ участіе въ такихъ дѣйствіяхъ, къ которымъ слѣдователь допускалъ только особо довѣренныхъ лицъ; онъ осматривалъ комнату, гдѣ произошло убійство, присутствовалъ при осмотрѣ и изслѣдованіи мѣста въ лѣсу, гдѣ были уничтожены тѣла Государя и его семьи; его подпись стоитъ на актѣ этого осмотра; онъ лично прослѣдилъ путь грузовика, отвозившаго эти тѣла; имъ сдѣланы снимки со многихъ мѣстъ и вещей, касающихся преступленія; онъ сберегъ съ опасностью жизни одинъ изъ экземпляровъ слѣдственнаго дѣла.

Вскорѣ послѣ появленія его книги въ первомъ ея, англійскомъ изданіи авторъ былъ удаленъ изъ Times'а: г. Вильтонъ вынесъ убѣжденіе, что издатель послѣдняго, лордъ Нортклифъ, пожелалъ этимъ угодить евреямъ, мстившимъ автору за его смѣлыя разоблаченія.

Книга Вильтона печатью замалчивается; въ магазинахъ найти ее трудно; но она все же расходится. Замалчивать будутъ, конечно, и это изданіе, но и оно тоже разойдется, ибо трудъ этотъ будутъ привѣтствовать, независимо отъ политическихъ убѣжденій, всѣ, кто способенъ любить правду и искать ее.

Къ англійскому[1]) и французскому[2]) изданіямъ приложенъ переводъ ряда свидѣтельскихъ показаній[3]). Чтобы удешевить книгу, мы этихъ показаній не прилагаемъ: русскій читатель найдетъ ихъ въ другихъ, болѣе обширныхъ изданіяхъ, подготовляемыхъ къ печати по этому же вопросу.

Переводчикъ.

P. S. При переводѣ мы старались быть точными и писать русскимъ, а не современнымъ газетнымъ языкомъ, ибо заполнять рѣчь ненужными иностранными словами значить прилагать руку къ убійству родного языка — этого послѣдняго нашего богатства.

---

[1]) Robert Wilton, «The Last Days of the Romanows», London, 1920 by Thornton Butterwith, и New York, by Doran.

[2]) Robert Wilton, «Les derniers jours des Romanof», Paris, 1921 chez G. Crès & Cie., rue Hautefeuille, 21; frs. 6.50. Въ 1923 г. вышла 5-ымъ изданіемъ.

[3]) А именно: полковника Кобылинскаго, г. Жильяра, г. Гиббеса о пребываніи въ Царскомъ Селѣ и Тобольскѣ и цареубійцъ Якимова, Медвѣдева, и Проскурякова о событіяхъ въ Екатеринбургѣ.

Предисловіе къ русскому изданію.

Въ этой монографіи авторъ старался выполнить задачу историка — освѣтить страшное, невѣроятно запутанное дѣло жестокаго убійства Императора Николая II и его семьи.

Сложность задачи заключается не въ установленіи факта убійства — съ этой задачей блестяще справился судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Н. А. Соколовъ, несмотря на всѣ хитрости и уловки убійцъ, — а въ строгомъ опредѣленіи степени виновности въ этомъ убійствѣ двухъ элементовъ: еврейскаго и нѣмецкаго, взаимно переплетающихся и являющихся столь роковыми не только въ дѣлѣ гибели Романовыхъ, но и въ разореніи самой Россіи.

Убійство Царя и его семьи, организованное среди главарей Цика, выполнялось ихъ ставленниками въ Екатеринбургѣ. Не довѣряя русской стражѣ, мѣстные комиссары, среди которыхъ преобладали евреи, воспользовались для самого убійства услугами военно-плѣнныхъ, служившихъ палачами при Чрезвычайкѣ.

Съ точки зрѣнія уголовнаго судопроизводства, юридическими виновниками этого кошмарнаго злодѣнія являются зачинщики евреи и ихъ подчиненные исполнители: нѣмецко-мадьярскіе плѣнные и нѣкоторые русскіе красногвардейцы.

Но съ другой, чисто нравственной точки зрѣнія, едва ли не болѣе важной въ человѣческой жизни вообще, а для настоящаго времени въ жизни несчастной Россіи въ особенности, за мученичество Царя и его ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, за издѣвательство надъ ихъ душой и тѣломъ, за ихъ столь трагическую кончину отвѣтственны нѣмцы, пославшіе Ленина и его товарищей революціонеровъ, въ большинствѣ евреевъ, разваливать Россію.

Убѣдившись въ невыгодности и, быть можетъ, опасности такой задачи для самихъ себя, нѣмцы вздумали, было, избавиться отъ большевиковъ и предлагали русскому обществу въ началѣ 1918 года замѣнить «совдепы» монархіей.

Для выполненія этого плана имъ нужно было согласіе Николая II дать на царство своего сына и согласіе самого русскаго общества.

Но ихъ планъ былъ не русскій, а нѣмецкій. Они стремились не къ возстановленію Великой Россіи, а къ превращенію нѣкогда великаго государства въ ихъ вассальную колонію.

Понялъ ихъ планы Русскій Императоръ и мужественно «у преддверія могилы» предпочелъ честь безчестью.

Поняла это и душа народа, его интеллигенція, большая часть которой на Московскихъ совѣщаніяхъ съ графомъ Мирбахомъ не приняла нѣмецкихъ плановъ.

Этимъ еврейскіе элементы въ самой Германіи воспользовались, какъ удобнымъ предлогомъ отказаться отъ всякихъ попытокъ идти противъ большевиковъ, и сумѣли дать восторжествовать этой точкѣ зрѣнія въ германскихъ правительственныхъ кругахъ.

Послѣдовалъ красный терроръ, унесшій десятки тысячъ лучшихъ русскихъ людей и въ особенности несчастныхъ мучениковъ: русскихъ офицеровъ.

Впрочемъ, пусть русскій читатель, прочитавъ разсказъ автора, самъ рѣшитъ, кто правъ, кто виноватъ. Объективное изложеніе дѣла даетъ полную возможность сдѣлать надлежащія заключенія.

Онъ не прочтетъ этихъ страницъ безъ слезъ. Авторъ, тамъ въ Екатеринбургѣ, въ застѣнкѣ, гдѣ былъ замученъ съ семьей русскій Царь, на рудникѣ, въ глухомъ лѣсу, гдѣ такъ невѣроятно надругались надъ ихъ останками, страдалъ самъ и не могъ безъ слезъ писать о подробностяхъ ихъ ужасной въ заключеніи жизни и ихъ столь жестокой смерти.

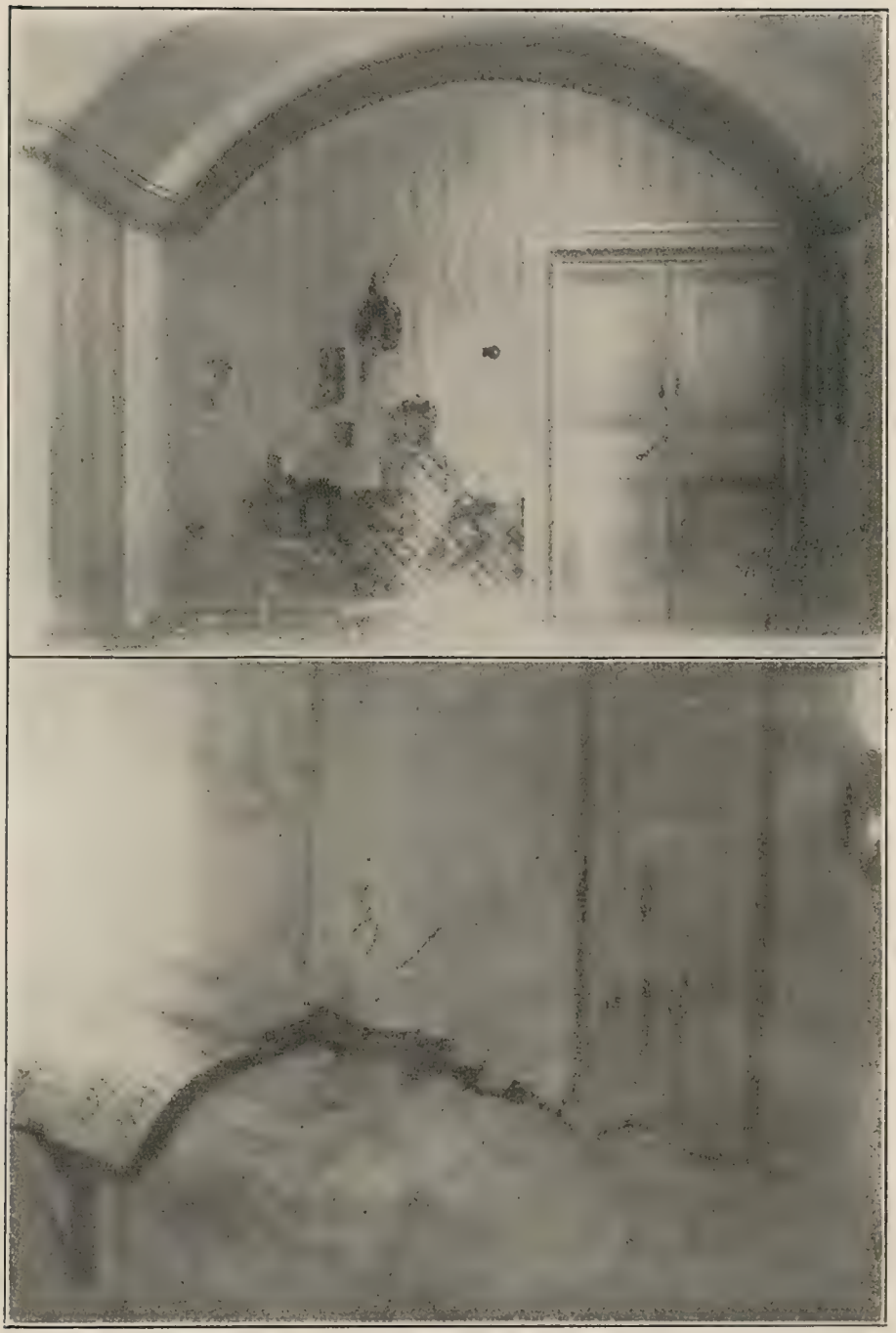
Пусть изъ этого великаго горя, изъ всего накопившагося русскаго горя русской земли родится ясное пониманіе своего прошлаго, своего настоящаго и своего будущаго для всѣхъ русскихъ людей. Автору, выросшему въ Россіи и впитавшему въ себя любовь къ ней, дорога мысль, что онъ хоть сколько-нибудь можетъ способствовать такому просвѣтлѣнію, освѣдомляя русскихъ людей объ ужасномъ мученичествѣ ихъ бывшаго Царя и его невинныхъ дѣтей.

Парижъ. Сентября 11/24 дня 1920 года. Робертъ Вильтонъ.

Общій видъ дома Ипатьева, снятый во время пребыванія въ немъ узниковъ.

Видъ дома Ипатьева съ переулка. Окно съ рѣшеткой внизу, между деревьевъ, принадлежитъ комнатѣ, гдѣ совершилось злодѣяніе.

Комната злодѣянія.



Сверху: Комната (приблизительные размѣры $6^1/_4$ аршина на 8 аршинъ). Пробитая пулями штукатурка перегородки была снята слѣдователемъ, какъ вещественное доказательство. Дверь справа ведетъ въ кладовую. Внизу: каббалистическая надпись, какъ разъ противъ мѣста, гдѣ былъ убитъ Государь.

ГЛАВА I.

Вступленіе.

Наконецъ, настало время огласить правду о тяжкой кончинѣ Императора Николая II и его семьи.

Нашъ разсказъ основанъ на разслѣдованіи, произведенномъ авторомъ, на показаніяхъ свидѣтелей и убійцъ, на данныхъ предварительнаго слѣдствія.

Когда виновные будутъ привлечены къ отвѣтственности, судебное разбирательство не сможетъ ни уменьшить объемъ обвиненія, ни ослабить силу уликъ. Но пока часъ возмездія не пробилъ, люди съ разныхъ сторонъ силятся заглушить или хотя бы исказить ужасную правду, — слишкомъ ужъ много интересовъ затронуто этимъ преступленіемъ.

Царская семья съ нѣсколькими вѣрными слугами содержалась большевиками въ одномъ изъ домовъ Екатеринбурга; тамъ она терпѣла дурное обращеніе и прошла черезъ настоящую нравственную пытку.

Въ ночь съ 3/16 на 4/17 іюля 1918 г. всѣ эти несчастные — въ числѣ 11 человѣкъ — были отведены въ подвальную комнату и перебиты изъ револьверовъ; трупы были вывезены въ лѣсъ и уничтожены.

На слѣдующій день погибли тѣ члены Императорской фамиліи, которые находились въ заточеніи въ окрестностяхъ Перми. Братъ Государевъ, великій князь Михаилъ Александровичъ, исчезъ уже раньше. Нѣсколько другихъ членовъ рода Романовыхъ, содержавшихся подъ стражей въ Петроградѣ, раздѣлили участь Государя, шесть мѣсяцевъ спустя.

Подготовило эту бойню и приказало привести ее въ исполненіе Московское совѣтское правительство.

Избіеніе Романовыхъ въ Екатеринбургѣ произошло за девять дней до прибытія противобольшевицкихъ[1]) войскъ. Это не помѣшало Московскому совѣтскому правительству обнародовать 7/20 іюля сообщеніе о «казни» Царя, которая будто-бы находила свое оправданіе въ наступленіи «бѣлыхъ»; сообщеніе утверждало, что Государыня и дѣти укрыты въ безопасномъ мѣстѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Императоръ Николай II погибъ изъ-за своего упорнаго желанія остаться вѣрнымъ своему народу и Союзникамъ. Нѣмцы дѣлали ему самыя заманчивыя предложенія: они ручались, что жизнь Романовыхъ будетъ сохранена и что престолъ перейдетъ его сыну. Отъ Государя требовалось только принять нѣмецкую помощь. Тогда исчезли бы большевики: ихъ выгнала бы та самая рука, которая прислала ихъ разрушать Россію. Николай II угадалъ западню; онъ отказался быть спасеннымъ цѣною безчестія.

Фельдмаршалъ фонъ Людендорфъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о войнѣ» намекаетъ на нѣмецкій планъ весьма ясно: «Мы могли свергнуть Совѣтское правительство и способствовать утвержденію въ Россіи другой власти. Въ общей картинѣ веденія войны это представило бы существенный успѣхъ. Съ новымъ русскимъ правительствомъ можно было бы заключить относительно Брестскаго договора новыя соглашенія.» Легко понять свойство этихъ «новыхъ соглашеній»: то была бы Россія, впряженная въ германскую колесницу съ цѣлью раздавить Францію, то была бы вѣрная побѣда тевтоновъ. . .

Я находился въ Сибири для выполненія одного порученія; въ мартѣ 1919 года я встрѣтился во Владивостокѣ съ генераломъ Дитерихсомъ. Онъ прибылъ отъ адмирала Колчака, для сдачи англійскому капитану-командору вещей, оставшихся отъ Императорской семьи (драгоцѣнности, одежда и проч.); онѣ подлежали дальнѣйшей передачѣ родственникамъ въ Европѣ. Мы были съ нимъ давнишніе знакомые по русскому фронту. Генералъ отвелъ чешскіе эшелоны на востокъ; затѣмъ онъ принялъ командованіе уральскимъ фронтомъ; но интриги вынудили его оставить армію. Верховный Правитель приказомъ отъ 17-го января 1919 г. возложилъ на М. К. Дитерихса особыя полномочія по разслѣдованію убійства Царской семьи на Уралѣ.

---

[1]) Мы пишемъ «большевицкій»; начертаніе «большевистскій» безграмотно. Мужикъ — мужицкій, большевикъ — большевицкій. Переводчикъ.

Я сдѣлался его спутникомъ и сопутствовалъ ему въ теченіе всего 1919 года, столь обильнаго трагическими событіями.

Чрезъ мѣсяцъ я былъ въ Екатеринбургѣ. Тамъ мы застали Николая Алексѣевича Соколова, вновь назначеннаго судебнаго слѣдователя. Страсть къ охотѣ быстро сблизила меня съ нимъ[1]).

Въ дѣлѣ разлѣдованія убійства сильно были замѣшаны партійные интересы: одни видѣли въ немъ политическое убійство, другіе утверждали, что считаютъ его простой подробностью революціоннаго движенія: они боялись мести евреевъ, въ которыхъ подозрѣвали главныхъ виновниковъ.

Большинству министровъ убійство представлялось событіемъ досаднымъ, ибо слѣдствіе уже подмѣтило наличіе въ немъ еврейскаго элемента.

Производство слѣдствія было возложено сперва на судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ М. Наметкина. Онъ проявилъ прозорливость и рвеніе чрезчуръ недостаточныя. 8 августа дѣло отъ него было изъято и передано Ивану Александровичу Сергѣеву[2]), члену окружнаго суда. Сергѣевъ въ теченіи шести мѣсяцевъ велъ слѣдствіе нерѣшительно, поддаваясь всѣмъ розсказнямъ большевицкихъ агентовъ и ни разу не побывавъ на томъ мѣстѣ, гдѣ по свидѣтельству многихъ лицъ были погребены тѣла убитыхъ.

Во главѣ министерства юстиціи былъ тогда соціалъ-революціонеръ Старынкевичъ. Адмиралъ Колчакъ, ставши Верховнымъ Правителемъ въ ноябрѣ, не хотѣлъ дать ему приказъ прекратить ту трагическую пародію на слѣдствіе, которую разыгрывалъ Сергѣевъ, и терпѣливо ждалъ до января. Наконецъ, когда

[1]) Соколовъ ранѣе случилъ судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ Пензѣ. Когда тамъ воцарилась совѣтская власть, онъ оставилъ свой домъ, свою семью и ушелъ буквально пѣшкомъ въ Сибирь, не желая подчиняться, какъ онъ говорилъ, «предателямъ моей Родины.» Онъ переодѣлся крестьяниномъ-оборванцемъ и послѣ долгихъ скитаній и полныхъ всевозможныхъ опасностей приключеній, перейдя фронтъ, достигъ, наконецъ, Сибири. Послѣднія 40 верстъ Соколовъ прошелъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ ноги его представляли собой сплошныя раны. При разслѣдованіи дѣла объ убійствѣ Царской семьи онъ проявилъ необыкновенную смѣлость и неутомимость. Благодаря его безстрашію и упорству, собранъ неопровержимый, полный матеріалъ для будущаго суда. Составлена несокрушимая цѣпь уликъ и доказательствъ, продолжающихъ увеличиваться и теперь. Несмотря на желѣзную руку большевицкаго строя, несмотря на всѣ хитросплетенія большевицкой лжи, Екатеринбургъ, Пермь, Омскъ и окружающіе Екатеринбургъ лѣса выдали Соколову свои тайны и правда Царскаго дѣла теперь раскрыта.

[2]) Онъ сынъ еврея, принявшаго православіе.

нерѣшительность Сергѣева получила слишкомъ большую огласку, назначили Дитерихса.

Документы, собранныя въ дѣлѣ Сергѣева, все же заключаютъ въ себѣ вполнѣ опредѣленныя данныя для возстановленія картины преступленія. Не много понадобилось времени, чтобы распутать мотокъ и пойти по вѣрному слѣду.

Въ ту пору большевики больше всего боялись, какъ бы правда не раскрылась предъ русскимъ народомъ: они знали его слишкомъ хорошо, чтобы вѣрить въ его преданность коммунистическимъ идеямъ. На ихъ агентовъ была возложена обязанность всѣми способами искажать дѣйствительный смыслъ Екатеринбургскаго дѣянія и тѣмъ отклонить народный гнѣвъ.

Принявъ всѣ мѣры къ уничтоженію труповъ, большевики упорно распространяли легенду о народномъ судѣ, который приговорилъ Царя къ смерти, будто бы за измѣну русскому дѣлу; въ то же время они настаивали на томъ, что дѣти Государя живы.

Въ правительствѣ Колчака нашлись измѣнники, которые исподтишка поддерживали эти козни. Увѣряли, что великую княжну Анастасію Николаевну видѣли въ Перми[1]); распространяли двусмысленные разсказы и о другихъ Царскихъ дочеряхъ.

Позднѣе большевицкое правительство подстроило ложный процессъ противъ соціалъ-революціонеровъ, которые будто бы убили Царскую семью съ цѣлью свалить вину на большевиковъ. Но ставъ полными владыками Россіи, большевики цинично признались въ избіеніи всей Императорской фамиліи.

Я долго изучалъ мѣста, гдѣ произошло Екатеринбургское злодѣяніе, начавъ съ Ипатьевскаго дома, имя котораго зловѣще совпадаетъ съ именемъ того Костромского монастыря, гдѣ первый Романовъ получилъ извѣстіе о своемъ избраніи на престолъ. Меня свелъ туда судебный слѣдователь Соколовъ.

Онъ разъяснилъ мнѣ ходъ драмы съ точностью, не допускавшей сомнѣнія. На стѣнахъ подвальной комнаты я видѣлъ кровавыя пятна, о которыхъ большевики, когда мыли комнату, позабыли; я видѣлъ непристойныя надписи, рисунки, сдѣланные рукой русскихъ тюремщиковъ; я прочелъ другія надписи, на нѣмецкомъ, на венгерскомъ, на еврейскомъ языкѣ. . .

---

[1]) Женщина, на которую указывали въ этомъ случаѣ, была разстрѣляна красными; когда ее выкопали изъ могилы, въ ней узнали трупъ одной проститутки, извѣстной въ Перми подъ именемъ Насти Воровки!

У колодца рудника, верстахъ въ 15-ти отъ города, гдѣ были сожжены одиннадцать труповъ, я нашелъ, обшаривъ землю, драгоцѣнные камни, принадлежавшіе молодымъ великимъ княжнамъ.

Въ то время, какъ могильщики производили свою ужасную работу, окружающіе лѣса были оцѣплены отрядомъ красноармейцевъ. Крестьяне и дачники, оказавшіеся отрѣзанными въ теченіе трехъ дней, разсказали потомъ, что видѣли. Мужики, которые пришли къ шахтѣ немедленно вслѣдъ за уходомъ красныхъ вампировъ, нашли въ ней, въ травѣ, среди пепла костровъ и въ грязи великолѣпные драгоцѣнные камни и другіе предметы, избѣгнувшіе огня; они были таковы, что эти простые люди, ничего не знавшіе о смерти Романовыхъ, сказали: «Это здѣсь убили и сожгли Царя.» Давая свои показанія, они честно сдали драгоцѣнности.

Наметкинъ ограничился тѣмъ, что призналъ точность этихъ первыхъ показаній. Сергѣевъ избѣгалъ этого мѣста; онъ увѣрялъ, что боится лѣсныхъ бродягъ.

Когда выяснилась неизбѣжность паденія Омска, Соколовъ увезъ дѣло. Вскорѣ послѣ того генералъ Дитерихсъ оставилъ должность главнокомандующаго арміей, ибо, несмотря на его представленіе, Колчакъ отложилъ эвакуацію столицы. Я выѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ, за нѣсколько дней до вступленія въ городъ красныхъ.

Въ Читѣ мы вновь встрѣтились съ Соколовымъ. Здѣсь находилась тогда главная квартира атамана Семенова, который стремился возродить остатки Колчаковскаго правительства, объединивъ ихъ подъ своей властью. Соколовъ вскорѣ вызвалъ у семеновцевъ подозрѣніе. Они хотѣли опереться на престижъ Романовыхъ, у Соколова же находились доказательства, что вся Семья погибла. Это мѣшало ихъ политикѣ. Соколовъ уѣхалъ въ Харбинъ, гдѣ мы съ нимъ встрѣтились чрезъ нѣсколько недѣль.

Большевицкое движеніе среди русскихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ вызвало общую забастовку. Необходимо было спасти дѣло. Его спрятали въ моемъ вагонѣ. Соколовъ и самъ приходилъ ко мнѣ. Послѣ бѣгства изъ Омска, я держалъ на своемъ вагонѣ англійскій флагъ, но въ Харбинѣ не было англійскихъ солдатъ. Мы легко могли подвергнуться нападенію; каждую ночь мы по очереди сторожили. . .

Для безопасности дѣла и для личной безопасности Соколова, ему необходимо было выѣхать въ Европу. Въ началѣ марта у

меня собрались генералы Дитерихсъ и Лохвицкій и Н. А. Соколовъ. На этомъ совѣщаніи я взялъ на себя помогать ему во время его поѣздки и охранять одинъ экземпляръ дѣла. Подлинникъ былъ порученъ одному французскому генералу.

9/22 марта, какъ только забастовка окончилась, мы съ Соколовымъ выѣхали изъ Харбина.

ГЛАВА II.

Сцена и дѣйствующія лица.

Убійство Романовыхъ преступленіе не заурядное, — оно потребовало сложнаго сочетанія обстоятельствъ, соглашенія между многими политическими лицами: Царя и всю семью его не убиваютъ по случайнымъ причинамъ или ради частныхъ интересовъ. Надо хорошо усвоить себѣ обстановку преступленія: только тогда можно разобраться въ побужденіяхъ, руководившихъ убійцами.

Въ началѣ 1917 года, когда Россія собиралась бросить чрезъ Карпаты и чрезъ Балканы 8000000 солдатъ и тѣмъ обезпечить пораженіе германской коалиціи, императоръ Вильгельмъ и Людендорфъ — для спасенія Германіи — послали Ленина и его орду сѣять раздоръ и анархію среди русскихъ.

Слѣдствіемъ посылки большевиковъ долженъ былъ быть разгромъ державъ Согласія. Планъ этотъ, заблаговременно выработанный, потребовалъ большихъ расходовъ; Ленинъ съ его присными работали въ теченіи двухъ лѣтъ въ Швейцаріи за счетъ Берлина (и Вѣны); профессора въ искусствѣ пропаганды научили ихъ, какъ организовать «мирное» завоеваніе Россіи. Состоя пенсіонерами Германіи, они получали причитающееся имъ содержаніе вплоть до того дня, когда всѣ сокровища опустошенной Россіи перешли въ ихъ руки. «Русская» революція была произведена на нѣмецкія деньги[1].

Совѣтское правительство было ни чѣмъ инымъ, какъ отдѣленіемъ Фридрихштрассе. И дѣйствительно, составъ этого правитель-

[1]) Эдуардъ Бернштейнъ, соціалистъ и еврей, но заядлый врагъ большевиковъ, заявилъ, что ему извѣстно, что Германія затратила на посылку Ленина 50 милліоновъ марокъ золотомъ. Республиканское Берлинское правителство уклонилось отъ дачи разъясненій по его запросу.

ства былъ установленъ въ Берлинѣ, еще до его отъѣзда въ Петроградъ.

Брестъ-Литовскій успѣхъ, казалось, обезпечивалъ крестнымъ отцамъ большевизма міровую побѣду; хлѣбъ, насильно отобранный у крестьянина на Украинѣ, кормилъ Венгрію, Австрію и Германію; русское золото, подъ видомъ возмѣщенія военныхъ убытковъ, питало государственные запасы въ Шпандау. Большевизмъ возстановлялъ силы германской коалиціи за счетъ странъ Согласія и толкалъ русскіе круги, которые еще оставались здоровыми, въ нѣмецкія объятія. . .

Однако опасенія продолжали существовать. Сами авторы заговора боялись, какъ бы онъ не повернулся противъ нихъ. Вотъ весьма много говорящее мѣсто изъ книги Людендорфа: «Я не сомнѣвался, что разгромъ русской арміи и русскаго народа представитъ собой для Германіи и Австріи чрезвычайную опасность. . . Правительство наше, отправляя Ленина въ Россію, взяло на себя огромную отвѣтственность! Поѣздка съ военной точки зрѣнія вполнѣ оправдывалась: было необходимо, чтобы Россія пала. Но наше правительство должно было остерегаться, чтобы и Германія не пала въ свою очередь.»

Большой стратегъ, Людендорфъ не поколебался послать въ Украину до 30 венгро-германскихъ дивизій въ то самое время, когда собирался нанести рѣшительный ударъ на главномъ фронтѣ: это и означало «принять мѣры предосторожности». Онъ считалъ, что дивизіи эти, переброшенныя въ Москву для созданія тамъ германофильской монархіи, принесутъ большую пользу, чѣмъ онѣ могли бы принести во Франціи. Онъ былъ, конечно, правъ, но его «предосторожность» ни къ чему не привела. . .

Въ то время, къ которому относится трагедія Романовыхъ, Германія еще господствовала надъ Россіей: гетманъ на Украинѣ былъ подъ ихъ покровительствомъ; войска ихъ занимали Финляндію и Прибалтійскія губерніи; остатки Учредительнаго собранія, разогнаннаго большевицкими штыками, укрывались на Нижней Волгѣ. Предвидѣть какое-либо основательное сопротивленіе не было причины. Графъ Мирбахъ невозбранно диктовалъ апостоламъ марксизма.

Мѣры къ возстановленію царской власти были приняты скоро послѣ заключенія Брестъ-Литовскаго договора; въ апрѣлѣ Свердлову было поручено устроить возвращеніе Государя и Цесаревича

Алексѣя въ Москву. Чтобы народъ принялъ возстановленіе династіи, требовалось облечь таковое въ торжественную обстановку.

Противъ большевиковъ образовались два политическія объединенія: Союзъ возрожденія и Національный центръ. Этотъ послѣдній, состоящій изъ крупныхъ помѣщиковъ и монархистовъ, охотно шелъ на всякія уступки, лишь бы освободиться отъ большевиковъ; поэтому онъ былъ вполнѣ согласенъ идти заодно съ нѣмцами, которыхъ къ тому же считалъ раскаявшимися въ ихъ большевицкой затѣѣ. Союзъ представлялъ собою интеллигенцію, партію конституціоналистовъ-демократовъ. Эта партія оставалась непримиримой: «кайзеризмъ — вотъ врагъ», — таковъ былъ ея девизъ.

Обѣ группы допускали русскую монархію, но со слѣдующимъ различіемъ: консерваторы готовы были принять ее изъ нѣмецкихъ рукъ, радикалы отказывались отъ всякаго «подарка» изъ Берлина. Кандидатомъ германцевъ былъ юный Алексѣй, который былъ бы болѣе податливъ ихъ вліянію; радикалы предпочитали великаго князя Михаила Александровича, Наслѣдника, признаннаго актомъ отреченія.

Весною 1918 года эти двѣ группы собрались въ Москвѣ въ отвѣтъ на приглашеніе графа Мирбаха. Центръ очень быстро пришелъ къ соглашенію. Союзъ раздѣлился на двѣ неравныя части: одну составили сторонники кадетскаго лидера П. Н. Милюкова; другую — почти всѣ бывшіе на собраніи.

Отсутствіе единодушія у противубольшевиковъ вскорѣ осложнилось вторымъ препятствіемъ: Николай II наотрѣзъ отказывался отъ нѣмецкихъ предложеній; царевичъ Алексѣй былъ боленъ.

Тогда въ Германіи проявили нерѣшительность, и колеблющаяся политика погубила Германію. Людендорфъ прекрасно зналъ, что эти 30 германо-венгерскихъ дивизій быстро покончили бы съ Совѣтами, что Россія, жаждавшая порядка, не оказала бы ни малѣйшаго сопротивленія тѣмъ, кто прогналъ бы большевиковъ. Но для этого необходимо было идти до конца и не терять времени, ибо дивизіи скоро подвергались большевицкой пропагандѣ.

Мысль, которая должна была окончательно погубить дѣло нѣмцевъ, была высказана самимъ Людендорфомъ; поводъ подали чехо-словаки. Но предоставимъ опять слово славному военачальнику Кайзера.

БИБЛИОТЕКА МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ С.С.С.Р.

Держав Согласія формировали чехо-словацкія части, составленныя изъ австрійскихъ военноплѣнныхъ, которыя и направлялись чрезъ Сибирь, чтобы драться съ нами во Франціи. Совѣтское правительство, хотя и опиралось на насъ, не препятствовало этимъ мѣрамъ... Въ началѣ іюня я написалъ по этому поводу имперскому канцлеру, предостерегая его относительно опасности, которая угрожала намъ съ стороны Совѣтовъ.»

Правда заключалась въ томъ, что послѣ русскаго крушенія чехо-словацкіе баталіоны въ силу соглашенія между Масарикомъ и Ленинымъ, покидали Россію, Германія же выполненію этого соглашенія не препятствовала.

Тридцать тысячъ Масариковскихъ солдатъ, которые въ то время были эшелонированы между Волгой и Владивостокомъ, думали лишь о возвращеніи въ Европу. Допуская эвакуацію, Ленинъ дѣлалъ прекрасную «аферу», ибо весьма удобно избавлялся отъ присутствія заклятыхъ враговъ своихъ нѣмецкихъ господъ.

Письмо Людендорфа было написано въ началѣ іюня; надо думать, что оно не было съ его стороны первымъ предупрежденіемъ, ибо уже къ концу мая (н. ст.) на чешскіе эшелоны были произведены нападенія почти одновременно и на Уралѣ, и на Байкальскомъ озерѣ. Вскорѣ послѣ того германскіе плѣнные на Дальнемъ Востокѣ вооружились боевыми припасами изъ Владивостокскихъ складовъ; совѣтскія власти не препятствовали и плѣнные открыли военныя дѣйствія противъ чеховъ. Вмѣстѣ съ бѣглыми каторжниками и иными героями «русской» революціи они храбро сражались, чтобы сломить всякое противодѣйствіе нѣмцамъ.

Обыкновенный смертный увидѣлъ бы въ этихъ событіяхъ новое доказательство трогательной вѣрности большевиковъ своимъ покровителямъ. Но не такъ было для Людендорфа.

Позднѣе онъ писалъ: «Чехо-словаки ... были задержаны на сибирской желѣзной дорогѣ, чтобы дѣйствовать противъ Московскаго правительства. Державы Согласія добились того, что помѣшали нашимъ плѣннымъ вернуться изъ Сибири.» Онъ ищетъ въ чужихъ поступкахъ оправданіе ошибкамъ германскаго правительства.

Враждебныя дѣйствія противъ чеховъ были начаты при подстрекательствѣ Германіи; но это злополучное нападеніе вызвало борьбу русскихъ съ большевиками и въ корнѣ подорвало планъ

ОСОБЫЙ ФОНД Музея Революции СССР № 284/131

германофильской реставраціи, такъ какъ успѣхъ красной арміи въ этой войнѣ придалъ Совѣтскому правительству силъ и смѣлости: оно повернуло противъ своихъ владыкъ и направило на нихъ свое отравленное оружіе революціонной пропаганды. Троцкіе оказались сильнѣе Свердловыхъ.

Въ разгаръ борьбы, возникшей изъ-за отъѣзда чеховъ, погибли Романовы. Мы увидимъ, почему Совѣтское правительство устранило ихъ именно въ это время, почему императоръ Вильгельмъ оказался безсиленъ спасти ихъ, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно отвѣтственнымъ за ихъ гибель. Все это станетъ яснымъ по прочтеніи нашего разсказа.

Совѣтскіе дѣятели создали правительственный аппаратъ, отвѣчавшій ихъ цѣлямъ: разрушеніе страны и овладѣніе ею. Система ихъ демократизма, который въ теоріи доходилъ до комунизма, покоилась исключительно на террорѣ.

«Народными комиссарами» предсѣдательствовалъ Ленинъ, но эти «избранники» набирались среди членовъ партіи. Выборы подстраивались безъ особаго труда. Крестьяне, рабочіе и прочій темный людъ лишь хлопали глазами. Совѣтъ народныхъ комиссаровъ — это исполнительная власть только на показъ.

Центральнымъ исполнительнымъ комитетомъ съѣздовъ совѣтовъ предсѣдательствовалъ Свердловъ, который (подобно Ленину) уже заранѣе былъ въ Берлинѣ подготовленъ въ большевицкіе министры. Этотъ Центральный исполнительный комитетъ считался законодательной властью, но въ дѣйствительности былъ органомъ произвола, такъ какъ тайно руководилъ по всей странѣ всѣми Совѣтами, — крестьянскими, рабочими, солдатскими и пр. По его указкѣ происходили также «выборы» народныхъ комиссаровъ. Среди членовъ Комитета состояли Ленинъ, Троцкій, Каменевъ, Зиновьевъ, Іоффе, Крыленко, Урицкій.

Чтобы держать русскихъ въ состояніи покорности, «чрезвычайныя комиссіи», приданныя каждому Совѣту, организовали терроръ; ихъ дѣятельность объединялась Московской чрезвычайкой.

Очевидно, что Центральный комитетъ и Чрезвычайная комиссія должны были работать рука объ руку. Такъ оно и было. Свердловъ верховодилъ въ обоихъ главныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Его не безъ основанія называли «краснымъ царемъ». Скипетръ его внушалъ страхъ. Въ сравненіи съ нимъ поблекъ образъ начальника Охраны царскихъ временъ.

Мирбахъ велъ важнѣйшія дѣла преимущественно со Свердловымъ, а не съ Ленинымъ. Причина ясна: нѣмецкіе планы осуществлялись чрезъ посредство бывшаго наймита «кайзеризма». Мирбаху ежедневно доставляли подробный докладъ Чрезвычайной комиссіи, который давалъ ему полную картину происходящаго въ странѣ.

Большевицкій генеральный штабъ, созданный Берлиномъ и Вѣной и посланный въ Петроградъ въ «запломбированномъ поѣздѣ» (чтобы оградить добрый нѣмецкій народъ отъ искусной пропаганды) подпалъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ работы въ Россіи, новому вліянію. То было вліяніе «американское», проводникомъ котораго былъ Троцкій.

Извѣстна его роль въ Брестъ-Литовскѣ. Ленинъ уступалъ нѣмцамъ все, что они желали, но Троцкій былъ твердъ. Онъ вовсе не былъ намѣренъ получать приказанія изъ Берлина; онъ питалъ честолюбивые замыслы; они сказались позднѣе, когда эмигранты-евреи, вернувшись въ Россію, подѣлили ее между собою съ помощью американскаго золота.

Имени Троцкаго среди убійцъ Романовыхъ не значится. Но взятая имъ на себя роль воинствующаго «патріота» и международнаго «Наполеона» нарушила нѣмецкую организацію, представленную Ленинымъ и Свердловымъ, и несомнѣнно способствовала рѣзкому повороту противъ павшаго Государя и Императрицы, которыхъ нѣмцы хотѣли возстановить на престолѣ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ часто встрѣчаться имена Свердлова, Голощекина, Юровскаго, Бѣлобородова; рѣже — имена Сафарова, Войкова и Сыромолотова. Таковы имена главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Ленинъ и остальные начальники Московской чрезвычайки были, конечно, освѣдомлены о ходѣ дѣла.

Во время избіенія Императорской фамиліи Мирбаха на этомъ свѣтѣ уже не было. Его убили ручной гранатой и револьверными пулями за недѣлю до смерти Государя. Убійцы пришли къ нему въ качествѣ представителей Чрезвычайной комиссіи, не вызывая ни малѣйшаго подозрѣнія. Это были соціалъ-революціонеры, желавшіе отомстить большевикамъ. Роль Мирбаха въ судьбѣ Государя явствуетъ изъ германскаго плана, который нами очерченъ выше.

Мы уже говорили о Свердловѣ. Ихъ было нѣсколько братьевъ, — всѣ большевики и комиссары. Этого звали на самомъ дѣлѣ

Янкелемъ, но не желая обнаруживать чрезчуръ еврейское имя, онъ принялъ имя Якова. Въ теченіи цѣлаго года онъ деспотически управлялъ Совдепіей. Это онъ организовалъ убійство Романовыхъ и приказалъ привести его въ исполненіе.

Шая Голощекинъ, тоже еврей, былъ съ Свердловымъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Они вмѣстѣ отбывали въ Сибири политическую ссылку. Оба, еще молодые, отличались большевицкимъ рвеніемъ. Шая стоялъ во главѣ Уральскаго совѣта. Подробности избіенія были разработаны на мѣстѣ имъ. Это была природа, порочная до садизма; онъ любилъ слушать подробные разсказы о пыткахъ, которымъ подвергались жертвы въ чрезвычайкахъ, самъ же при пыткахъ по трусости не присутствовалъ.

Приговоривъ въ качествѣ члена чрезвычайки какую-нибудь несчастную жертву большевицкаго гнѣва къ смерти или къ пыткѣ, Шая ложился въ постель и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ поджидалъ возвращенія палача; слушая докладъ о пыткахъ, онъ корчился въ садическихъ судорогахъ и просилъ еще и еще подробностей.

Бѣлобородовъ, молодой русскій рабочій, лѣнтяй и бахвалъ, былъ выбранъ товарищами по заводу предсѣдателемъ Екатеринбургскаго окружнаго совѣта. Онъ не замедлилъ забрать изъ кассы 30000 рублей. Всевидящіе сыщики чрезвычайки открыли кражу и воръ попалъ во власть Голощекина. Видя, что надо выбирать между пыткой и послушаніемъ, Бѣлобородовъ сдѣлался рабомъ Шаи.

Такая система подставныхъ лицъ примѣнялась въ Совдепіи въ широкихъ размѣрахъ; народъ никогда не зналъ, кто имъ управляетъ; это было удобно и безопасно, особенно на Уралѣ, ибо тамошніе горнорабочіе, народъ весьма независимый, считали себя равными москвичамъ, если не выше ихъ, и конечно не допустили бы такого вмѣшательства Московскаго правительства въ свои дѣла, а еврейское владычество отвергли бы съ негодованіемъ.

Юровскій — главный убійца. Его отецъ, Хаимъ Ицковичъ, бѣдный полтавскій еврей, осужденный за воровство и сосланный въ Сибирь, поселился лѣтъ 30 назадъ въ Томскѣ вмѣстѣ со своей женой Эсфирью Моисеевной (рожд. Варшавской) и тремя сыновьями: Моисеемъ, Пейсахомъ и Янкелемъ. Послѣдній и есть цареубійца. Семья увеличилась тремя другими сыновьями, Бору-

хомъ, Елемейеромъ и Лейбой и дочерью Перлой. Нѣкоторые изъ нихъ переселились въ Сѣверо-Американскіе Штаты.

Янкель посѣщалъ школу при Томской синагогѣ Талматейро. Скромный часовщикъ подмастерье (отецъ его былъ часовыхъ дѣлъ мастеръ), онъ проявлялъ большое честолюбіе, былъ грубъ, властенъ и настойчивъ. Родители его боялись. Онъ пустился въ политику, имѣлъ недоразумѣнія съ полиціей и перебрался въ Екатеринбургъ.

Вскорѣ послѣ этого онъ исчезъ и вернулся приблизительно за годъ до войны, имѣлъ при себѣ деньги и умѣлъ говорить по нѣмецки. Онъ открылъ фотографическую мастерскую. Сосѣди узнали, что онъ проживалъ въ Берлинѣ.

Было извѣстно также, что онъ состоялъ въ связи съ одной нѣмкой, которая не захотѣла за него выйти замужъ изъ-за религіи. По этой-ли причинѣ или потому, что онъ видѣлъ въ томъ способъ преуспѣть въ жизни, но Янкель въ Берлинѣ крестился по лютеранскому обряду, послѣ чего началъ офиціально называться Яковомъ. Имя отца онъ передѣлалъ на Михаила и сталъ Яковомъ Михаиловичемъ. Лицо его не выдавало его происхожденія. Онъ сходилъ за настоящаго русскаго.

При объявленіи войны ему не было еще 40 лѣтъ; чтобы избѣжать службы въ окопахъ, онъ поступилъ на санитарные курсы братьевъ-милосердія; укрывшись въ одномъ изъ городскихъ госпиталей, онъ жилъ себѣ тамъ спокойно съ женой, матерью и тремя дѣтьми.

Какъ только началась революція, онъ уѣхалъ, — куда, неизвѣстно; въ дни большевицкаго переворота вновь появился и тотчасъ же выступилъ въ разныхъ кружкахъ въ качествѣ вожака, оратора, а скоро и въ качествѣ комиссара въ мѣстномъ Совѣтѣ и чрезвычайкѣ.

Имена Войкова и Сафарова значатся въ спискѣ пассажировъ «запломбированнаго поѣзда», рядомъ съ именами Ленина, Свердлова и Голощекина. Видные большевики, они были соучастниками Юровскаго и Шаи. Тоже можно сказать о Сыромолотовѣ, бывшемъ штейгерѣ, который позднѣе получилъ очень важное мѣсто комиссара Донецкихъ рудниковъ.

Екатеринбургскіе жители, знавшіе всѣхъ троихъ, считаютъ, что Сафаровъ (имя татарское) еврей: «типъ не русскій, какъ будто бы еврей.» О Войковѣ же въ показаніяхъ сказано, что онъ «же-

натъ на еврейкѣ». Начальникъ англійской военной миссіи въ телеграммѣ, отправленной изъ Екатеринбурга въ 1919 году, указываетъ на еврейское происхожденіе Сафарова и Войкова. Англійской службы капитанъ Х. С. Спенсеръ въ рапортѣ своемъ въ англійское военное министерство писалъ въ маѣ 1917 г., что Ленина сопровождали «два еврея фанатика, Вайненъ (Вайнеръ или Войковъ?) и Сафаровъ, на которыхъ расчитывали, чтобы истребить всѣ элементы, вредные еврейско-германскому плану». (Написано за 14 мѣсяцевъ до смерти Государя.)

Видный собиратель данныхъ о «герояхъ» революціи, В. Л. Бурцевъ, считаетъ, что Войковъ и Сафаровъ не евреи. Я не настаиваю. Въ моемъ разсказѣ я руководствуюсь лишь соображеніями исторической правды и ничѣмъ инымъ. Во избѣжаніе всякого подозрѣнія въ предвзятости, я въ дальнѣйшемъ даю списокъ членовъ Центральнаго исполнительнаго комитета, Чрезвычайной комиссіи и Совѣта народныхъ комиссаровъ ко времени убійства Романовыхъ. Изъ 62 членовъ Комитета русскихъ было 6 (считая одного «украинца»), латышей 6, нѣмцевъ 2, чехъ 1, армянъ 2, грузинъ 3, караимъ (еврейская секта) 1, евреевъ 41. Московская чрезвычайная комиссія состояла изъ 36 членовъ, изъ коихъ 1 нѣмецъ, 1 армянинъ, 2 русскихъ, 8 латышей, 33 еврея. Изъ 22-хъ членовъ Совѣта народныхъ комиссаровъ 2 были армяне, 3 русскіе и 17 евреи. По даннымъ совѣтскихъ газетъ на 556 видныхъ чиновниковъ большевицкаго государства (включая вышеуказанныхъ) въ 1918—1919 году приходилось: 17 русскихъ, 2 «украинца», 11 армянъ, 35 латышей, 15 нѣмцевъ, 1 венгерецъ, 10 грузинъ, 3 поляка, 3 финна, 1 чехъ, 1 караимъ и 457 евреевъ.

Если читатель удивится, что въ убійствѣ Романовыхъ повсюду видна семитическая рука, пусть онъ вспомнитъ о высокихъ цифрахъ, коими выражается еврейское засиліе въ Совдепіи.

Были въ Россіи и евреи, не одобрявшіе работы прибывшихъ изъ Германіи и Америки опустошителей страны, среди которыхъ набирались большевицкіе кадры. Такъ напримѣръ, еврей Блюмкинъ, сдѣлавшійся членомъ Московской чрезвычайной комиссіи, убилъ 7 іюля Мирбаха, къ большому смущенію красныхъ германофиловъ. Ленинъ немедленно отправилъ въ Берлинъ особое лицо съ порученіемъ передать германскому правительству и семьѣ уби-

таго сожалѣніе Совѣтовъ[1]). Точно также, одинъ офицеръ еврейскаго происхожденія, по имени Каннегиссеръ, два мѣсяца позднѣе убилъ Урицкаго, начальника Петроградской чрезвычайки.

«Кадетъ» Винаверъ, признанный глава іудаизма въ Россіи[2]), голосовалъ въ Москвѣ вмѣстѣ со сторонниками Согласія.

ГЛАВА III.

Народная ненависть.

Главныя роли въ трагедіи Императорской Фамиліи были исполнены семитами; статистами были русскіе и зрители въ большинствѣ были тоже русскіе.

Тѣ, кто чтили «Царя-батюшку» чуть ли не какъ земное божество, ничего не сдѣлали, чтобы спасти его отъ казни; нашелся одинъ изъ такихъ даже среди палачей.

Любовь къ Царю еще не умерла среди крестьянъ стариковъ. Показанія, имѣющіяся въ дѣлѣ объ убійствѣ Романовыхъ, заключаютъ трогательныя проявленія вѣрности. Нерѣдко свидѣтели давали слѣдователю важныя показанія, рискуя собственной жизнью.

Ниже будутъ разсказаны страданія, чрезъ которыя прошли Государь и Императрица. Они стали предметомъ общей ненависти, но не отдали себѣ отчета въ переворотѣ, происшедшемъ въ народномъ настроеніи; тепличное существованіе уже давно

---

[1]) Трудно опредѣлить, сколько въ этихъ выраженіяхъ сожалѣнія заключалось притворства, сколько искренности, такъ какъ, оставаясь обязанными за свою власть Берлину, фанатики большевизма, будь они евреи или не-евреи, питали личные имперіалистическіе честолюбивые замыслы. Поэтому не должно удивляться, что Блюмкинъ позднѣе примкнулъ къ большевикамъ. Нѣкоторые полагаютъ даже, что онъ убилъ Мирбаха по соглашенію съ «чекой». Возможно и это.

[2]) Троцкій и его сотрудники не были «вѣрующими», ибо они не признавали власти синагоги и смѣялись надъ отлученіемъ, которому ихъ предали раввины; но вѣрные религіозной сплоченности своей расы, они своихъ единовѣрцевъ не притѣсняли. Извѣстно, съ какимъ ожесточеніемъ они преслѣдовали русскую церковь. Позднѣе, при изъятіи церковныхъ драгоцѣнностей, еврейскіе московскіе главари не рѣшились заступиться за синагоги. Это было признаніе своего начинающагося безсилія и растущаго среди народа антисемитизма.

лишало ихъ возможности имѣть какое-либо духовное общеніе съ подданными.

Въ силу трогательнаго самообмана, они все еще вѣрили въ вѣрность добраго народа и любили его до конца.

Заточеніе, ссылка и смерть Царя и его семьи были бы необъяснимы, еслибы народъ продолжалъ любить Романовыхъ. Палачи изъ русскихъ въ концѣ концовъ смягчались, таковъ славянскій характеръ, но внѣ дома Ипатьевыхъ ненависть продолжала свирѣпствовать.

Большевики, враги народа, преувеличивали вѣрность народныхъ массъ Государю. Если Свердловъ и Юровскій послѣ убійства Царя не остановились предъ избіеніемъ всей Императорской Фамиліи, это произошло не только изъ-за племенной ненависти, но также изъ боязни народа; тотъ же страхъ побудилъ ихъ скрывать преступленіе и исказить его характеръ.

Похитители власти всюду видѣли измѣну; ихъ розыскъ напрягалъ всѣ силы, чтобы ее обнаружить даже тамъ, гдѣ ея не было. Особенно чувствительны они были къ мысли о бѣгствѣ Романовыхъ изъ-подъ стражи. Чуть ли не ежедневно объявлялось о воображаемыхъ заговорахъ. Эти мнимыя попытки бѣгства заранѣе оправдывали всѣ мѣры воздѣйствія на узниковъ.

Монархическія организаціи, правда, существовали; ихъ агенты иногда приближались къ императорской тюрьмѣ, но узники ни одной попытки къ бѣгству не сдѣлали; это несомнѣнно. Вотъ убѣдительное доказательство: Николай II торжественно и многократно объявлялъ, что онъ Россіи не покинетъ; Государыня прежде всего отвергала самую мысль о выѣздѣ въ Германію. А въ Россіи въ то время надежнаго мѣста, гдѣ бы укрыться, не существовало.

Ослѣпленіе Николая II и Императрицы съ одной стороны и русская психологія съ другой явились исходной точкой революціоннаго движенія. Но безъ вмѣшательства другихъ элементовъ это движеніе никогда не приняло бы своего затяжного, ядовитаго характера.

Извѣстно, насколько роль Распутина была искажена съ цѣлью очернить Государя и Государыню. Ниже я даю полную картину его дѣятельности и правдивую характеристику.

Еврейская и русская печать въ согласіи съ Думой (чрезъ посредство Милюкова) работала надъ тѣмъ, чтобы изъ-за Распутина затоптать въ грязь имя Государыни. Доля этого опороченія

не могла не пасть на Государя. Сей презрѣнный крестьянинъ удостоился быть убитымъ княжеской рукой. Это былъ послѣдній ударъ по Императрицѣ и сигналъ къ революціи.

Въ теченіе всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1916 года народъ подъ вліяніемъ пропаганды потерялъ всякое уваженіе къ Императрицѣ. На окровавленныхъ стѣнахъ дома, гдѣ погибли Романовы, я читалъ имя Распутина съ гнусными приписками; изъ-за Распутина-же русскіе красные солдаты присутствовали безучастными при казни ихъ Царя.

Мнѣ однако не вѣрится, чтобы легенда о Распутинѣ сама по себѣ могла убить въ народѣ вѣру въ Николая II. Другія, болѣе раннія ошибки такъ глубоко поразили народную совѣсть, что толпа осталась равнодушной къ тяжелой участи своего Царя.

Я подразумѣваю отвратительное избіеніе женъ и дѣтей рабочихъ въ день кроваваго воскресенья 1905 г. Я присутствовалъ при раздирающихъ душу сценахъ, происшедшихъ въ этотъ день предъ Зимнимъ дворцомъ.

Это преступленіе было подготовлено Охраной съ ея Азефами и Гапонами, но народъ считалъ отвѣтственнымъ Царя.

Берлинскіе посланцы работали хорошо, но задача ихъ была значительно облегчена, такъ какъ многіе русскіе работали въ томъ же направленіи.

То поразительное напряженіе, которое Россія дѣлала въ интересахъ союзниковъ, мобилизуя еще восемь милліоновъ человѣкъ, вызвало печальныя послѣдствія, ибо мобилизація была чрезмѣрна, оторвала земледѣльца отъ земли и собрала по городамъ тьму недовольныхъ, — вооруженныхъ, вполнѣ готовыхъ къ возстанію. Очевидно, союзники не понимали положенія, иначе они не приняли бы этой роковой жертвы.

Въ 1917 году народъ увѣрили, что Императрица, будучи нѣмецкой принцессой, измѣняла Россіи. Простые люди, видя, что война затягивается до безконечности, считали, что они проданы врагу своими же Царемъ и Царицей.

До чего эти обвиненія были несправедливы, будетъ видно изъ дальнѣйшаго. Но и за границей уже публика принимала впослѣдствіи за правду легенду объ отдѣльномъ мирѣ, будто-бы подготовлявшемся между Императорами Николаемъ и Вильгельмомъ.

Не довѣряя людямъ общества, Государыня слушала только крестьянина Распутина, считая его человѣкомъ добрымъ и искрен-

нимъ; такимъ образомъ, когда налетѣлъ ураганъ, всѣ отъ нея отвернулись: Государь и Императрица остались одни, растерянные, безсильные, жалкіе.

Русская психологія составляетъ существенный элементъ революціи и Екатеринбургской драмы и требуетъ нашего вниманія, тѣмъ болѣе, что за границей психологія эта остается непонятой.

Слишкомъ много играли на словахъ: «невѣжественный мужикъ», «бюрократія», «самодержавіе», не считаясь со свойствами расы, неизмѣнными чрезъ всѣ вѣка.

Славянскія племена, объединенныя норманскими варягами въ русское государство, описаны тысячу лѣтъ назадъ современными имъ лѣтописцами совершенно такими, какъ могли бы быть ихъ сегодняшніе потомки.

Гостепріимные, любители хорошо поѣсть и выпить, они имѣли природу богатую противорѣчіями, столь же способную воспламениться добродѣтелями, сколь погрязнуть въ порокахъ; природу общительную и лишенную равновѣсія, мистическую и ультрадемократическую, питающую страсть къ отвлеченнымъ преніямъ, склонную къ крайностямъ, но подчиняющуюся навязанной власти норманскаго князя, татарскаго хана, а позднѣе еврейскаго большевика.

За тысячу лѣтъ русскіе не измѣнились; мужикъ, чиновникъ, священникъ, царь, — всѣ имѣютъ тѣ же качества и тѣ же недостатки.

Строй временъ Рюриковичей, — искусное соединеніе самодержавія и демократизма, — произвелъ чудеса. Это было именно то, что требовалось для развитія русскаго характера. Къ несчастью строй этотъ подъ татарскимъ владычествомъ выродился въ восточное самодержавіе. Позднѣе образовалась злочастная помѣсь послѣдняго съ прусскими методами.

Уроки исторіи были забыты и русскихъ обдѣлывали на нѣмецкій ладъ; получилась Россія искаженная, старавшаяся обрѣсти себя случайными способами. Но это мучительное исканіе своей личности было понято слишкомъ поздно, — таково трагическое недоразумѣніе между народомъ и самодержавіемъ.

Русскій чиновникъ и интеллигентъ были братьями той же семьи; часто чиновникомъ былъ болѣе умный, болѣе способный изъ нихъ.

Наверху находился правящій классъ чиновнаго и военнаго дворянства, внизу — полу-интеллигенція, — вырванное изъ своей

среды потомство бѣдныхъ крестьянъ, озлобленные евреи и мелкіе честолюбивые собственники, совсѣмъ внизу — рабочій и крестьянинъ (болѣе трехъ четвертей населенія), охотно прислушивавшійся къ пропагандѣ ненависти всѣхъ недовольныхъ и всѣхъ съ корнемъ оторванныхъ отъ своей почвы людей.

Всѣ безъ исключенія, въ томъ числѣ въ силу своихъ племенныхъ свойствъ и евреи, слѣпо противились всякой попыткѣ реформы. Это было отмщеніе за расхожденіе народа и верховной власти, — расхожденіе, бывшее слѣдствіемъ гибельныхъ вліяній татаръ, грековъ и нѣмцевъ.

Освобожденіе крестьянъ вызвало грозную оппозицію. Радикалы при сочувствіи реакціонеровъ убили Александра II, творца этой реформы; незадолго до смерти онъ подписалъ конституцію; изъ-за его убійства, она осталась мертвой буквой.

Конституцію 1905 года одни нашли недостаточной, другіе вредной. Радикалы и реакціонеры, вѣровавшіе въ славянофильское марево, будто Россія не подчинена неизмѣннымъ законамъ человѣческой эволюціи, стремились либо перескочить однимъ махомъ чрезъ нѣсколько вѣковъ, либо остаться навсегда на томъ же мѣстѣ. Виновникъ реформы (Витте) долженъ былъ умереть, таковъ былъ обычай. Его пытались убить. Онъ избѣгъ смерти и спасся за границу.

Единственная реформа, которая могла еще предупредить общее крушеніе — земельная реформа Столыпина, превращавшая крестьянина въ мелкаго собственника и создававшая тѣмъ самымъ политически противу-революціонный слой населенія, осталась неосуществленной, ибо съ одной стороны кадеты и эсъ-эры, а съ другой крупные землевладѣльцы ей препятствовали; первые — для того, чтобы сохранить нетронутымъ свой политическій идолъ — сельскую общину, смертоносную для всякаго прогресса, вторые, чтобы сохранить свои имѣнія и дешевыя рабочія руки.

Крестьянинъ тоже оказывалъ противодѣйствіе: въ силу свойственнаго всѣмъ славянамъ стаднаго начала онъ боялся самой мысли жить внѣ своей деревни и сочувственно воспринималъ нелѣпую пропаганду радикаловъ, убѣждавшихъ его не промѣнивать жизнь въ селѣ на отруба.

По освященному практикой обычаю Столыпину надлежало погибнуть ... и онъ былъ убитъ агентомъ Охраны, сочленомъ революціонныхъ организацій.

Пропаганда, усилившаяся съ появленіемъ заводской промышленности, сѣяла въ народѣ недовѣріе и ненависть. Реформы становились невозможны.

Великій человѣкъ на мѣстѣ Николая II или Екатерина II на мѣстѣ Александры Ѳеодоровны нашли бы исходъ. Но Николай II не былъ великъ; онъ былъ добръ и слабъ и вела его боготворимая имъ своенравная женщина.

Вызванная нѣмецкимъ нападеніемъ война возродила надежду на примиреніе Царя съ народомъ, ибо никогда русскіе не были такъ объединены, какъ передъ лицомъ этого нападенія; но слишкомъ было много вражды, слишкомъ много накопилось препятствій.

Пропаганда, одна изъ причинъ неудачи реформъ, приписала Царю и Императрицѣ отвѣтственность за всѣ несчастія и пораженія.

Главная вина царственной четы заключалась въ томъ, что близостью съ Распутинымъ она дала пропагандѣ въ руки оружіе. Эту вину она искупила тысячу разъ.

ГЛАВА IV.

Личность Императрицы.

Постараемся выяснить дѣйствительный обликъ Императрицы. Понятно значеніе подобной попытки, какъ для настоящаго разсказа, такъ и вообще для исторіи русской революціи.

Я могу судить по этому вопросу совершенно опредѣленно, ибо со мною говорило на эту тему съ полной откровенностью лицо, посвященное въ подробности всей частной жизни Государыни, — ея родная старшая сестра, вдовствующая маркиза Мельфордъ Хавенъ.

Принцессѣ Алисѣ Гессенской съ самаго дѣтства сопутствовали неудачи; она была добра, сердечна, застѣнчива, но лишена чувства мѣры, вслѣдствіе чего становилась узкой и нетерпимой.

Прискорбныя природныя черты возросли въ силу условій воспитанія. У нея не было другого товарища, кромѣ брата; три

сестры были много старше ея. Ея гувернантка давала ей воспитаніе мѣщаночки, насыщенной слащавой религіозностью, ограниченной и интересующейся лишь мелочными событіями дня и пересудами: никакого противовѣса природнымъ недостаткамъ.

Здоровье ея не было хорошимъ. Она страдала болѣзнью сѣдалищнаго нерва, приступы которой сопровождались жестокой болью въ ногѣ и лишали ее возможности ходить. Еще молодой, прекрасной дѣвушкой, красивой англійскою красотою, она уже испытывала эти мученія; они скоро ожесточили ея характеръ.

Едва выйдя изъ дѣтскаго возраста, она испытала свою первую, свою единственную любовь. На свадьбѣ сестры Елизаветы и великаго князя Сергѣя Александровича она увидѣла молодого Цесаревича Николая, Наслѣдника Россійскаго престола. Любовь вспыхнула вдругъ, была взаимна и ни отъ кого не укрылась. Молодые люди встрѣтились вновь у великой княгини.

Въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ они любили другъ друга безъ надежды на согласіе родителей: съ обѣихъ сторонъ бракъ встрѣчалъ препятствія по различнымъ причинамъ; ихъ нелишне напомнить.

Отецъ молодой принцессы не хотѣлъ русскаго брака. Онъ былъ въ Россіи послѣ убійства Александра II и вынесъ оттуда тяжелое воспоминаніе.

«Достаточно съ меня одной дочери въ этой трагической странѣ. Я не пущу туда второй», говаривалъ онъ. Слова, увы, пророческія, ибо обѣ тамъ погибли.

Кромѣ того онъ не хотѣлъ, чтобы младшая дочь перемѣнила вѣроисповѣданіе. Елизавета сохранила свободу совѣсти, но для Алисы, какъ жены Цесаревича, не было бы выбора. А прозорливый старикъ предчувствовалъ для своей дочери опасность отъ той вѣры, фанатичной исповѣдницей которой она сдѣлалась впослѣдствіи.

Старшія сестры[1]) слишкомъ хорошо знали характеръ и плохое здоровье Алисы, чтобы не предчувствовать всѣхъ трудностей ея жизни въ Россіи въ случаѣ, если бы она стала цесаревной. Онѣ тоже старались отговорить ее отъ этого брака. Но все было тщетно.

---

[1]) Маркиза Мильфордъ-Хавенъ, бывшая принцесса Баттенбергская, великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна и принцесса Ирина, жена принца Генриха Прусскаго.

Александръ III предупредилъ своего Наслѣдника, что онъ долженъ отказаться отъ бракосочетанія съ нѣмкой. Препятствуя этому браку, Государь хотѣлъ подтвердить свою политику, ибо творецъ франко-русскаго союза желалъ оставаться вѣрнымъ ему даже въ своихъ семейныхъ дѣлахъ.

Положеніе казалось безнадежнымъ, но все приходитъ въ свое время къ тому, кто умѣетъ ждать. Николай Александровичъ ждалъ, отклоняя всѣ другіе проекты и кротко заявляя, что онъ не способенъ жениться на другой или полюбить другую, кромѣ Алисы. Она же, признавшись разъ Николаю Александровичу въ своей юной любви, поддерживала его въ этой борьбѣ терпѣнія со всей силою своего восторженнаго характера.

Такая настойчивость, рѣдкая у простыхъ смертныхъ и еще болѣе рѣдкая среди царственныхъ лицъ, побѣдила всѣ препятствія. Во время свадьбы ея брата, когда всѣ родственники съѣхались въ Дармштадтѣ, проектъ брака Алисы и Николая Александровича былъ одобренъ.

Одинъ лишь императоръ Вильгельмъ высказалъ одобреніе безусловное. Онъ уже видѣлъ, какъ его прекрасная вассалка, ставъ Императрицей, будетъ содѣйствовать его видамъ на добраго Николая и послушную Россію. Во время одного свиданія съ принцессой Алисой онъ очертилъ ей честолюбивую роль, которую ей слѣдуетъ играть на благо нѣмецкаго отечества: прежде всего вести Царя по либеральной стезѣ, ибо императоръ Вильгельмъ отлично понималъ, что реакціонная политика должна привести Россію прямо къ революціонной пропасти, а въ то время онъ желалъ Россіи благоденствующей, — способной служить Германіи.

Императоръ заступался также за интересы родины, оправдывая переходъ Алисы въ православіе. Онъ далъ ей понять, что она должна отдаться полностью интересамъ своего пріемнаго отечества, дабы лучше служить Германіи. Черта довольно характерная, что тотъ же Вильгельмъ не простилъ своей сестрѣ, королевѣ Греческой, ея перехода въ православіе. Россія, конечно, стоила одной обѣдни.

Счастье обрученныхъ было безпредѣльно. Охваченные восторгомъ, они не думали о тяжелой отвѣтственности, налагаемой престоломъ, а престолъ, за смертью Александра III, скоро оказался свободнымъ.

На бракосочетаніе, отпразднованное вслѣдъ за этой утратой, легъ отъ нея оттѣнокъ печали. Опасенія родителей начали оправдываться: Алиса, ставшая Александрой, не была создана для роли Императрицы.

Молодая Царица, пріѣхавъ въ русскую столицу, тотчасъ сдѣлалась мишенью для всякаго рода придирокъ, прежде всего со стороны тещи, которая не желала отказываться отъ своего положенія старшей Императрицы, ни отъ своего вліянія на сына и охотно держала свою невѣстку въ тѣни; затѣмъ — со стороны русскаго общества, которое считало молодую женщину, неловкую по застѣнчивости и по болѣзни, упрямой и гордой англичанкой.

Свѣтское общество, наскучивъ неловкостями Александры Ѳеодоровны (которыя оно ошибочно принимало за безсердечіе и за надменность), позволяло себѣ неосторожные отзывы; нашлись неумныя и недобрыя сплетницы, повторявшія ихъ Императрицѣ. Склонная отъ природы прислушиваться къ пересудамъ, Императрица придавала имъ значеніе и вся въ слезахъ шла жаловаться мужу, который, очевидно, ничѣмъ помочь не могъ. Не прошло много времени и, ослѣпленная чувствомъ обиды, она стала видѣть въ петербургскомъ обществѣ одни лишь недостатки.

Быть можетъ, эти недоразумѣнія понемногу сгладились бы. Дѣйствительно, когда великій князь Сергѣй Александровичъ, съ его свѣтскимъ навыкомъ, вывозилъ свою молодую свояченицу на балы, танцовалъ съ ней, подводилъ ей кавалеровъ, Александра Ѳеодоровна, забывая на время обиду, искренно веселилась и распространяла вокругъ себя веселье и хорошее настроеніе.

Такъ было въ ея первое посѣщеніе Москвы. Она была въ восторгѣ, и тутъ же очень неловко замѣтила, что москвичи симпатичнѣе петербуржцевъ.

В. кн. Сергѣй Александровичъ прочелъ ей нравоученіе: «Нисколько; это тѣ же люди, не надо только показывать имъ непривѣтливое лицо, вотъ и все.»

Но Сергѣй Александровичъ, будучи Московскимъ генералъ-губернаторомъ, не могъ пріѣзжать въ Петербургъ каждый разъ, какъ Александра Ѳеодоровна появлялась въ обществѣ. Частыя беременности также держали ее въ одиночествѣ, ибо она въ этихъ случаяхъ особенно страдала болью сѣдалищнаго нерва. Когда ей приходилось появляться въ свѣтѣ, съ трудомъ подавляемая

боль придавала ей жесткое выраженіе, которое опять приписывали плохому расположенію духа.

Одну лишь зиму Императрица не была беременной, но какъ на зло у нея случилась корь и сезонъ прошелъ безъ того, чтобы она могла развлечься. Для подданныхъ своихъ она оставалась неизвѣстной и недоступной.

Будь у Александры Ѳеодоровны подруги ея лѣтъ, способныя исправлять ея недостатки, быть можетъ, глубокій ровъ, который легъ между ней и русскимъ обществомъ, былъ бы заполненъ. Но она такихъ сверстницъ не нашла.

Ея воспитательница втолковала ей, что принцесса не должна имѣть друзей внѣ своей семьи; это было отличное правило, но она испортила его слишкомъ одностороннимъ примѣненіемъ.

Среди Императорской семьи ей не было сверстницъ, кромѣ двухъ черногорокъ, которыхъ Императоръ Александръ III считалъ наиболѣе желательными невѣстами для Николая Александровича и которыя вышли за членовъ Императорской фамиліи. Онѣ подчеркивали свое дружеское отношеніе къ болѣе счастливой соперницѣ; но это длилось недолго. Мы увидимъ почему.

Единственная продолжительная дружба была та, которая принесла столько вреда Александрѣ Ѳеодоровнѣ и Россіи. Я говорю объ Аннѣ Вырубовой, соучастницѣ Распутина. Какія обстоятельства привели къ этому несчастью?

Г-нъ Танѣевъ, отецъ Вырубовой, по придворной должности имѣлъ докладъ у Императрицѣ. Оба очень музыкальные, они заинтересовали Государыню своей талантливостью. Онъ ловко ввелъ свою маленькую Анну во дворецъ.

Она прекрасно сумѣла поддержать маневры отца. У нея были пріемы наивной дѣвочки, бросавшейся въ объятія важныхъ дамъ, благосклонностью которыхъ она хотѣла заручиться. Она попробовала тотъ же пріемъ съ великой княгиней Елизаветой Ѳеодоровной, но та, понявъ ея хитрость, тотчасъ же поставила ее на мѣсто. У Императрицы она сразу достигла успѣха.

Какъ только прирожденная застѣнчивость Государыни бывала побѣждена, ея любящая, материнская природа немедленно выступала наружу. Бросившись въ ея объятія, Вырубова нашла путь къ ея сердцу. Разъ завоеванное расположеніе осталось неизмѣннымъ. Государыня умѣла быть вѣрной.

Замкнутая, внѣшне холодная, она отдавалась душой несчастнымъ, больнымъ, всѣмъ, кто взывали къ ея состраданію. Вся переписка (напр. всѣ письма ея къ молодой графинѣ Гендриковой), изъ которой я сдѣлалъ выписки и переводъ для слѣдственнаго дѣла, дышетъ жалостью. Тутъ она любвеобильная мать, нѣжная сестра милосердія.

Большевики выкрали въ Екатеринбургѣ переписку Царственной четы, но обнародовали ее не полностью; всѣ письма Государя къ женѣ отсутствуютъ. Интимный характеръ писемъ Государыни долженъ былъ бы удержать маломальски порядочныхъ людей отъ ихъ оглашенія; большевики ихъ напечатали и поступили не только непорядочно, но и неумно, ибо письма эти въ пухъ и прахъ разбиваютъ всѣ возмутительныя клеветы, которыми еврейская печать революціоннаго времени порочила честь Государыни, какъ женщины, и которыя были повторены въ рядѣ англійскихъ и французскихъ изданій (напр. у William, Le Queux и проч.)[1]. Государевы письма составляютъ весьма важный матеріалъ для оцѣнки политической роли Императрицы, роли, которую большевики стремились представить измѣнническою; но тутъ они оказались осторожнѣе и этихъ писемъ не обнародовали.

Нѣмецкая принцесса, дочь англичанки, воспитанная въ Англіи, она стала всѣми своими привязанностями русской, ибо человѣкъ, котораго она глубоко любила до самой смерти, былъ русскій, и потому еще, что, ставъ ревностной православной, она почувствовала себя вдвойнѣ русскою. Она научилась писать и говорить по-русски въ совершенствѣ. Наставленія императора Вильгельма совсѣмъ не входили въ ея идеологію, какъ Царицы.

И когда вспыхнула война, она совершенно забыла, что была когда-то нѣмецкой принцессой; она считала себя до того русскою, что приняла представителей германскаго Краснаго креста, не отдавая себѣ отчета объ опасныхъ сплетняхъ, которыя она этимъ вызоветъ; она думала только о благѣ русскихъ раненыхъ и плѣнныхъ въ Германіи, на пользу которыхъ долженъ былъ послужить ея актъ простой вѣжливости.

---

[1]) Еврейская печать въ клеветѣ ни предъ чѣмъ не останавливается: на слѣдующій день послѣ февральской революціи она напечатала гнусныя письма, будто бы написанныя молодыми великими княжнами Распутину!

Ея воспитательница научила ее также тому, что принцессы не должны вмѣшиваться въ политику. Это правило она соблюдала вначалѣ съ суровымъ упорствомъ.

Николай II не обладалъ необходимыми государю способностями. Его жена, объединившись съ нимъ въ вопросахъ политики, конечно, помогла бы ему и поддержала бы молодого монарха, который начиналъ уже тяготиться опекой своей матери.

Въ концѣ концовъ, она уступила просьбамъ государственныхъ людей и придворныхъ, которые обращались къ ней въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда Государь проявлялъ упрямство. Они нашли доводъ, предъ которымъ падали сомнѣнія Императрицы; они говорили ей: «этого требуетъ спасеніе Государя... Вы должны съ нимъ говорить, онъ Васъ послушаетъ.» Съ этой минуты она стала орудіемъ политикановъ.

Послушная, она исполнила то, о чемъ ее просили; она говорила съ мужемъ, краснорѣчиво повторяя доводы министровъ.

На слѣдующій день она принимала тѣхъ же лицъ; они пришли возложить на нее задачу измѣнить рѣшеніе, котораго она добилась согласно ихъ настояніямъ.

На этотъ разъ свиданіе было очень непріятно. Въ горькихъ словахъ она упрекнула ихъ за то, что они ставятъ ее въ неловкое положеніе передъ мужемъ. «Я была права, что не вмѣшивалась въ политику, сказала она, и не намѣрена болѣе заниматься ею. Устройтесь, какъ хотите и не безпокойте меня больше вашими просьбами.»

Но они уже знали удобную формулу: «спасеніе Государя.» Она уступила и добилась отмѣны предыдущаго рѣшенія.

Съ тѣхъ поръ она не знала покоя. Просьбы сыпались на нее со всѣхъ сторонъ, всегда сопровождаемыя обычной формулой: «спасеніе Государя требуетъ...» И всегда она уступала.

Наконецъ, отчаявшись, она взялась вести собственную политику.

Состояніе беременности повторялось ежегодно; необходимъ былъ наслѣдникъ престола, но каждый разъ надежда не оправдывалась. Бѣдная Александра Ѳедоровна страдала все сильнѣе, такъ какъ бедренная боль перешла на сердечный нервъ. Но она жертвовала собой...

Въ своемъ одиночествѣ она находила поддержку въ обществѣ великихъ княгинь Милицы и Станы Николаевны. Зачинщицы

всякихъ увеселеній, оживленныя и общительныя, какъ истыя южанки, эти молодыя женщины вносили во дворецъ новый интересъ, предаваясь моднымъ тогда оккультнымъ наукамъ.

Онѣ ввели къ Императрицѣ нѣкоего французскаго спирита по фамиліи Филиппъ, соперника знаменитаго Папюса. Онъ прибылъ изъ Ліона, чтобы оккультными средствами «пролить свѣтъ» на надежду имѣть наслѣдника. Въ скоромъ времени Государь, Императрица и ихъ приближенные стали заниматься спиритизмомъ. Филиппъ внѣдрилъ въ нихъ ученіе о перевоплощеніи. Затѣмъ отбылъ обратно во Францію[1]).

Позднѣе, послѣ рожденія Цесаревича Алексѣя, эти же великія княгини-черногорки ввели во дворецъ другого «спирита», знаменитаго Распутина, начинавшаго тогда свою карьеру.

Понявъ, однако, дѣйствительный обликъ этого человѣка, онѣ пытались убѣдить Императрицу прогнать его; къ несчастью, она имъ дорожила ради своего сына. Отсюда произошелъ разрывъ между ней и черногорками. Онѣ больше другъ у друга не бывали.

Здѣсь мы подходимъ къ основной трагедіи жизни Александры Ѳедоровны, — къ ея вѣрѣ въ Распутина. Характеръ Императрицы, ея окружающіе, болѣзнь ея сына — все влекло ее къ этому роковому ослѣпленію.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ у Наслѣдника были обнаружены признаки болѣзни, встрѣчающейся преимущественно у дѣтей мужескаго пола, но передаваемой по женской линіи; она извѣстна подъ именемъ гемофиліи и признается до сихъ поръ неизлечимой.

Сущность болѣзни заключается въ томъ, что кровь не обладаетъ нормальной свертываемостью, а сильно пониженною, вслѣдствіе чего малѣйшее пораженіе вызываетъ значительное кровотеченіе, а малѣйшій ушибъ — внутреннее кровоизліяніе. Существуетъ предположеніе, что причина болѣзни кроется въ частыхъ бракахъ между близкими родственниками.

Цесаревичъ Алексѣй, мальчикъ живой и подвижный, неразъ ударялся о что-либо во время игръ. Ушибъ вызывалъ разрывъ кровеносныхъ сосудовъ, а послѣдній — внутреннее кровоизліяніе, которое, разсасываясь, причиняло отчаянныя страданія. Когда

---

[1]) Оккультистъ, убѣжденный теософъ и, слѣдовательно, человѣкъ безкорыстный, онъ отказался отъ великолѣпныхъ подарковъ, присланныхъ Государемъ по случаю предсказаннаго Филиппомъ рожденія Наслѣдника.

поврежденіе отъ удара бывало значительно, кровоизліяніе рисковало оказаться смертельнымъ.

Распутинъ изрекъ, что безъ его молитвъ ребенокъ умретъ. Мать этому твердо повѣрила. Распутинъ убѣдилъ ее также, что только онъ способенъ излечить ея сердечныя боли. Она питала такое безусловное довѣріе къ этому человѣку, что, дѣйствительно, возложивъ на нее руки, онъ достигалъ смягченія сильной боли, которою она страдала.

Сдѣлавшись довѣреннымъ лицомъ Распутина, Вырубова обезпечивала себѣ неизмѣнную дружбу Императрицы, ибо послѣдняя порывала всякія отношенія съ тѣми, кто осмѣливался перечить «святому старцу».

Даже сестра ея, великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна, которая послѣ убійства Сергѣя Александровича посвятила свою жизнь добрымъ дѣламъ, была удалена отъ двора: ее заподозрили въ томъ, будто она виновница появленія книги, описывавшей гнусный развратъ «святого старца». (Изданіе было сейчасъ же уничтожено.)

Государыня была вполнѣ освѣдомлена о возводимыхъ на него обвиненіяхъ. Хитрый мужикъ самъ предупредилъ ее о нихъ, ссылаясь на примѣры блаженныхъ, которые дерзали искать искушенія, чтобы лучше его побѣдить. Этимъ путемъ оргіи этого сатира становились въ ея глазахъ подвигомъ святости.

Она считала, что всякій, плохо отзывавшійся о Распутинѣ, стремился лишить ее единственнаго ея друга. Сестрамъ-черногоркамъ она сказала: «Вы хотите, чтобы я разсталась съ нимъ, потому что онъ васъ покинулъ. Вы хотите его отъ меня отобрать. Я его вамъ не отдамъ.» Любя своего мужа, всего опасаясь, Государыня въ оккультныхъ наукахъ искала также средство привлечь его къ себѣ, дабы восполнить физическую близость (какъ женщина, она давно уже перестала существовать). Мужъ ея сталъ ей тоже сыномъ.

Застѣнчивость Александры Ѳеодоровны, узость ея взглядовъ, неуравновѣшенность ея сужденій дѣлали ее все болѣе и болѣе нетерпимой. Она уже не допускала мнѣнія, не согласнаго съ ея мнѣніемъ.

Для человѣка независимаго мышленія жить рядомъ съ ней стало невозможнымъ, вокругъ нея образовалась пустота. А между тѣмъ, Государыня нуждалась въ мудрыхъ совѣтахъ, ибо она вза-

правду вошла въ навязанную ей политическую роль: она сдѣлалась въ свою очередь самодержицей въ ущербъ своему мужу, котораго считала слишкомъ слабымъ; спасти его, — а съ нимъ и всю Россію, — способна была по ея мнѣнію только она съ помощью совѣтовъ Распутина.

Распутинъ, обработанный пропагандой, внушилъ ей теорію, осуществленную позднѣе, въ первые же дни революціи путемъ созданія Совѣтовъ. Она заключалась въ устраненіи Думы и въ установленіи непосредственной связи между самодержцемъ и его народомъ. Сама по себѣ мысль эта покоилась на указаніяхъ народной психологіи, но въ рукахъ Государыни она была опасна, какъ огонь въ рукахъ ребенка, ибо въ политическихъ вопросахъ Императрица была, какъ ребенокъ, наивна и неопытна.

Война сдѣлала ее ожесточенной ненавистницей Германіи, но не отвлекла ея отъ излюбленной мысли, — напротивъ, она слѣпо пошла на встрѣчу своему идеалу крестьянскаго самодержца и шла по этому пути до того дня, когда былъ убитъ Распутинъ, и даже дольше, до начала революціи.

Какъ плохо были освѣдомлены союзники, стремясь развести супруговъ! Они тайно предложили проектъ отъѣзда Императрицы въ Англію, ибо были напуганы ея личной политикой и считали ее германофилкой и «пораженкой». Получивъ отказъ, они стали поощрять заговоры и революцію. Все было противъ Государыни.

ГЛАВА V.

Распутинъ, каковъ онъ былъ.

Когда Григорій Распутинъ въ декабрѣ 1916 года умеръ, ему было 45 лѣтъ. Со времени его приближенія къ Царской семьѣ, его прозвище по Высочайшему повелѣнію было замѣнено фамиліей Новыхъ, ибо увидѣвъ его въ первый разъ, маленькій Царевичъ воскликнулъ: «Это новый дядя!» «Распутинъ» звучало плохо, хотя весьма шло и къ нему, и къ его семьѣ. Онъ былъ изъ крестьянъ села Покровскаго, между Тюменью и Тобольскомъ, крупными городами Западной Сибири.

Тамъ онъ родился и тамъ жилъ до 34-хъ лѣтняго возраста. Онъ имѣлъ тогда жену съ тремя дѣтьми и хозяйство довольно зажиточнаго крестьянина, какъ это обычно въ Сибири.

Живой, бахвалъ, распутный, онъ среди деревенскаго люда не пользовался доброй славой; его обыкновенно называли уничижительнымъ «Гришка». Онъ ничѣмъ отъ сосѣдей не отличался. Пахалъ свою землю, убиралъ свое поле, пилъ водку, билъ жену, читалъ молитвы и скверно ругался. То была обычная жизнь мужика, и ничто не указывало, что въ существованіи этого человѣка произойдетъ когда-либо перемѣна.

Однако, въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ Гришка временно испыталъ призывъ къ мистическому настроенію, свойственному многимъ русскимъ натурамъ. Въ сосѣднемъ лѣсу находилась часовня. Однажды, на грани юношескаго возраста, направляясь туда, мальчикъ услышалъ «голоса», испыталъ какое-то необычайное душевное состояніе и на нѣкоторое время сталъ очень набожнымъ.

Мучимый плотскими хотѣніями, которыя въ то время внушали ему отвращеніе, онъ себя изуродовалъ перочиннымъ ножемъ; но рана была незначительна и онъ о ней забылъ. Быть можетъ, это психологическое явленіе имѣло отношеніе къ искаженнымъ наклонностямъ, проявленнымъ имъ впослѣдствіи.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ не проявлялъ никакой ненормальной черты. Позабывъ о «голосахъ», онъ женился, его жена и дѣти видѣли въ немъ лишь зауряднаго крестьянина.

Но вотъ, чрезъ двадцать лѣтъ «голоса» появляются вновь. На этотъ разъ послѣдствія были иныя. Отвѣтственность за это лежитъ на другомъ крестьянинѣ, Дмитріи Печеркинѣ, ревностномъ искателѣ святости, посѣтившемъ уже многія обители во всѣхъ углахъ Руси; онъ убѣдилъ Распутина въ дѣйствительности его «призванія», иными словами въ томъ, что ему надо отказаться отъ своей низменной жизни и сдѣлаться странникомъ.

Въ 1905 году Распутинъ разстается съ семьей, оставивъ на ея попеченіе свою усадьбу и отправляется съ Печеркинымъ по бѣлу свѣту. Они посѣтили святыя мѣста — Аѳонъ, Іерусалимъ, Кіевъ и закончили столицей.

У меня есть экземпляръ книги, отпечатанной въ Петербургской Синодальной типографіи въ 1915 году, въ которой помѣ-

щены «Мысли и Думы» Распутина по поводу его странствій, — нагроможденіе деревенскихъ поговорокъ, стиховъ изъ Библіи, безъ связи и безъ глубины. Читая этотъ наборъ словъ, спрашиваешь себя, какъ его авторъ могъ имѣть вліяніе на умъ Императрицы и тѣмъ болѣе на ходъ событій обширной имперіи.

Возможно, что въ началѣ своей паломнической жизни Распутинъ былъ искренно убѣжденъ въ своемъ призваніи. По крайней мѣрѣ встрѣтившійся съ нимъ въ то время въ Петроградѣ епископъ Ѳеоѳанъ свидѣтельствуетъ въ этомъ смыслѣ.

Но съ 1917 года въ Распутинѣ произошла перемѣна. Печеркинъ тщетно заклиналъ его покинуть столицу и, избѣгая ея искушеній, вновь отдаться богомольному странствованію или даже посвятить себя молитвѣ и размышленію въ монастырѣ.

«Братъ» Григорій слишкомъ много вкусилъ удовольствій Вавилона: онъ сдѣлался обычнымъ посѣтителемъ свѣтскихъ гостиныхъ и одержалъ немало побѣдъ между неврастеничными искательницами новыхъ ощущеній.

Великія княгини Милица и Анастасія Николаевны, спеціалистки въ вопросахъ оккультизма, приведшія своей подругѣ, молодой Государынѣ, уже нѣсколькихъ иноземныхъ иллюминатовъ, считали заслугой, что нашли «святого» русской національности.

Сопровождаемый этими великими княгинями, подъ покровительствомъ епископа Ѳеоѳана, Распутинъ предсталъ ко двору.

Дѣло объ убійствѣ Романовыхъ заключаетъ точнѣйшія свѣдѣнія о жизни «святого». У меня подъ рукой очень подробныя показанія его дочери и зятя, а равно личный дневникъ этихъ двухъ лицъ, въ которомъ записаны имена всѣхъ соучастниковъ Распутина.

Необычайныя приключенія этого крестьянина, ставшаго, какъ въ сказкѣ изъ Тысячи и одной ночи, Духомъ зла, разсказаны тамъ съ полной ясностью. Пропущены только сцены оргій и разврата, но на этотъ счетъ имѣются другія свидѣтельства, не менѣе ясныя.

Выпущенный на ристалище придворныхъ интригъ, мужикъ сперва чувствовалъ себя сбитымъ съ толку, но быстро осмотрѣвшись, сообразилъ, что ему выгоднѣе всего сохранить крестьянскія повадки и даже преувеличивать ихъ.

Его сынъ отказался покинуть деревню, будучи, какъ и его мать, страстно привязанъ къ землѣ, но двѣ дочери не упустили

воспользоваться возвышеніемъ отца. Онѣ были по приказанію Императрицы помѣщены въ самыя изысканныя учебныя заведенія и приходили во дворецъ въ гости къ великимъ княжнамъ. Это придало имъ съ теченіемъ времени нѣкоторый лоскъ, но крестьянское происхожденіе все же давало себя чувствовать, несмотря на наряды и французскія словечки.

Распутинъ продолжалъ носить мужицкую одежду съ той разницей, что рубахи были не изъ грубаго холста или бумажной матеріи, а шелковыя и съ вышивками; штаны были широкіе, бархатные, а сапоги изъ лакированной козьей кожи, — подношенія его многочисленныхъ поклонницъ.

Одежда его какъ нельзя лучше выражала его искусственную жизнь. Сохраняя предпочтеніе къ квасу и луку родной избы и въ особенности къ народной водкѣ, онъ наѣдался явствами изысканной ресторанной кухни и пилъ мадеру. Онъ быстро пьянѣлъ и терялъ всякое самообладаніе, пускался въ плясъ, громко отпуская грубыя выраженія и дѣлая грубые жесты, — какъ истый мужикъ.

Подъ пьяную руку онъ хвастался близостью къ Императорской семьѣ, сочиняя розсказни о непристойныхъ сношеніяхъ своихъ съ Государыней, которую позволялъ себѣ называть «Сашкой». Такъ благодарилъ свою благодѣтельницу этотъ вырванный изъ своей среды, темный, пьяный мужикъ: такое поведеніе отвѣчало психологіи подобныхъ людей.

Хожденіе по святымъ мѣстамъ было возобновлено, но въ обществѣ совсѣмъ иныхъ спутниковъ. На мѣсто аскетическаго Печеркина оказались любопытствующія свѣтскія дамы. Распутинъ привлекалъ ихъ въ качествѣ человѣка, покровительствуемаго Императрицей и способнаго выдать компрометирующія ее тайны, а также въ силу значительной извѣстности, которую онъ пріобрѣлъ своимъ «ученіемъ».

Эти женщины, эти слишкомъ много знающія дѣвушки надѣялись во время поѣздки познать тайну «грѣха, грѣхомъ побѣжденнаго». Распутинъ не скупился на предметные уроки.

Во время такихъ переѣздовъ онъ примѣнялъ «искушеніе баней». Извѣстно, что по деревнямъ крестьяне ходятъ париться въ баню, весьма мало смущаясь смѣшеніемъ половъ. Распутину пришла мысль воспользоваться этимъ обычаемъ, чтобы превзойти св. Антонія; онъ хвасталъ предъ послѣдовательницами своими

подвигами святости, предлагалъ имъ подвергнуть его испытанію въ совмѣстной банѣ.

Въ числѣ молодыхъ женщинъ, принимавшихъ участіе въ подобныхъ поѣздкахъ «на богомолье», была Анна Вырубова. Конечно, она Царицѣ правды не открыла. Всѣ «посвященныя» молчали изъ боязни ославить себя или навлечь на себя непріятности, ибо Александра Ѳедоровна была безжалостна ко всѣмъ, кто осмѣливался чернить ея «святого».

Этотъ невѣжественный крестьянинъ, насквозь пропитанный порокомъ, внѣ своего мнимо-мистическаго распутничанья, обладалъ столь малымъ воображеніемъ, что вовсе не заботился о наживѣ. Онъ могъ бы сколотить милліоны, но онъ былъ неспособенъ думать о такихъ цифрахъ. За свои хлопоты и покровительство — для помилованія преступника, полученія служебнаго повышенія, — онъ принималъ подарки въ нѣсколько сотъ рублей[1]) или даже рубаху; ему это казалось богатствомъ, какъ будто онъ все еще былъ пахаремъ въ родномъ селѣ.

Чрезъ его посредство личный составъ правительства и русская политика мѣнялись согласно съ выгодами измѣнниковъ и плутовъ; ему же отъ этого перепадала кое-какая пожива. Все его состояніе въ день смерти не превышало 150000 рублей.

Подлыя и лживыя признанія, которыя онъ повѣрялъ товарищамъ своихъ кутежей и своего мистическаго разврата, распространяясь среди русскаго общества, уже предубѣжденнаго противъ Императрицы, съ одной стороны возводили Распутина на высшія ступени могущества, съ другой вырывали съ корнями всякое уваженіе къ монархіи.

И вправду, этотъ мужикъ былъ человѣкомъ могущественнымъ. Всѣ, кто былъ освѣдомленъ о положеніи дѣлъ въ странѣ, знали это; все столичное общество ежедневно получало тому десятки доказательствъ; и тѣ, и другіе, движимые славянскимъ фатализмомъ, предоставляли событіямъ идти своимъ ходомъ, тогда какъ въ иной странѣ, среди другихъ людей, онъ давно бы былъ убитъ, какъ вредное животное.

---

[1]) За телеграмму Государя, вслѣдствіе который состоялось назначеніе генерала Рузскаго главнокомандующимъ сѣверныхъ армій, Распутинъ получилъ сто рублей. Надо отмѣтить, что личнымъ секретаремъ «старца» былъ еврей Симановичъ и что интрига Рузскаго плелась (съ какой цѣлью?) еврейскимъ банкиромъ Животовскимъ, зятемъ большевика Троцкаго, который такимъ образомъ имѣлъ родство въ высшихъ финансовыхъ кругахъ.

Дѣйствительно, какъ иначе объяснить поведеніе офицеровъ, носящихъ царскій мундиръ и оставляющихъ безнаказаннымъ грязное бахвальство, которое «святой старецъ» позволялъ себѣ въ ихъ присутствіи?

Вліяніе его шло въ гибельномъ для страны направленіи; ибо при его неспособности по невѣжеству разобраться въ политическихъ вопросахъ, всѣ его шаги бывали подсказаны либо его окружающими, либо Государыней, — въ одномъ случаѣ агентами Германіи или революціи, въ другомъ — несчастною фанатичкою.

Приведу одинъ изъ тысячъ случаевъ. Распутинъ видалъ не только Государыню; онъ встрѣчался и съ Государемъ. Вѣрилъ ли дѣйствительно въ него Николай II? Сомнѣваюсь . . ., но во всякомъ случаѣ Императрица такъ часто воспѣвала предъ нимъ хвалы своему «святому старцу», что онъ невольно выказывалъ Распутину чрезвычайное уваженіе. . .

Въ концѣ 1916 года, за десять дней до своей смерти, Распутинъ проявилъ свое вліяніе совершенно невѣроятнымъ образомъ.

Вся Россія ожидала, что Государь отмѣтитъ день своего рожденія личнымъ посѣщеніемъ Думы, объявитъ въ ней о дарованіи отвѣтственнаго министерства и тѣмъ создастъ правительство военнаго времени, по образцу союзниковъ. Крестьяне, торговыя сословія и дворянство просили объ этомъ и даже съ настойчивостью.

Страна надѣялась, что 6/19 декабря, въ день св. Николая, установится примиреніе съ Царемъ, которое полнѣе обезпечитъ и побѣду союзниковъ, и счастье народа.

И вотъ, эта надежда не осуществилась. . . Императрица, видя, что Государь за время пребыванія въ Ставкѣ освобождается изъ-подъ ея вліянія, и боясь, чтобы онъ не далъ себя убѣдить сторонникамъ Думы, къ которой она относилась весьма враждебно, устроила ему въ послѣднюю минуту свиданіе со «старцемъ». Результатъ былъ ужасенъ.

Почему на этотъ разъ Государь послушался невѣжественныхъ доводовъ развратнаго «святого»? Это мы увидимъ ниже.

Распутинъ надоѣдалъ Царю со своей народнической программой, политическимъ багажемъ Императрицы: «Прогони всѣхъ министровъ!» — онъ всѣмъ, по крестьянскому обычаю, говорилъ ты. «Министры тебѣ лгутъ! Обратись къ народу и все пойдетъ по хорошему!»

Говоря такъ, Распутинъ несомнѣнно вѣрилъ собственнымъ словамъ, ибо онъ высказывалъ тайныя мысли крестьянъ, всегда недовѣрчивыхъ къ «господамъ».

Николай II лучше, чѣмъ его жена, понималъ искусственность подобныхъ сужденій. Когда онъ въ сотый разъ выслушалъ этотъ деревенскій припѣвъ, онъ сказалъ: «Очень хорошо, но какъ выполнить вашу мысль? Если бы я сдѣлалъ то, что вы мнѣ предлагаете, меня бы убили, вотъ и все.»

Распутинъ отвѣтилъ ему: «Тебя убьетъ не крестьянинъ, а интеллигентъ!!» Какъ и большинство его «предсказаній», и это не оправдалось.

Въ вопросахъ иностранной политики, точка зрѣнія Распутина никогда не согласовалась ни съ крестьянской психологіей, ни съ мыслями Императрицы; а такъ какъ онъ былъ вполнѣ невѣжественъ въ международныхъ дѣлахъ и даже въ географіи, то надо думать, что дѣйствительными авторами его мыслей были его окружающіе. Всѣ они безъ исключенія были германофилы. Мнѣніе Распутина всегда было благопріятно Германіи[1]).

Когда вспыхнула война, Распутинъ поправлялся послѣ тяжелой болѣзни. Молодая крестьянка, Хіонія Гусева, довѣрчивостью которой онъ злоупотребилъ во время одной поѣздки на богомолье и которая потомъ попала подъ вліяніе монаха Иліодора, Распутинскаго соперника и врага, пришла къ убѣжденію, что была обманута нехристемъ и рѣшила отомстить ему, это рѣшеніе она выполнила, воткнувъ ему ножъ въ животъ.

Раненый, спѣшно перенесенный въ ближайшую больницу въ Тюмени, къ величайшему удивленію врачей остался въ живыхъ. Государыня, которую ежечасно извѣщали о положеніи больного, только окрѣпла въ своемъ убѣжденіи: «Положительно, онъ святой, Богъ не хочетъ лишить меня его совѣтовъ и молитвъ!» сказала она себѣ.

Понятно, что при приближеніи рокового часа войны, Государыня захотѣла получить благословеніе «святого» человѣка. Государь самъ телеграфировалъ больному, что война неизбѣжна. Личный составъ больницы присутствовалъ при слѣдующей сценѣ:

---

[1]) Во всѣ времена нѣмцы занимались оккультными науками: родина Фауста и Нибелунговъ — классическая страна черной магіи. Они пріобрѣли Распутина скорѣе путемъ такихъ сношеній, чѣмъ путемъ подкупа, ибо деньги онъ мало цѣнилъ.

Распутинъ, съ трудомъ разобравъ Высочайшую телеграмму, пришелъ въ бѣшенство, выкрикивалъ угрозы Царю, ругался, срывалъ повязки, такъ что рана вновь открылась.

Несмотря ни на что, Распутинъ упорствовалъ, проповѣдуя миръ съ Германіей. Предъ попрошайками, осаждавшими его квартиру въ Петроградѣ, онъ поддерживалъ свою точку зрѣнія: «Германія слишкомъ сильна для насъ. Она намъ ничего, кромѣ добра, не дѣлаетъ!»

Вотъ почему въ Россіи и за границей повѣрили сказкѣ о германофильствующей Царицѣ и о Царѣ, стремящемся къ отдѣльному миру.

Вотъ также объясненіе, почему А. А. Вырубова и кружокъ Распутина такъ хорошо ладили съ большевиками, агентами Германіи, почему дочь Распутина вышла за нѣмецкаго агента.

Церскіе министры знали, что Распутинъ всемогущъ; нѣкоторые изъ нихъ были назначены по его настоянію; но нашлись люди, достаточно смѣлые, чтобы пытаться открыть глаза Государю. Государь не поддавался и бывалъ недоволенъ. Однажды, уставъ отъ возраженій, онъ сказалъ: «Лучше терпѣть пять Распутиныхъ, чѣмъ идти противъ одной . . . истеричной жены.»

Слишкомъ много скрещивалось интересовъ вокругъ этого человѣка: было слишкомъ трудно открыть правду Царю. Напримѣръ, одинъ изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, заядлый врагъ Распутина, устроилъ ему чрезъ подкупленныхъ женщинъ ловушку. Ихъ убѣдительныя показанія были представлены Государю, который передалъ ихъ женѣ. Императрица немедленно приказала дворцовой полиціи произвести разслѣдованіе, которое установило, что женщины были оплачены министромъ. Государыня и Государь разсердились, думая, что министръ ихъ обошелъ. Его немедленно смѣстили и положеніе Распутина окрѣпло.

Узнавъ объ опасностяхъ, угрожающихъ дорогому «святому», Государыня выписала изъ Англіи двухъ частныхъ сыщиковъ, которые должны были охранять его день и ночь.

Въ чемъ заключалась цѣлительная сила, которая служила Распутину основою его успѣха? Исключительно въ шарлатанствѣ. Доказательство налицо: послѣ его смерти болѣзнь Цесаревича протекала тѣмъ же порядкомъ, какъ ранѣе. Наибольшее, что «святой» способенъ былъ сдѣлать, это облегчить боль путемъ пассовъ, — но это обычный гипнотизмъ.

Надо сказать нѣсколько словъ объ одномъ, а можетъ быть о двухъ соучастникахъ, которые могли ему оказать существенное содѣйствіе въ его пресловутомъ леченіи: о Вырубовой и о Тибетскомъ врачѣ Бадмаевѣ. Чрезъ посредство первой онъ могъ знать о времени, когда наступалъ кризисъ, и слѣдовательно приходить для молитвы какъ разъ предъ выздоровленіемъ; отъ второго онъ получалъ снадобья, которыя Вырубова могла, когда надо, подсунуть больному.

Г-жа Вырубова сдѣлалась близкимъ человѣкомъ этого крестьянина, его вещью. Бадмаевъ былъ своего рода знаменитостью еще во время Александра III. Бурятъ и буддистъ, онъ въ царствованіе Николая II стремился завязать сношенія между Россійскимъ дворомъ и Далай-Ламой. Въ качествѣ состоящаго на германской секретной службѣ, онъ, естественно, оказался за одно съ Распутинымъ.

Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго синода вызвалъ неудовольствіе Императрицы тѣмъ, что высшее духовенство осмѣлилось неодобрительно отозваться о «святомъ»; послѣ вынужденнаго ухода оберъ-прокурора, скандалъ съ Распутинымъ сталъ слишкомъ явенъ и отзвукъ его послышался въ Думѣ. Во время преній говорилось «о нечистыхъ рукахъ, дерзающихъ загрязнять источникъ власти и подрывать прочность государственнаго бытія».

Государыня пришла въ негодованіе, въ ней зародилась непримиримая ненависть къ народнымъ представителямъ; но все же она вынуждена была склонить голову передъ бурей. Распутинъ болѣе во дворцѣ не появлялся: она видала его у Вырубовой.

Смерть стерегла Государыню, ея «святого» и самого Царя: первымъ умеръ Распутинъ Но смерть его, давъ отсрочку трагическому концу Царской семьи, вызвала въ Государынѣ еще большую настойчивость въ достиженіи своей мечты.

Подробности убійства Распутина слишкомъ извѣстны. . . Надо только подчеркнуть, что заговорщики запаслись сильнымъ ядомъ (синильной кислотой и стрѣльнымъ ядомъ, Kuraге), револьверами, кастетами; ихъ было пять противъ одного сатира, заманеннаго въ ловушку. . . Они считали его сильнѣе обыкновеннаго смертнаго, а былъ онъ всего только пьяный, развратный мужикъ. . .

ГЛАВА VI.

Николаи II предъ лицомъ Исторіи.

Отъ природы добрый и слабаго характера, Николай II былъ бы прекраснымъ гражданиномъ, ибо обладалъ достаточнымъ умомъ, мужествомъ и честностью, чтобы выполнять свой долгъ во всѣхъ обстоятельствахъ частной жизни. Къ несчастью для него и для всего человѣчества — онъ сталъ Царемъ Всея Руси, носителемъ самодержавнѣйшей власти, наиболѣе трудной изъ всѣхъ, которыя могутъ сниться человѣку.

Мы видѣли въ предыдущихъ главахъ, насколько задача самодержца въ царствованіе Николая II осложнилась, насколько, при недостаткѣ государственныхъ способностей, онъ нуждался въ содѣйствіи крупныхъ людей, чтобы избѣгнуть крушенія. Мы подмѣтили трагическую дилемму, вставшую предъ Царемъ по винѣ себялюбиваго чиновничества, интригующихъ придворныхъ, и наконецъ по винѣ его жены, которая сперва отказывала ему въ помощи, а потомъ, увлеченная безумнымъ ослѣпленіемъ, подрывала своими дѣйствіями его положеніе.

Николай Александровичъ былъ слишкомъ мягкій, любящій, слишкомъ привязанный къ семейной жизни, чтобы не подпасть подъ сильное вліяніе жены; она могла управлять имъ по своему желанію. Его страстная первая любовь къ прекрасной англичанкѣ, неизмѣнная сквозь всю его жизнь, можетъ служить рѣдкимъ примѣромъ постоянства, — чета могла имъ гордиться; но любовь эта сдѣлалась препятствіемъ къ благоденствію его подданныхъ.

Его жизнь, какъ государя, не давала ему никакихъ радостей, но доставляла только огорченія; счастье его было среди его дѣтей и жены. Судьба оказала ему величайшую милость, давъ ему умереть одновременно съ его близкими.

Недочеты характера Николая Александровича усилились вслѣдствіе воспитанія. Юношу слѣдовало бы поставить въ условія большей свободы, чтобы дать развиться въ немъ силѣ воли и духу почина; вмѣсто простора, вмѣсто соприкосновенія съ много-

образіемъ житейскихъ случайностей, мы видимъ его привязаннымъ къ юбкамъ матери.

Пріемы воспитанія дѣтей Александра III были искажены боязнью покушенія; но даже до 1 марта 1881 г. была принята система совершенно гибельная для мальчика, въ особенности для будущаго Императора.

Императрица Марія Ѳеодоровна рѣдко оставляла сына безъ ближайшаго надзора въ такомъ уже возрастѣ, когда ему слѣдовало бы имѣть нѣкоторый житейскій опытъ. Она вмѣшивалась, устанавливая распорядокъ его жизни даже, когда онъ былъ взрослымъ человѣкомъ, причемъ входила въ подробности весьма личнаго свойства.

Будучи женатымъ, отцомъ семейства, Императоромъ, онъ все еще находился подъ этой весьма неудобной опекой. Считая себя истолковательницей воли покойнаго Императора, его мать полагала, что имѣетъ право направлять и государственныя дѣла, и дѣла молодой четы.

Можно сказать, что его отецъ, придавивъ его при жизни своей гигантской личностью, и по смерти продолжалъ держать его въ состояніи молчаливаго и мистическаго поклоненія его памяти.

Когда, наконецъ, Николай Александровичъ вышелъ изъ этого безжизненнаго состоянія, пути здоровой политики оказались для него слишкомъ труднодоступны. Стремясь выработать въ себѣ личный обликъ государя, онъ сталъ жертвой неопытности и отсутствія воли.

Тогда, какъ это свойственно слабымъ натурамъ, онъ сталъ искать выходъ въ упрямствѣ. Именно въ этотъ періодъ министры стали добиваться вмѣшательства Императрицы, а послѣдняя согласилась дѣлать то, въ чемъ она ранѣе отказывала мужу: вести его политику.

Юношей Николай Александровичъ не имѣлъ друзей, ибо онъ изъ родительскаго дома не выѣзжалъ; братья его были малы. Конечно, семья была дружная и счастливая, родители были преданы ея интересамъ и все свое счастье находили въ ней, но семейная жизнь ничего не давала для укрѣпленія слишкомъ мягкой природы старшаго сына.

Первую радость свою онъ нашелъ въ полку; товарищеская среда отвѣчала его естественной потребности общенія. Мѣсяцы, проведенные на службѣ среди преображенцевъ, оставили по себѣ

милое воспоминаніе. Занятія на свѣжемъ воздухѣ, времяпрепровожденіе молодежи въ офицерскомъ собраніи съ его шумнымъ весельемъ приводили его въ восторгъ.

Позднѣе, когда его давили заботы правленія, онъ любилъ вспоминать объ этихъ счастливыхъ временахъ. Онъ говорилъ: «Все, что я знаю, я этому выучился въ полку. Министры дѣлаютъ со мною, что хотятъ, ибо я ни въ чемъ не свѣдущъ, кромѣ какъ въ маневрахъ.»

Путешествіе въ Японію и обратно чуть было не окончилось бѣдой вслѣдствіе покушенія. Николай Александровичъ болѣе за границу не ѣздилъ иначе, какъ на короткую побывку къ невѣстѣ или для оффиціальныхъ посѣщеній дворовъ. Онъ очень мало зналъ собственную страну и еще менѣе внѣшній міръ.

Его знакомства ограничивались весьма рѣдкими посѣщеніями, почти исключительно оффиціальными или семейными. О происходившемъ въ странѣ и на бѣломъ свѣтѣ онъ узнавалъ изъ докладовъ; чтеніе докладовъ поглощало его день и половину ночи и оставляло его опутаннымъ безнадежнымъ количествомъ фактовъ, цифръ и противорѣчивыхъ программъ.

Вслѣдствіе властности вдовствующей Императрицы, невмѣшательства въ дѣла Императрицы Александры Ѳеодоровны и слабости Николая II, первые годы были лишь продолженіемъ царствованія Александра III; то было наслѣдство опасное, ибо съ 1881 года этотъ государь отвергъ всѣ либеральныя идеи своего отца, подготовляя тѣмъ самымъ неизбѣжный взрывъ.

Николай II со временемъ отдалъ себѣ отчетъ, что «блаженная память», слишкомъ часто поминаемая его матерью, не могла навсегда задержать ходъ времени, но на свое несчастье онъ не зналъ, какъ поправить дѣло, и все, что онъ ни предпринималъ, только увеличивало зло.

Столь часто дѣлаемыя невыгодныя для Николая II сравненія обоихъ царствованій несправедливы. Александръ III имѣлъ за собою память о Царѣ-Освободителѣ и Мученикѣ, великія соціальныя и политическія реформы котораго глубоко всколыхнули страну; напротивъ, самъ онъ оставилъ въ наслѣдство сыну огромную пустоту, которую надо было какъ можно скорѣе заполнить, подъ страхомъ крушенія, ибо Россія — на счастье или на несчастье, — но уже получила толчекъ на пути политической эволюціи.

Подъ вліяніемъ семейныхъ преданій и окружающихъ лицъ, Николай II поклонялся самодержавію, съ мистической ревностью опасаясь умалить его божественныя границы. Онъ хорошо зналъ, что его власть въ дѣйствительности была очень ограничена, ибо министры на каждомъ шагу ему противодѣйствовали, но идолъ самодержавія, ввезенный когда-то изъ Византіи одною изъ царицъ, гипнотизировалъ этого Романова до такой степени, что онъ не рѣшался возложить на своихъ министровъ отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Это было безсмысленно и трагично.

Несмотря на «конституцію» 1905 года, продолжали охранять легенду самодержавія: каждый министръ дѣйствовалъ по своему, но отвѣтственность за его ошибки по прежнему падала на Царя.

Сверхъ всѣхъ прочихъ препятствій, эта архаическая легенда, навязанная государю и русскому народу отмирающей бюрократіей, парализовала стремленія Николая II къ человѣческому идеалу.

Русскій народъ, такой чуткій, чувствовалъ въ немъ доброту, искренность и держался бы его до послѣдней минуты, но противуположныя вліянія играли фетишемъ самодержавія; и тогда подъ ногами его открылась пропасть.

Всѣ разсказы о макіавеллическихъ наклонностяхъ Николая II объясняются очень просто: онъ никогда не желалъ сказать непріятности; за это его упрекали въ отсутствіи искренности, тогда какъ въ дѣйствительности онъ былъ слишкомъ добръ и слабъ, чтобы причинить боль; онъ скрывалъ свои мысли, боясь, что ихъ не примутъ или будутъ оспаривать; изъ этого выводили, что онъ хитритъ, тогда какъ онъ такимъ путемъ лишь защищалъ свою слабость; онъ присоединялся къ мнѣнію послѣдняго — безусловное доказательство недостатка воли, которое ошибочно толковали, какъ признакъ недобросовѣстности.

Очевидно, ему былъ необходимъ хорошій первый министръ, отвѣтственный за остальныхъ министровъ, . . . но тогда что сталось бы съ самодержавіемъ?

И Николай II продолжалъ назначать министровъ и блуждать въ дебряхъ ихъ программъ и докладовъ. Лишь подписывая актъ своего отреченія, онъ впервые назначилъ главу отвѣтственнаго министерства, но въ тотъ день революція была уже въ полномъ ходу.

Психологіей Государя объясняются также странности его поведенія по отношенію къ императору Вильгельму, который ему

всегда былъ противенъ и какъ государь, и какъ частный человѣкъ, ибо внушалъ ему глубокое недовѣріе. Императоръ Вильгельмъ рисовался предъ его удивленными глазами тѣмъ мастерствомъ, съ какимъ онъ владѣетъ самыми трудными вопросами; онъ постоянно давалъ ему совѣты быть либеральнымъ, по нѣмецкому образцу, въ рѣшеніи русскихъ задачъ. Николай Александровичъ усматривалъ въ этомъ оскорбительный намекъ на самодержавіе. Онъ никогда не спрашивалъ у императора Вильгельма его мнѣнія, но послѣдній продолжалъ бомбардировать его своими письмами.

Чѣмъ объяснить успѣхъ происковъ императора Вильгельма въ дѣлѣ Кіао-Чау и въ особенности въ договорѣ, заключенномъ въ Біорке? Въ первомъ случаѣ Николай II былъ попросту обойденъ Вильгельмомъ, который, какъ бы случайно, спросилъ его, имѣетъ ли онъ что-либо противъ устройства небольшого угольнаго склада для нѣмецкихъ судовъ. Самодержавный государь постѣснился отвѣтить ему, что это вопросъ, подлежащій обсужденію между министрами, а не между монархами. Онъ отвѣтилъ только, что никакихъ препятствій не втрѣчаетъ. На этомъ словѣ императоръ Вильгельмъ обосновалъ всю свою Дальне-восточную политику.

(Извѣстно, что авантюра, приведшая къ войнѣ съ Японіей, имѣла своимъ началомъ случайно брошенное Царемъ слово одобренія по поводу лѣсныхъ концессій на Ялу, концессій, по мнѣнію министровъ, необходимыхъ для развитія торговли.)

Тайный договоръ въ Біорке, потомъ отвергнутый, какъ не совмѣстимый съ франко-русскимъ соглашеніемъ, былъ ловко навязанъ Николаю II человѣкомъ, котораго онъ терпѣть не могъ, подъ видомъ страхованія противъ войны. Вильгельмъ сумѣлъ польстить самолюбію Царя, сыгравъ на его человѣколюбивыхъ струнахъ, на его самодержавныхъ предразсудкахъ и его политической неспособности.

Государыня, не сумѣвъ завоевать расположенія русскаго общества, прониклась къ нему чувствомъ глубокаго отвращенія; въ силу этого Государь тоже превратился въ затворника въ собственномъ дворцѣ. Но онъ тяготился затворничествомъ, ибо несмотря на свою привязанность къ семьѣ, общительность никогда его не покидала; такъ напримѣръ, онъ всегда пріѣзжалъ на полковой праздникъ своего полка.

Политика въ рукахъ Императрицы привела къ замѣнѣ великаго князя Николая Николаевича въ Ставкѣ Государемъ подъ

предлогомъ, что великій князь замышлялъ заговоръ. Дѣйствительно, онъ грозился повѣсить Распутина, — преступленіе непростительное.

Государя не пришлось упрашивать, — искушеніе было слишкомъ сильно. Сдѣлавшись главнокомандующимъ, онъ въ Ставкѣ какъ бы переживалъ дни своей полковой молодости; онъ даже забывалъ о политическихъ интригахъ жены, слыша впервые за свою жизнь правду изъ откровенныхъ и честныхъ устъ военныхъ людей. Онъ сдѣлалъ нѣсколько отличныхъ назначеній въ министры. Зато жена его, при содѣйствіи Распутина, продолжала свои назначенія и весьма неудачно.

Императрица не оставляла его долго одного: она пріѣзжала въ Ставку съ дочерьми. Послѣ каждаго посѣщенія благодѣтельное вліяніе арміи исчезало.

Въ началѣ декабря 1916 года Николай II въ первый разъ согласился выслушать (отъ начальника Краснаго Креста Кауфмана-Туркестанскаго) правду про Распутина. Думали, что этотъ разъ дѣло значительно двинулось впередъ. Но Александра Ѳедоровна отвела ударъ, доказавъ, что свидѣтельскія показанія противъ Распутина куплены. Государь былъ возмущенъ, считая, что сдѣлался жертвой интриги, направленной противъ жены, имѣлъ свиданіе съ Распутинымъ, — и въ Думу не поѣхалъ[1]).

Увѣряли, что къ концу царствованія Императоръ Николай II прибѣгалъ къ различнымъ снадобьямъ, чтобы забыться. Страдая головной болью, онъ дѣйствительно принималъ порошки. Были ли они отъ Бадмаева?

Членъ Думы Пуришкевичъ, свалившій Распутина револьвернымъ выстрѣломъ, пишетъ въ своихъ посмертныхъ воспоминаніяхъ, что Распутинъ расхваливалъ чудодѣйственныя свойства Бадмаевскихъ порошковъ, «поразительныхъ и сильно возбуждающихъ».

Я не думаю, чтобы Государь искалъ забвенія въ снадобьяхъ. Правда, онъ имѣлъ очень усталый видъ; да вѣдь было съ чего. Если бы онъ имѣлъ такую привычку, ее замѣтили бы во время его заточенія. Но никакихъ намековъ на это не имѣется.

---

[1]) Сравни книгу Веселицкаго-Божидаровича (Аргусъ) Russie et Democratie, Парижъ, 1916. Мой выдающійся сотоварищъ по публицистикѣ предвидѣлъ счастливыя послѣдствія единенія между русской демократіей и монархіей; Германія и ея агенты, Распутинъ съ одной стороны — революціонеры съ другой, разрушили эти свѣтлыя надежды.

Что касается сказки о его тайныхъ переговорахъ съ непріятелемъ, ложность которой была потомъ доказана разслѣдованіемъ революціоннаго правительства, то, чтобы свести ее на нѣтъ, достаточно привести прощальный приказъ Государя арміи, задержанный Временнымъ правительствомъ. Вотъ этотъ приказъ:

«Въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, горячо любимыя мною войска. Послѣ отреченія за себя и за Сына Моего отъ Престола Россійскаго, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему.

Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути славы и благоденствія.

Да поможетъ Богъ вамъ, доблестныя войска, отстоять нашу Родину отъ злого врага. Впродолженіе двухъ съ половиной лѣтъ вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сдѣлано усилій и уже близокъ часъ, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усиліе противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды.

Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его — тотъ измѣнникъ Отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воинъ такъ мыслитъ. Исполняйте же вашъ долгъ, защищайте доблестную нашу Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь вашихъ начальниковъ.

Помните, что всякое ослабленіе порядка службы только на руку врагу.

Твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей Великой Родинѣ. Да благословитъ васъ Господь Богъ и да ведетъ васъ къ побѣдѣ Святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій.»

Ставка, 8/21 марта 1917 года. «Николай.»

Въ этомъ документѣ, трогательномъ по своей искренности, благородству и наивному чистосердечію, сказался Николай II такимъ, какимъ онъ въ дѣйствительности былъ. Въ качествѣ главнокомандующаго, покидающаго должность, онъ имѣлъ право и былъ обязанъ проститься съ арміей; ему казалось, что новое правительство одобритъ его поступокъ; онъ не понималъ новой обстановки, точно также, какъ въ свое время не уяснилъ себѣ наличія общественной эволюціи.

А между тѣмъ большевицкая орда, нанятая Германіей, уже направляла дѣйствія Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ, образовавшагося ранѣе министерства князя Львова, и диктовала странѣ и арміи свою разрушительную волю. Благородный и патріотичный приказъ Царя по назначенію не дошелъ, — онъ былъ скрытъ правительствомъ.

ГЛАВА VII.

Тюрьма и ссылка.

Въ день, когда разразилась революція, Императрица была поглощена уходомъ за дѣтьми, которыя всѣ лежали въ кори, и временно держалась вдали отъ политическихъ заботъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ (послѣднее назначеніе Распутина) появлялся въ Царскосельскомъ дворцѣ очень часто, говорилъ о «святомъ старцѣ», отъ котораго будто бы получалъ посмертныя указанія, и увѣрялъ, что все идетъ, какъ нельзя лучше.

Протопоповъ былъ вѣрнымъ представителемъ прошлаго режима. Дворянинъ по происхожденію, ставшій потомъ владѣльцемъ суконной фабрики, интеллигентъ, игравшій роль во Всероссійскомъ Земскомъ союзѣ, достигшій наконецъ званія товарища предсѣдателя Государственной Думы, онъ не побрезгалъ свидѣться съ непріятельскими агентами, дабы такимъ путемъ пріобрѣсти благорасположеніе «старца» и найти въ министерскомъ портфелѣ средство поправить свои разстроенныя дѣла. Въ то же время Бадмаевъ лечилъ его отъ общаго паралича.

Когда гулъ возстанія уже слышался во дворцѣ, Императрица замѣтила, что человѣкъ, «пользовавшійся довѣріемъ народа», котораго она навязала довѣрчивому Государю, ничего не понималъ и былъ лишь несчастный, порченый сумасшедшій. Она потеряла голову: послала за великимъ княземъ Павломъ Александровичемъ, вышла, чтобы произнести рѣчь гвардейскимъ полкамъ, пришедшимъ для охраны дворца, тщетно пыталась связаться по телефону или телеграфу съ Государемъ, уже выѣхавшимъ изъ Ставки, — словомъ, выбивалась изъ силъ, чтобы выйти изъ тупика,

Утромъ 7/20 марта, пять дней послѣ отреченія Государя, Александра Ѳеодоровна, по приказу Временнаго правительства, была арестована генераломъ Корниловымъ. Чрезъ два дня прибылъ Государь, тоже плѣнникомъ.

Семья прожила въ Царскомъ Селѣ около пяти мѣсяцевъ, до тѣхъ поръ пока сосѣдство столицы не стало слишкомъ опаснымъ. Петроградъ былъ центромъ Совѣтовъ, уже готовыхъ открыто объявить себя большевицкими.

Надо отмѣтить очень существенный шагъ въ ходѣ революціонной пропаганды, руководимой тогда нѣмецкими агентами. До марта 1917 года ея разлагающая работа была направлена противъ Императрицы. Государя оставляли въ сторонѣ, ибо народъ и армія ему все еще вѣрили. Но только онъ отрекся отъ власти (отрекся, какъ онъ думалъ, добровольно и для спасенія народа), сейчасъ же еврейская печать и вся революціонная орда набросилась на него одного.

Авторъ этой книги изложилъ въ своихъ корреспонденціяхъ высоко почтенныя побужденія, руководившія павшимъ монархомъ, и немедленно былъ нѣсколькими столичными организаціями печати подвергнутъ бойкоту.

Извѣты революціонеровъ начинались, какъ всегда, съ Распутина, непріятельскаго агента, друга Царицы, а слѣдовательно и Государева. Эти германофилы, уклоняющіеся отъ службы въ войскахъ, эти наемники кайзера увѣряли толпу, что ея государь измѣнникъ!

Города, веси, армія наполнились отзвуками этихъ подлыхъ обвиненій. «Онъ измѣнникъ!» — кричали ленинскіе товарищи; «онъ измѣнникъ» — повторяли нелѣпые «парламентаріи»; «онъ измѣнникъ!» — вопили Керенскій и Совѣты. И толпа, оскорбленная въ своемъ патріотизмѣ, негодовала.

Для Николая II это было хуже смерти; онъ это доказалъ позднѣе; онъ предпочелъ смерть безчестію.

Союзники знали, однако, что обвиненіе ложно. Былъ поднятъ вопросъ о предоставленіи Государю и его семьѣ убѣжища въ Англіи. Планъ провалился и въ Царскомъ Селѣ сундуки были вновь разложены; несчастныхъ узниковъ лишили этого послѣдняго способа спасенія.

Милюковъ перехватилъ телеграмму короля Георга на имя Государя, приглашавшую его въ Англію, тотъ самый Милюковъ,

который былъ зачинщикомъ Думскихъ нападокъ на Императрицу. Задержка этой телеграммы и привела къ отказу Царской семьи покинуть Россію.

Конечно, боль, причиненная этими низкими подозрѣніями, пересилила всѣ остальныя тягости заточенія, о которыхъ исчерпывающій и исторически точный разсказъ можно найти въ подробныхъ показаніяхъ дворцоваго коменданта полковника Кобылинскаго и г. г. Жильяра и Гиббеса.

Всѣ письма, всѣ архивы были перерыты въ надеждѣ найти малѣйшій слѣдъ измѣны. Во время этой работы Супруги были разлучены, какъ то дѣлаютъ съ обыкновенными мошенниками.

Керенскому можно многое простить за его поведеніе послѣ слѣдствія. Онъ принесъ всенародное покаяніе, торжественно объявивъ: «Царь чистъ.» Отъ революціоннаго министра такой поступокъ требовалъ нѣкотораго мужества.

Къ сожалѣнію солдаты охраны и даже офицеры вели себя далеко не такъ прилично. Керенскій увѣщевалъ ихъ, но тщетно; привычка была уже усвоена.

Адъютанты военнаго министра Гучкова позволили себѣ закричать лицамъ, жившимъ въ дворцѣ: «Вы всѣ продажны.» Солдаты, которые отбирали отъ Цесаревича его игрушки, убили его козочекъ, воровали вещи узниковъ и вообще вели себя хамами, заслуживаютъ гораздо меньшаго порицанія.

Нельзя не отмѣтить слѣдующій случай. Государь, по своему обыкновенію, хотѣлъ подать руку дежурному офицеру. Послѣдній не взялъ протянутой руки. Тогда Государь положилъ ему руки на плечи и со слезами на глазахъ сказалъ: «Голубчикъ, за что-же?» Снова отступивъ на шагъ назадъ, этотъ господинъ отвѣтилъ: «Я изъ народа. Когда народъ вамъ протягивалъ руку, вы не приняли ея. Теперь я не подамъ вамъ руки.»

Николай Александровичъ все еще не понималъ, какой ужасающій сдвигъ произошелъ въ умахъ; онъ продолжалъ жить въ воображаемомъ мірѣ.

Отъѣздъ изъ Царскаго Села состоялся ночью 31 іюля (13 августа). Цесаревичу только что исполнилось 13 лѣтъ. Керенскій разрѣшилъ великому князю Михаилу Александровичу проститься съ братомъ. Никого другого изъ членовъ Императорской фамиліи Государь не видѣлъ. Но въ эту минуту было не до вѣжливости. Керенскій опасался Совѣтовъ, бывшихъ всецѣло въ рукахъ боль-

шевиковъ. Малѣйшее промедленіе могло оказаться опаснымъ. Желѣзнодорожники уже поговаривали о задержкѣ царскаго поѣзда. Изъ вящей предосторожности узникамъ не было сказано, куда ихъ везутъ. Только въ послѣднюю минуту они узнали, что ѣдутъ въ Тобольскъ. Выборъ этого города казался благоразумнымъ, такъ какъ, разъ выѣздъ за границу былъ невозможенъ, арестованныхъ необходимо было помѣстить какъ можно дальше отъ центра.

Царской семьѣ было оказано всяческое вниманіе. Ее сопровождали всѣ лица, которыхъ она пожелала взять съ собою, за исключеніемъ Вырубовой, перевезенной въ крѣпость, и нѣкоторыхъ трусовъ, покинувшихъ своихъ господъ. Полный списокъ можно найти въ показаніяхъ Кобылинскаго, гдѣ значится болѣе 40 именъ. Это было чрезмѣрно и впослѣдствіи не разъ причиняло неудобства. Романовы все еще не понимали.

Ѣхали въ двухъ поѣздахъ, роскошно обставленныхъ; въ пути часто останавливались, чтобы дать ѣдущимъ время прогуляться...

При отъѣздѣ Керенскій сказалъ солдатамъ конвоя: «Помните, лежачаго не бьютъ. Держите себя вѣжливо, а не хамами.» Обратясь къ начальнику конвоя, онъ прибавилъ: «Не забывайте, что это бывшій Императоръ; ни онъ, ни семья ни въ чемъ не должны испытывать лишеній.»

На пути къ Тобольску поѣздъ проходилъ мимо родного села Распутина. Александра Ѳеодоровна позвала дѣтей и говорила имъ о «святомъ старцѣ». Она все еще въ него вѣрила. Отъ безполезнаго теперь разочарованія судьба милостиво ее уберегла...

Прибывъ въ Тобольскъ, Семья 13/26 августа размѣстилась въ губернаторскомъ домѣ, удобно для нея устроенномъ; большая часть многочисленной свиты заняла сосѣдній домъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Временное правительство, расчитывая одолѣть большевиковъ, хотѣло сдѣлать условія изгнанія сколь возможно сносными. Образъ жизни въ Тобольскомъ домѣ требовалъ большихъ расходовъ, Керенскій же, поглощенный борьбой сперва съ Корниловымъ, потомъ съ большевиками, обѣщанныхъ средствъ не перевелъ.

Когда въ ноябрѣ большевики овладѣли властью, солдаты, деморализованные комиссаромъ Панкратовымъ, потребовали себѣ отдѣльный домъ, и свитѣ пришлось помѣститься въ домѣ, гдѣ была Царская семья.

Въ скоромъ времени Совѣтское правительство сократило арестованнымъ выдачу пищи до размѣровъ голоднаго пайка съ запрещеніемъ восполнять недостающее путемъ заработка.

Въ показаніяхъ Кобылинскаго, Жильяра и Гиббеса можно найти трогательное описаніе жизни Царской семьи во время сибирскаго заточенія.

Сначала жизнь не многимъ отличалась отъ Царскосельской. Но это длилось недолго. Мелочное преслѣдованіе со стороны солдатъ, находившихся подъ вліяніемъ Панкратова и другихъ пропагандистовъ, отравляло существованіе Семьи и ея вѣрныхъ слугъ.

Одинъ неуравновѣшенный священникъ имѣлъ неосторожность помянуть падшихъ монарховъ: солдаты немедленно воспретили имъ ходить въ церковь и стали приходить къ нимъ на домъ присматривать при ихъ говѣніи.

Не зная, какой бы изводъ придумать, солдатье — ибо это ужъ не были дисциплинированные солдаты — потребовало, чтобы Царь снялъ знаки своего военнаго чина и георгіевскій крестъ. Эти революціонные герои вырѣзывали гнусныя надписи на качеляхъ великихъ княженъ и сломали ледяную гору, единственное времяпрепровожденіе молодежи въ сибирскую зиму.

Но когда старые солдаты при демобилизаціи приходили нѣжно попрощаться съ Царемъ-Батюшкой, Государыня торжествовала и говаривала: «Видите, они всѣ добрые, но евреи ихъ обманываютъ...» Она не могла понять, что революціонная почва была для евреевъ подготовлена ею же самой.

12/25 февраля 1918 г. прибылъ приказъ большевицкаго правительства о прекращеніи всякаго денежнаго отпуска. Своихъ денегъ давно уже не было. Чтобы обезпечить расходы на жизнь, кн. Долгорукій и генералъ Татищевъ, по соглашенію съ почтеннымъ Кобылинскимъ, подписали векселя городскимъ купцамъ. Они скрывали отъ Государя, что прибѣгли къ этому средству. Два или три раза ихъ выручили изъ затрудненія добровольныя анонимныя приношенія. Но новыя правила содержанія арестованныхъ нельзя было скрыть отъ Государя.

По сокращеніи слишкомъ многочисленной свиты надо было сократить и свой столъ. Питаніе становилось недостаточнымъ и Алексѣй Николаевичъ тяжело заболѣлъ: обѣ ноги оказались парализованными подъ вліяніемъ присущей ему болѣзни.

Но все могла перенести такая вѣрующая семья, пока ей была обезпечена возможность молитвеннаго единенія.

Къ концу пребыванія въ Тобольскѣ Романовы отдавали себѣ отчетъ въ своемъ безнадежномъ положеніи. Въ дѣлѣ имѣется рукопись великой княжны Ольги Николаевны, свидѣтельствующая объ ихъ покорности судьбѣ. Это молитва въ стихахъ, составленная молодой графиней Гендриковой и заключающая въ себѣ намекъ на близкую смерть всей семьи.

Въ первые мѣсяцы письма и газеты приходили довольно правильно. Вырубова писала Государынѣ часто. Послѣ большевицкаго переворота, эти извѣстія стали рѣже, но все же Семья была освѣдомлена о крупныхъ событіяхъ, особенно о Брестъ-Литовскомъ договорѣ.

ГЛАВА VIII.

Московско-Берлинскій посланецъ.

Мы подходимъ къ тому времени, когда графъ Мирбахъ заключалъ съ Янкелемъ Свердловымъ соглашеніе относительно возвращенія Государя и его сына въ Москву.

Для этой цѣли въ Тобольскъ былъ отправленъ особый комиссаръ, снабженный полномочіями за подписью Свердлова, какъ предсѣдателя Центральнаго исполнительнаго комитета, и за скрѣпою секретаря комитета армянина Аванесова.

Выбранъ былъ для этого въ высшей степени секретнаго порученія отставной офицеръ русскаго флота, слѣдовательно, дворянинъ, Василій Васильевичъ Яковлевъ, сосланный при прежнемъ строѣ за какой-то незначительный проступокъ. Онъ жилъ нѣкоторое время въ Берлинѣ.

Яковлевъ, родомъ изъ Уфы, былъ хорошо знакомъ съ Ураломъ. Онъ, конечно, зналъ о совѣтской организаціи въ Екатеринбургѣ и, видимо, опасался попасть въ западню, ибо по всей вѣроятности, ѣдучи въ Тобольскъ, останавливался въ этомъ городѣ; встрѣтившись здѣсь съ давнишнимъ уфимскимъ знакомымъ Авдѣевымъ, который имѣлъ связи въ мѣстномъ Совѣтѣ, онъ повезъ его, какъ полезнаго союзника, въ Тобольскъ.

Яковлевъ прибылъ 10/23 апрѣля поздно ночью, безъ предупрежденія. Его конвой, его документы и манера держаться произвели на полковника Кобылинскаго и на солдатъ охраны сильное впечатлѣніе. Повиновеніе его приказаніямъ требовалось подъ страхомъ разстрѣла. Но никто не зналъ, зачѣмъ собственно онъ прибылъ.

На слѣдующій день произошло первое столкновеніе съ Уральскимъ Совѣтомъ въ лицѣ его делегата, еврея Заславскаго. Послѣдній попытался поднять солдатъ противъ Яковлева, подъ предлогомъ, что тотъ ихъ обманываетъ, но осѣкшись, Заславскій спѣшно выѣхалъ въ Екатеринбургъ, распространяя слухъ о попыткѣ бѣгства Романовыхъ подъ покровительствомъ Яковлева. Онъ убѣдилъ въ этомъ Авдѣева, который впослѣдствіи еще громче кричалъ, что Яковлевъ увозитъ Романовыхъ въ Японію!

Дадимъ очеркъ поступковъ этого чрезвычайнаго комиссара; они подробно изложены въ показаніяхъ очевидцевъ. Мы въ нихъ найдемъ косвенное потвержденіе того, въ чемъ въ дѣйствительности заключалось данное ему порученіе. Ибо свидѣтели эти пребывали въ полномъ невѣдѣніи о цѣли его пріѣзда.

Немедленно по пріѣздѣ Яковлевъ пришелъ посмотрѣть на Цесаревича, такъ какъ не вѣрилъ его болѣзни. Въ день пріѣзда и на слѣдующій день онъ нѣсколько разъ невзначай заходилъ въ комнату больного.

Убѣдившись, наконецъ, что онъ сильно страдаетъ, Яковлевъ отправился на телеграфъ, лично донести объ этомъ Свердлову. Оттуда онъ пришелъ къ Государю объявить, что увезетъ его одного, но Государыня хотѣла непремѣнно сопровождать мужа и взять съ собою свою дочь Марію Николаевну (про которую сестры, шутя, говорили, что она имѣетъ успѣхъ у комиссаровъ); Яковлевъ уступилъ настояніямъ Императрицы.

Изъ этихъ показаній явствуетъ, что Яковлевъ интересовался исключительно Государемъ и его сыномъ и что на него было возложено порученіе увезти ихъ обоихъ по назначенію, которое не могло быть инымъ, какъ Москва.

Ясно, что для отъѣзда въ Екатеринбургъ не стали бы принимать столько таинственныхъ спѣшныхъ предосторожностей. Въ Сибири въ то время царствовало полное спокойствіе и слѣдовательно не было никакого основанія опасаться похищенія.

А въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было срывать отца и сына съ мѣста въ самый разгаръ весенней распутицы и весеннихъ разливовъ?

Заявленія, сдѣланныя въ тотъ день Государемъ и Императрицей, имѣютъ первостепенное значеніе. «Меня везутъ въ Москву, чтобы заставить меня принять договоръ вродѣ Брестъ-Литовскаго», сказалъ Государь и прибавилъ: «Я лучше отрѣжу себѣ правую руку!»

«Его стараются разлучить со мной, чтобы заставить его подписать еще одну постыдную мировую сдѣлку», сказала Императрица, намекая на актъ отреченія.

Александра Ѳеодоровна такъ глубоко вѣрила въ существованіе плана, задуманнаго германцами по соглашенію съ большевиками, что покинула больного сына для сопровожденія мужа. Супруга самодержца какъ бы заглушила въ себѣ самыя нѣжныя, самыя священныя чувства матери.

«Я предпочитаю умереть, чѣмъ быть спасенной нѣмцами», объявила она во время Тобольскаго изгнанія, какъ бы уже зная о попыткахъ Берлина.

Послѣ раздирающей сцены, она поручила сына заботамъ своей любимой дочери Татьяны и отправилась сопровождать мужа въ его пути къ неизвѣстному будущему, съ твердымъ рѣшеніемъ во что бы то ни стало спасти мужа отъ мирнаго соглашенія съ нѣмцами. Она сообщила ему о своемъ намѣреніи; онъ даже не пытался отговаривать ее, какъ всегда подчинясь ея волѣ.

Выѣхали утромъ 13/26 апрѣля въ крестьянскихъ повозкахъ; 300 верстъ отъ Тобольска до Тюмени проѣхали въ 40 часовъ. Пришлось перебираться чрезъ три большія рѣки. Ледъ былъ уже покрытъ весенней водою и угрожалъ поглотить лошадей и повозки. Дороги тоже походили на потокъ.

Яковлевъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Государемъ. Въ теченіе всего пути онъ съ нимъ спорилъ и убѣждалъ его.

Когда повозки проѣзжали чрезъ село Покровское, Яковлевъ, торопясь прибыть въ Тюмень, распорядился, чтобы всѣ ѣхавшіе пересѣли въ перемѣнные тарантасы, приготовленные заранѣе. Государыня посмотрѣла въ сторону Распутинскаго дома. Она увидѣла его вдову и дочь: онѣ стояли въ дверяхъ и издали крестили ее. . .

Несомнѣнно предупрежденный объ опасности въ Екатеринбургѣ и зная, какова роль Заславскаго, Яковлевъ ни минуты

не потерялъ въ Тюмени. Тамъ ждалъ спеціальный поѣздъ. Не останавливаясь на промежуточныхъ станціяхъ, Яковлевъ спѣшилъ на западъ.

Но на полъ-пути къ Екатеринбургу онъ сталъ наводить по телеграфу справки и узналъ, что его поѣздъ по приказанію Уральскаго Совѣта будетъ задержанъ.

Сейчасъ же онъ даетъ обратный ходъ, въ направленіи на Омскъ, съ цѣлью перейти на южную линію, на Уфу, откуда путь лежитъ на Самару и Москву. Не останавливаясь, онъ проходитъ мимо вокзала Тюмени и приближается къ Иртышу, гдѣ отдѣляется вѣтвь на Уфу. Солдаты останавливаютъ поѣздъ. Это войска Омскаго Совѣта.

Яковлевъ отцѣпляетъ паровозъ и отправляется одинъ въ Омскъ. Идетъ говорить по прямому проводу со Свердловымъ. Получаетъ приказаніе пройти все-таки чрезъ Екатеринбургъ. Ему остается только подчиниться.

Четыре дня и четыре ночи Яковлевъ никому не позволялъ говорить съ Государемъ; только самъ онъ съ нимъ и разговаривалъ. Онъ особенно опасался Государыни: очевидно, онъ зналъ, какое она имѣетъ вліяніе на мужа.

Почему надо было принимать такія чрезвычайныя мѣры предосторожности? Ясно, что Яковлеву было поручено сдѣлать Государю весьма важныя, весьма довѣрительныя сообщенія, такого свойства, что они были непріемлемы для Императрицы.

Хотите доказательствъ? Прочтите заявленіе, сдѣланное Яковлевымъ Государю въ присутствіи свидѣтелей, упомянутыхъ въ этой книгѣ. «Я долженъ сказать Вамъ (онъ говорилъ собственно по адресу одного Государя), что я чрезвычайный уполномоченный изъ Москвы отъ Центральнаго исполнительнаго комитета и мои полномочія заключаются въ томъ, что я долженъ увезти отсюда всю семью. Но такъ какъ Алексѣй Николаевичъ боленъ, то я получилъ вторичный приказъ выѣхать съ Вами однимъ.» Государь отвѣтилъ Яковлеву: «Я никуда не поѣду.» Тогда Яковлевъ продолжалъ: «Прошу этого не дѣлать. Я долженъ исполнить приказаніе. Если Вы отказываетесь ѣхать, я долженъ или примѣнить силу, или отказаться отъ возложеннаго на меня порученія. Тогда могутъ прислать вмѣсто меня другого, менѣе гуманнаго человѣка. Вы можете быть спокойны. За Вашу жизнь я отвѣчаю своей головой.»

Онъ упорно отказывался сказать, куда ѣдутъ. Причина понятна. Екатеринбургъ могъ бы узнать, а онъ его опасался.

Этотъ человѣкъ говорилъ и дѣйствовалъ искренно. У него не было дурныхъ намѣреній по отношенію къ Царской семьѣ. Государь говорилъ о немъ: «Это человѣкъ честный, порядочный.»

Вернувшись впослѣдствіи въ Москву, онъ убѣдился, что былъ обманутъ красными евреями. Подъ предлогомъ поступить на службу на Уральскомъ Фронтѣ, онъ возвратился на Уралъ и присоединился къ войскамъ Колчака.

Судебный слѣдователь Соколовъ, узнавъ о его присутствіи и боясь упустить случай, сейчасъ же послалъ одного довѣреннаго офицера (Б. В. Молоствова) разыскать его. Но оказалось, что хорошо освѣдомленный Омскій штабъ перевелъ уже его въ составъ вооруженныхъ силъ Юга Россіи. Это было дѣло непріятельскаго агента, австрійскаго офицера (полковника Зайчека), состоявшаго въ арміи на службѣ развѣдки. Затѣмъ всякій слѣдъ Яковлева теряется.

Прибытіе плѣнниковъ въ Екатеринбургъ произошло 17/30 апрѣля; но оно ожидалось двумя днями раньше, такъ какъ 15/27 апрѣля инженеру Николаю Николаевичу Ипатьеву было дано приказаніе въ 24 часа покинуть свой домъ, который въ тотъ же день былъ реквизированъ по приказанію Совѣта.

Изъ этого надо заключить, что Уральскій совѣтъ, до дня выѣзда Государя изъ Тобольска, относительно Московскихъ проектовъ освѣдомленъ не былъ. Но, какъ читатель вѣроятно помнитъ, этимъ учрежденіемъ руководилъ Голощекинъ согласно приказаніямъ, которыя онъ получилъ отъ Свердлова. Все становится яснымъ. И понятно, почему Заславскій появился въ Тобольскѣ одновременно съ Яковлевымъ и выѣхалъ раньше его.

Читатель уяснитъ себѣ также, почему плѣнниковъ ожидали къ 28-му августа. Голощекинъ не предвидѣлъ, что Яковлевъ повернетъ назадъ на Омскъ и потеряетъ два дня.

Этимъ способомъ Свердловъ ухитрился разрушить германскій планъ, ловко использовавъ непримиримость уральскихъ красныхъ.

Мысль о бѣгствѣ чрезъ Японію исключена.

Прибывшіе были доставлены въ домъ Ипатьевыхъ самимъ Голощекинымъ. Онъ подвергъ ихъ грубому обыску, причемъ ему

помогалъ другой еврей, Дидковскій, пріѣхавшій, какъ и онъ, изъ Германіи.

Приводимъ документъ.

Рабочее и Крестьянское
Правительство
Россійской Федеративной Республики Советов
Уральский Областной Совет
Рабочих
Крестьянских и Солдатских
Депутатов
Президиум
№ 1

Екатеринбург, 30 апреля 1918 г.

Росписка.

1918 года апреля 30 дня, я, нижеподписавшийся, Председатель Уральскаго Областного Совета Раб., Кр. и Солд. Депутатов Александр Георгиевич Белобородов получил от Комиссара Всероссийскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета Василия Василиевича Яковлева доставленных им из г. Тобольска: 1. бывшаго царя Николая Александровича Романова, 2. бывшую царицу Александру Өедоровну Романову и 3. бывш. вел. княжну Марию Николаевну Романову, для содержания их под стражей в г. Екатеринбурге

А. Белобородов
Чл. Обл. Исполн. Комитета
Г. Дидковский

(Росписка написана почеркомъ Бѣлобородова и скрѣплена печатью областного «исполкома»).

Прибывшій съ Государемъ кн. Долгорукій былъ по приказанію Голощекина посланъ въ городскую тюрьму. Впослѣдствіи онъ погибъ жертвой своей вѣрности Царской семьѣ.

Всѣ деньги находились при немъ. Плѣнники остались безъ средствъ. Въ Тобольскѣ оставалось большое количество драгоцѣнныхъ камней, личная собственность монарховъ. (Драгоцѣнности, принадлежавшія государству, были всѣ переданы Временному правительству.) Надо было спасти эти вещи.

Великія княжны, оставшіяся въ Тобольскѣ, были тайно, письмомъ камеръ-юнгферы Демидовой, предупреждены въ этомъ смыслѣ

и принялись скрывать жемчужныя ожерелья, бриллiанты и другiе драгоцѣнные камни въ своей одеждѣ, зашивая ихъ въ лифчики подъ видомъ пуговицъ и т. п.

Какъ видно изъ дальнѣйшаго, это обстоятельство впослѣдствiи очень помогло возстановить полностью всю картину Екатеринбургскаго злодѣянiя.

Болѣзнь Цесаревича Алексѣя Николаевича продолжала протекать обычнымъ порядкомъ. Онъ начиналъ немного поправляться, когда пришло время отвезти оставшуюся часть семьи къ родителямъ. Причина переѣзда заключается, конечно, не въ добромъ расположенiи палачей, а лишь въ желанiи упростить охрану.

Комиссары, приставленные къ дому заточенiя, были съ великими княжнами и больнымъ мальчикомъ грубы и оскорбляли ихъ. Такъ же вели они себя и въ пути.

10/23 мая вся Семья вновь собралась въ Екатеринбургѣ, чтобы больше уже не разставаться.

ГЛАВА IX.

Крестный путь.

На вершинѣ холма, господствующаго надъ Екатеринбургомъ и надъ Ураломъ, находится нѣсколько бѣлыхъ зданiй, образующихъ Вознесенскую площадь. Посреди нея стоитъ церковь того же имени. Одна сторона площади занята Харитоновскимъ домомъ и садомъ, принадлежащими одному изъ «золотыхъ королей». Противъ церковной паперти другой домъ, понижающiйся уступами, образуетъ уголъ Вознесенской улицы, которая спускается къ большому пруду, расположенному въ центрѣ города: это и есть домъ Ипатьева, — довольно нарядное двухъ этажное зданiе съ большими воротами, ведущими во дворъ и садъ. Входъ во второй этажъ находится насупротивъ церкви. Эта сторона площади является продолженiемъ Вознесенскаго проспекта, который соединяетъ главный вокзалъ съ городомъ. Входъ въ нижнiй этажъ — съ переулка. Такъ какъ домъ построенъ на косогорѣ, спускающемся по линiи, которая идетъ отъ проспекта по переулку, то

нижній этажъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ полуподвальный, а въ нѣкоторыхъ совершеннѣйшій подвалъ. Этажи соединены внутренней лѣстницей; сообщеніе между ними возможно также черезъ двери, выходящія во дворъ.

Между уровнемъ площади и уровнемъ нижняго этажа имѣется нѣкоторое пространство, гдѣ устроенъ боковой спускъ для экипажей и лѣстница для пѣшеходовъ.

Приспособить домъ, какъ мѣсто заключенія, было довольно легко. Наверху — арестованные, внизу стража, кругомъ, снаружи дома — досчатый заборъ. Работа была исполнена въ нѣсколько часовъ.

Стража тоже была составлена наскоро. Выбрали, довольно случайно, нѣсколькихъ рабочихъ Исетскаго завода и Злоказовской Фабрики, жившихъ въ слободахъ.

Обязанности коменданта «Дома особаго назначенія» (какъ онъ былъ названъ) были довѣрены Авдѣеву, въ награду за «вѣрность» Заславскому при столкновеніи послѣдняго съ Яковлевымъ.

Государь съ женою и сыномъ занимали угловую комнату, въ которой два окна выходили на площадь и два въ переулокъ. Въ сосѣдней комнатѣ, выходившей въ переулокъ, помѣстились четыре великія княжны. Ихъ комната имѣла сообщеніе со слѣдующей и со столовой.

При семьѣ находился преданный ей врачъ Боткинъ. Онъ жилъ въ гостиной, смежной со столовой; гостиная была двойная съ аркой по срединѣ. Лакей Чемодуровъ, которому разрѣшили раздѣлить тюремное заключеніе Семьи, спалъ тоже въ этой комнатѣ. Камеръ-юнгферѣ Демидовой была отведена комната съ окнами на переулокъ. Наконецъ лакей Труппъ, поваръ Харитоновъ и поваренокъ Сѣдневъ жили въ кухнѣ и въ прилегающей комнатѣ.

Лучшая комната этажа, та, что имѣла сообщеніе съ лѣстницей, служила помѣщеніемъ коменданта, такъ что никто не могъ выйти отъ Романовыхъ, не будучи замѣченъ. Всѣ движенія плѣнниковъ подсматривались, всѣ слова подслушивались.

Владѣльцемъ дома былъ Николай Николаевичъ Ипатьевъ, инженеръ въ отставкѣ, крупный Екатеринбургскій коммерсантъ. Онъ не зналъ, для чего Совѣтъ отбиралъ его домъ. На отысканіе другого жилища ему было дано нѣсколько часовъ. Совмѣстно

съ представителями Совѣта онъ составилъ опись имущества. Она находится въ дѣлѣ.

Комнаты остались приблизительно въ томъ же видѣ, какъ при хозяинѣ. Сундуки и другія вещи Ипатьевыхъ (людей богатыхъ, на имущественномъ положеніи которыхъ красные порядки еще не успѣли отразиться) были сложены въ службахъ и опечатаны. Къ несчастью, среди опечатанныхъ вещей была и вся посуда и постельное бѣлье.

Домъ былъ въ полномъ порядкѣ, съ ванной, горячей водой и электрическимъ освѣщеніемъ. Красные все оставили на мѣстѣ, но зато ничего и не принесли, такъ что узники остались безъ посуды, а великія княжны безъ кроватей.

Впослѣдствіи, когда изъ Тобольска прибыли вещи Семьи, — свыше 50-ти сундуковъ на 28 повозкахъ — изъ нихъ достали походныя кровати. Пока же великія княжны спали на матрацахъ, положенныхъ на полъ.

Въ скоромъ времени построили второй заборъ такъ, чтобы онъ совершенно скрылъ всѣ подступы. Двойныя окна были выбѣлены известью и плѣнники не могли видѣть даже неба.

Большевицкіе комиссары предупредили членовъ Семьи, оставшихся въ Тобольскѣ, что условія содержанія въ Екатеринбургѣ будутъ строже. Дѣйствительно, по пріѣздѣ въ Ипатьевскій домъ, разницу ощутили очень скоро.

Пребываніе въ Тобольскѣ, несмотря на испытанія послѣднихъ мѣсяцевъ, представлялось настоящимъ раемъ въ сравненіи съ Екатеринбургомъ. Тамъ плѣнники выходили на широкій дворъ, когда имъ было угодно. Государь пилилъ дрова, занимался другими работами, позволявшими ему сохранить себя въ добромъ здоровьи. Здѣсь они были какъ бы въ клѣткѣ, безъ права покидать комнаты, иначе какъ съ разрѣшенія тюремщиковъ.

Каждый день былъ долгой пыткой. Пища была отвратительна. Тюремщики дѣлали все, чтобы довести несчастныхъ до отчаянія.

Утромъ — плохой чай безъ сахару, съ чернымъ хлѣбомъ, оставшимся со вчерашняго дня. Къ обѣду — очень жидкій супъ и «котлета», имѣющая весьма мало общаго съ мясомъ.

Ѣда приносилась изъ совѣтской кухмистерской, которой вѣдалъ еврей Виленскій, другъ Голощекина. Виленскій, послѣ ухода красныхъ, остался въ Екатеринбургѣ и когда совѣтская армія

вновь заняла Уралъ, выѣхалъ въ Иркутскъ въ качествѣ комиссара по иностраннымъ дѣламъ.

Прислуга ѣла вмѣстѣ съ хозяевами. Такъ пожелалъ Государь. Столъ, покрытый клеенкой, былъ лишенъ всего необходимаго; приборовъ не хватало, такъ что приходилось пользоваться ложками, ножами и вилками по очереди. Романовы ѣли изъ общаго блюда деревянными ложками.

Во время ѣды стража постоянно наполняла комнату будтобы для наблюденія за плѣнниками, а на самомъ дѣлѣ, чтобы усилить ихъ страданія.

Караульные подсаживались къ столу, брали грязными пальцами ѣду съ блюда, опираясь локтями на столъ, толкали Царя и Царицу, не стѣснялись вести неприличные разговоры; иные стояли за Государыней, навалившись на спинку ея стула, такъ что задѣвали ея спину.

Пьяные, разнузданные, эти люди находили настоящее удовольствіе мучить бѣдныхъ плѣнниковъ: орали во все горло революціонныя пѣсни, стояли при входѣ въ уборныя комнаты, выкрикивали похабныя слова, какъ только несчастныя великія княжны туда входили.

Въ короткое время домъ сталъ отвратительно грязенъ, ибо цѣлый день караульные курили, плевали, всюду оставляли объѣдки.

Тѣ, кто такъ обходились со своимъ бывшимъ Государемъ и его семьей, были русскіе рабочіе. Стража Ипатьевскаго дома состояла исключительно изъ русскихъ, подъ начальствомъ русскаго, Александра Авдѣева, коменданта дома, другого русскаго Александра Мошкина, его помощника и начальника караула, русскаго же Павла Медвѣдева.

Но всѣ они, подобно Бѣлобородову — русскому рабочему, предсѣдательствовавшему въ Совѣтѣ — были лишь пѣшками въ рукахъ красныхъ евреевъ, Свердловыхъ, Голощекиныхъ. По нѣскольку разъ въ недѣлю Голощекинъ приходилъ производить обходъ. Бѣлобородовъ его сопровождалъ. Съ нимъ приходилъ также Юровскій. Они ничего не находили нужнымъ измѣнить.

Такъ продолжалось въ теченіе мая и первой половины іюня мѣсяца. Пока русскіе караульные обращались съ арестованными плохо, «начальство» ничего не измѣняло. Пьянство осложнялось систематическимъ грабежемъ вещей, принадлежащихъ плѣнникамъ. . . Голощекинъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.

Но вотъ русскіе мѣняютъ свое поведеніе. Въ показаніяхъ Анатолія Якимова можно прочесть, какъ они смягчились подъ вліяніемъ приближенія къ Государю и его семьѣ. На нихъ подѣйствовала не только идея «Царь», но и самая личность Государя и членовъ его семьи. Красноармейцы орали похабныя пѣсни, а имъ въ отвѣтъ неслись изъ комнаты Царской семьи звуки херувимской: то пѣли великія княжны и Государыня. Невѣроятная кротость и страдальческое смиреніе семьи возбуждали у охраны сначала сомнѣнія, потомъ раскаяніе, а затѣмъ и жалость. За что они страдаютъ? Зачѣмъ томятся? Такъ стали думать многіе изъ охраны, не исключая самого Авдѣева.

Благочестіе, мягкость, простота плѣнниковъ стали обезоруживать этихъ людей, несмотря на всю грубость ихъ воспитанія и ихъ революціонной среды. Непристойныя пѣсни стали слышаться рѣже, потомъ стихли...

Къ тому же страданія узниковъ вызывали сочувствіе извнѣ. Одинъ вѣрный монархистъ далъ мысль монахинямъ Екатеринбургскаго монастыря попытаться послать имъ кое-какихъ припасовъ. Докторъ Деревенько, бывшій врачъ Наслѣдника, послѣдовавшій за Семьей въ Тобольскъ и поселившійся въ Екатеринбургѣ, предложилъ свои услуги для устройства доставки этой неожиданной помощи затворникамъ Ипатьевскаго дома.

Помощь наладилась на глазахъ ничего не замѣтившихъ Совѣтскихъ властей. Очевидно, всѣ русскіе караульные потворствовали, ибо достаточно было бы одного несогласнаго, и Голощекинъ все бы узналъ.

Монахини по соглашенію съ Авдѣевымъ, чтобы не вызывать подозрѣнія, приходили въ мірскомъ платьѣ. Семья получала молоко, масло, овощи; на долю Государя доставляли немного табаку, котораго онъ уже давно былъ лишенъ. Мало по малу, монахини, видя мягкость караульныхъ, осмѣлѣли и стали доставлять лакомства: сосиски, пирожки и т. п...

Но вотъ, однажды, придя къ подъѣзду Ипатьевскаго дома, монахини замѣтили смущенныя лица караульныхъ. Появляется незнакомое лицо: это новый караульный начальникъ. Онъ требуетъ у монахинь объясненій, потомъ стращаетъ ихъ, говоря, что онѣ совершили преступленіе, угрожаетъ имъ строгимъ наказаніемъ, если онѣ посмѣютъ нарушать правила ареста. Потомъ, дѣлая видъ, что смягчился, онъ разрѣшаетъ имъ приносить только молоко.

Съ этого дня монахини не видали болѣе ни Авдѣева, ни Мошкина. Выходилъ принимать молоко всегда Юровскій.

Вотъ объясненіе: Мошкинъ и Авдѣевъ были посажены въ тюрьму за воровство; Янкель Юровскій замѣнилъ Авдѣева 21 іюня (4 іюля), за двѣ недѣли до убійства Семьи.

Все измѣнилось въ домѣ. Красногвардейцы были переселены на другую сторону переулка и стали нести караульную службу лишь снаружи дома; всѣ внутренніе посты были довѣрены исключительно «латышамъ».

Ихъ было десять. Юровскій привелъ ихъ изъ Чрезвычайной комиссіи, гдѣ они несли обязанности палачей. Эти люди оставили послѣ себя надписи, письма и пр., доказывающія ихъ дѣйствительную національность. Они были венгерцы, многіе говорили по-нѣмецки, были по происхожденію нѣмцы. Юровскій говорилъ съ ними на иностранномъ языкѣ, — а онъ, кромѣ еврейскаго жаргона, говорилъ только по-нѣмецки.

Латыши являлись въ красной арміи самымъ многочисленнымъ изъ иностранныхъ элементовъ. Вполнѣ естественно, что русская стража называла палачей «латышами».

Увольненіе Авдѣева Голощекинъ объяснилъ Совѣту кражей и пьянствомъ. Въ дѣйствительности же русскіе красногвардейцы стали подозрительны изъ-за ихъ сочувствія къ узникамъ, уже обреченнымъ на смерть.

Установленныя Юровскимъ условія содержанія арестованныхъ отняли у нихъ послѣднюю надежду. Отстраненные отъ нихъ, русскіе не смѣли уже выказывать имъ сочувствіе. Наиболѣе подлые сочли долгомъ удвоить свою наглость.

Лишенные доступа въ домъ, гдѣ они покрывали стѣны скверными надписями, нѣкоторые изъ нихъ взбирались на заборъ до высоты оконъ и орали для узниковъ гнусные куплеты. Одинъ русскій часовой выстрѣлилъ въ великую княжну Анастасію Николаевну, такъ какъ она отворила окно. Юровскій къ подобнымъ поступкамъ относился безучастно.

До него узники довольно часто пользовались церковнымъ утѣшеніемъ. Священникъ церкви, находившейся противъ дома, приходилъ служить у нихъ обѣдню. Юровскій разрѣшалъ это рѣдко, разъ или два за время его двухнедѣльнаго начальствованія. Онъ вызвалъ другого священника и самъ присутствовалъ при богослуженіи.

Время для прогулокъ въ саду было сокращено. Юровскій воспретилъ Государю физическую работу. Мученія этихъ 15-ти дней, среди мрачныхъ лицъ палачей, во власти безсердечнаго тюремщика, не выразить словами.

При семьѣ оставили только людей слабосильныхъ. Старика Чемодурова сочли слишкомъ крѣпкимъ и его отправили въ другую тюрьму.

Генералъ-адъютантъ Татищевъ, графиня Гендрикова, гофъ-лектриса Шнейдеръ и лакей Волковъ были посажены въ тюрьму, не видавъ Царской семьи въ Екатеринбургѣ. Всѣ они, кромѣ Волкова, погибли. Есть, однако, слухъ, что Татищевъ избѣгъ смерти.

Гг. Жильяръ, Гиббесъ и другія лица, сопровождавшія Семью, остались нѣкоторое время въ Екатеринбургѣ, но свидѣться съ ней имъ не удалось.

ГЛАВА X.

Голгоѳа.

Въ понедѣльникъ 2/15 іюля монахини принесли въ домъ Ипатьевыхъ молоко. Принялъ его по обыкновенію Юровскій, но при этомъ далъ странный заказъ: «Завтра, сказалъ онъ, вы принесете съ полъ-сотни яицъ.» Дальше мы увидимъ, съ какой цѣлью онъ попросилъ этой добавки.

На слѣдующій день сестры пришли съ молокомъ и яйцами. Это былъ послѣдній день Царской семьи.

Въ тотъ же понедѣльникъ поваренокъ Леонидъ Сѣдневъ, товарищъ игръ Цесаревича, былъ удаленъ изъ Ипатьевскаго дома. Онъ былъ помѣщенъ у русскихъ караульныхъ въ домѣ Попова, насупротивъ Ипатьевскаго.

Во вторникъ утромъ прибылъ Голощекинъ въ сопровожденіи своего покорнаго соучастника Бѣлобородова. Они увезли Юровскаго въ автомобилѣ, чтобы посѣтить то, уже подготовленное мѣсто, гдѣ должны были исчезнуть тѣла. Юровскій вернулся около 5-ти часовъ. Ему предстояло отдать послѣднія распоряженія для бойни.

Изъ всей русской охраны, послѣ удаленія Авдѣева и Мошкина, только одинъ сохранилъ еще довѣренность главарей, — Павелъ Медвѣдевъ. Въ справкѣ о прежней жизни этой зловѣщей личности значится изнасилованіе ребенка. Онъ былъ Іудой Романовыхъ.

Въ 7 часовъ вечера Юровскій отдалъ Медвѣдеву приказаніе отобрать револьверы у всѣхъ русскихъ караульныхъ. Когда оружіе принесли, Юровскій открылъ Медвѣдеву проектъ избіенія, запретивъ ему до 11 часовъ вечера говорить о немъ русскимъ. Въ этотъ часъ онъ долженъ былъ предупредить наружныхъ часовыхъ, дабы избѣгнуть «недоразумѣнія».

Чтобы убить Романовыхъ, русскіе сперва были удалены изъ дому; теперь ихъ обезоруживали и держали въ невѣдѣніи до послѣдней минуты. Дѣло ясно: русскихъ опасались, ибо совѣтскіе евреи творили еврейское дѣло.

Медвѣдевъ исполнилъ приказанія съ полнымъ пониманіемъ: онъ предупредилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ-пріятелей, а равно часовыхъ.

Это не были единственные русскіе соучастники преступленія, ибо Юровскій нуждался для скрытія тѣлъ въ помощи мѣстныхъ людей.

Онъ договорился съ двумя рабочими чугуно-плавильнаго Верхъ-Исетскаго завода, Вагановымъ и Ермаковымъ. Послѣдній былъ заводскимъ военнымъ комиссаромъ. За обоими значилось весьма тяжелое судебное прошлое. Они добровольно несли обязанности палачей Чрезвычайки.

Въ сопровожденіи своихъ венгерцевъ и обоихъ красныхъ «героевъ», Юровскій объѣздилъ окрестности въ поискахъ подходящаго мѣста. Этимъ двумъ любителямъ человѣческой бойни выпала въ Екатеринбургской трагедіи важная роль.

Темнота въ этомъ сѣверномъ краю наступаетъ лѣтомъ очень поздно. Было за полночь (по новому совѣтскому времени — два часа утра), когда Юровскій принялся за дѣло.

Вся Семья спала глубокимъ сномъ; также и прислуга. Юровскій вошелъ въ ихъ комнаты и разбудилъ ихъ, приказавъ одѣваться, чтобы покинуть городъ, которому будто-бы угрожала опасность.

Семья поднялась. Одѣлись на скоро. Юровскій пошелъ впереди; спустились по лѣстницамъ во дворъ, потомъ вошли въ нижній этажъ,

Государь несъ своего сына на рукахъ. За семьей шли докторъ Боткинъ и служащіе Харитоновъ, Труппъ и Демидова.

Юровскій велъ ихъ въ заранѣе подготовленную западню, такъ какъ отказался отъ мысли убить ихъ въ ихъ комнатахъ наверху: онъ опасался тревоги, которая могла бы нарушить его планъ перевозки тѣлъ въ лѣсъ для ихъ тайнаго уничтоженія.

Комната, предназначенная для убійства, была расположена какъ нельзя удачнѣе. Она была низка, имѣла одно окно, пробитое въ толстой стѣнѣ и забранное рѣшеткой, оно охранялось часовымъ и было отдѣлено отъ улицы двумя высокими заборами.

Жертвы спустились безъ опасенія, думая, что ихъ увозятъ. Онѣ взяли съ собой на дорогу подушки и шляпы; Анастасія Николаевна несла на рукѣ свою болонку Джемми.

Пройдя чрезъ всѣ комнаты перваго этажа, занятыя теперь венгерцами, узники прошли чрезъ переднюю, гдѣ была дверь въ переулокъ. Правѣе передней, освѣщенной, какъ и всѣ комнаты, электричествомъ, плѣнники видѣли въ окно, выходящее въ садъ, силуэтъ часового.

Низкая комната находится налѣво, противъ этого окна. Такимъ образомъ, послѣдующая сцена произошла на глазахъ двухъ русскихъ часовыхъ, одного — въ саду, другого — въ переулкѣ.

Въ дѣлѣ имѣются показанія трехъ лицъ, которыя наблюдали событіе очень близко и которыя приводятъ также показанія обоихъ часовыхъ. Въ числѣ этихъ свидѣтелей находится и цареубійца Медвѣдевъ, очевидецъ унтеръ-офицеръ Якимовъ и ефрейторъ Проскуряковъ, присланный послѣ, чтобы вымыть комнаты. Разсказъ мой основанъ на всей совокупности имѣющихся въ дѣлѣ документовъ.

Алексѣй Николаевичъ не могъ стоять, Государыня тоже была нездорова и Государь попросилъ стульевъ. Юровскій распорядился, чтобы ихъ принесли.

Государь сѣлъ посерединѣ комнаты, положивъ сына на стулъ рядомъ съ собою. Императрица сѣла у стѣны. Дочери подали ей подушки. Докторъ Боткинъ стоялъ между Государемъ и Государыней. Три великія княжны находились направо отъ матери; рядомъ съ ними стояли, облокотясь объ уголъ стѣны, Харитоновъ и Труппъ; слѣва отъ Императрицы осталась четвертая великая княжна и камеръ-юнгфера Демидова, обѣ облоко-

тившись о стѣну около окна. За ними была запертая дверь въ кладовую.

Всѣ ожидали сигнала къ отъѣзду. Они не знали, что «карета» давно уже ждетъ у воротъ. Это былъ 4-хъ тонный грузовикъ Фіатъ, на которомъ должны были отвезти тѣла. Все было предусмотрѣно съ воинской точностью.

Минуту спустя палачи вошли въ комнату. То были, кромѣ Юровскаго, упомянутыя уже лица: Медвѣдевъ, Ермаковъ, Вагановъ, неизвѣстный, носящій имя Никулина и семь «латышей», принадлежащіе, какъ и послѣдній, къ Чрезвычайкѣ, — всего 12 человѣкъ.

Въ эту минуту жертвы поняли, но никто не тронулся. Была мертвая тишина.

Въ комнатѣ, длинной въ 8 и шириной въ 6 аршинъ, жертвамъ некуда было податься: убійцы стояли въ двухъ шагахъ.

Подойдя къ Государю, Юровскій холодно произнесъ: «Ваши родные хотѣли васъ спасти, но это имъ не удалось. Мы васъ сейчасъ убьемъ.»

Государь не успѣлъ отвѣтить. Изумленный, онъ прошепталъ: «Что? что?»

Двѣнадцать револьверовъ выстрѣлили почти одновременно. Залпы слѣдовали одинъ за другимъ.

Всѣ жертвы упали. Смерть Государя, Государыни, трехъ дѣтей и лакея Труппа была мгновенна. Сынъ былъ при послѣднемъ издыханіи; младшая великая княжна была жива: Юровскій нѣсколькими выстрѣлами своего револьвера добилъ Цесаревича; палачи штыками прикончили Анастасію Николаевну, которая кричала и отбивалась. Харитоновъ и Демидова были прикончены отдѣльно.

Штыковые удары, направленные въ Демидову, отбивавшуюся отъ палачей, попали въ обшивку стѣны. Я замѣтилъ ихъ слѣды при посѣщеніи комнаты. По требованію судебнаго слѣдователя была въ моемъ присутствіи произведена экспертиза этихъ порѣзовъ, — то несомнѣнно были слѣды русскаго штыка.

Вотъ какъ описываетъ со словъ Павла Спиридонова Медвѣдева свидѣтель прокуроръ П. Я. Шамаринъ, присутствовавшій при допросѣ Медвѣдева агентомъ уголовнаго розыска Алексѣевымъ.

«16 іюля по н. ст., во вторникъ, Юровскій приказалъ увести утромъ мальчика, бывшаго въ числѣ прислуги при Царской Семьѣ, изъ дома Ипатьева въ домъ Попова, гдѣ проживали русскіе красноармейцы, что и было сдѣлано. Затѣмъ вечеромъ, часовъ около 7-ми, Юровскій приказалъ Медвѣдеву отобрать въ командѣ всѣ револьверы. Ихъ было 12 штукъ, всѣ системы Ногана. Медвѣдевъ отобралъ револьверы, принесъ ихъ въ комендантскую и сдалъ Юровскому. Послѣдній никакихъ поясненій этимъ своимъ распоряженіямъ сначала не давалъ, но затѣмъ вскорѣ послѣ отобранія револьверовъ онъ сказалъ Медвѣдеву: «Сегодня мы будемъ разстрѣливать все семейство.» При этомъ онъ приказалъ Медвѣдеву предупредить команду, чтобы она не волновалась, если услышитъ въ домѣ выстрѣлы. Сдѣлать это, т. е. предупредить команду, Юровскій приказалъ не тогда, когда говорилъ объ этомъ Медвѣдеву, а позднѣе, часовъ въ 10, что и было Медвѣдевымъ въ точности исполнено.

Промежутокъ времени между 10 и 12 часами Медвѣдевъ находился при домѣ.

Часовъ въ 12 по старому времени Юровскій сталъ будить Царскую Семью. Всѣ Они и бывшіе при Нихъ встали, умылись, одѣлись и были внѣшне совершенно спокойны. Всѣхъ ихъ въ числѣ 11 человѣкъ свели съ верхняго этажа по лѣстницѣ во дворъ и со двора въ нижній этажъ. Тамъ ихъ привели въ одну изъ комнатъ конца дома. Наслѣдникъ же не могъ идти ввиду Его болѣзненнаго состоянія, и Его несъ на рукахъ Государь. Съ собой Они несли нѣсколько подушекъ, горничная несла двѣ подушки. Въ комнату, куда Ихъ привели, Юровскій велѣлъ подать три стула. На нихъ сѣли: Государь, Государыня и Наслѣдникъ. Всѣ остальные были на ногахъ.

Къ этому моменту въ домъ Ипатьева прибыли два члена «чрезвычайной слѣдственной комиссіи». Одного изъ нихъ Медвѣдевъ назвалъ: это былъ рабочій изъ Исетскаго завода, по фамиліи Ермаковъ, лѣтъ 30-ти, невысокаго роста, черноволосый, съ черными усами, бритой бородой. Другой былъ лѣтъ 25-26-ти, высокаго роста, блондинъ. Такимъ образомъ къ моменту убійства Царской Семьи изъ палачей были: самъ Юровскій, его помощникъ Ермаковъ съ товарищемъ, семь человѣкъ латышей и онъ, Медвѣдевъ. Всѣ они и были въ той же комнатѣ, въ которую была приведена Царская Семья. Остальные три латыша были гдѣ-то въ другой комнатѣ. Всѣ 12 револьверовъ Ногана, отобранные Медвѣдевымъ въ командѣ, были на рукахъ у названныхъ лицъ. Былъ револьверъ и у него, Медвѣдева.

Всѣ члены Августѣйшей Семьи и всѣ бывшіе при Нихъ были совершенно спокойны и въ этотъ моментъ. Какъ можно было понять Медвѣдева, онъ самъ находился въ первыя минуты тутъ же въ комнатѣ . . . а потомъ вышелъ . . . тутъ же услышалъ револьверные выстрѣлы и вернулся. На полу въ комнатѣ въ разныхъ позахъ лежали разстрѣлянные Государь Императоръ, Го-

сударыня Императрица, Наслѣдникъ, Великія Княжны, докторъ Боткинъ, горничная, поваръ и лакей. Всѣ Они обливались кровью. Кровь покрывала Ихъ лица, одежду, была вокругъ Нихъ на полу. Ея было много, она была густая «печенками». Наслѣдникъ былъ еще живъ и стоналъ. При немъ, Медвѣдевѣ, Юровскій два-три раза выстрѣлилъ въ Наслѣдника изъ револьвера и онъ затихъ.»

Во время перваго обыска въ Ипатьевскомъ домѣ, нашли наверху трубы, подъ толстымъ слоемъ сажи, бумаги, унесенныя наверхъ, въ трубу силой огня, въ которомъ уничтожали всѣ улики. Это была постовая вѣдомость и требовательная вѣдомость на жалованіе. Наметкинъ и Сергѣевъ знали уже имена всѣхъ русскихъ, входившихъ въ составъ охраны «Дома особаго назначенія».

Эти списки давали указанія, по которымъ слѣдствіе могло двигаться безъ опасенія запутаться. На этой основѣ построилъ свою работу Соколовъ.

Большая часть красногвардейцевъ, подписи которыхъ значились въ вѣдомостяхъ, послѣдовали за совѣтскими войсками; но семьи ихъ оставались въ Екатеринбургѣ. Такимъ путемъ скоро розыскали красногвардейца Летемкина. Могу назвать его, не боясь выдать его на месть большевикамъ, ибо онъ умеръ.

Почему онъ остался? Какъ бы ни было, но онъ пользовался исключительнымъ положеніемъ. Онъ былъ единственнымъ изъ охраны, жившимъ у себя. Въ убійствѣ онъ никакого участія н принималъ: въ этотъ день онъ былъ въ своей семьѣ и когда онъ на слѣдующій день пришелъ въ домъ Ипатьева на свою смѣну, онъ былъ удрученъ, узнавъ о происшедшемъ. Тогда, не желая раздѣлять отвѣтственность за преступленіе, онъ воздержался отъ слѣдованія съ красной арміей.

Арестованный, онъ даже не пытался отрицать правду: онъ откровенно и честно показалъ все, что зналъ. Оказалось, Медвѣдевъ, часовые и другіе свидѣтели разсказали ему о случившемся во всѣхъ подробностяхъ.

Самъ Медвѣдевъ тоже попалъ въ руки правосудія. Онъ выбылъ съ красными въ Пермь. Но будучи только русскимъ, оставался на второстепенныхъ роляхъ.

Когда войска Колчака взяли городъ, на Медвѣдева выпала неблагодарная задача взорвать мостъ на Камѣ. Затѣмъ онъ долженъ былъ догнать армію и сдѣлать докладъ Голощекину и Юровскому, которые оба укрылись въ штабѣ красной арміи.

Генералъ Пепеляевъ взялъ городъ нечаяннымъ нападеніемъ. Медвѣдевъ не успѣлъ выполнить порученіе. Въ Перми онъ жилъ подъ чужимъ именемъ. Въ лагерѣ плѣнныхъ онъ прошелъ незамѣченнымъ, былъ освобожденъ и поступилъ служителемъ въ госпиталь, такъ какъ боялся идти домой; но онъ имѣлъ неосторожность написать женѣ въ Екатеринбургъ. Съ нѣкотораго времени за нимъ слѣдили, онъ этого не замѣчалъ. Судебная власть узнала о присутствіи Медвѣдева въ Перми, и его арестовали.

Показанія Медвѣдева имѣютъ чрезвычайно важное значеніе, не только потому, что онъ принималъ участіе въ преступленіи, но также потому, что съ самаго начала состоялъ въ охранѣ дома Ипатьева; при этомъ онъ бывалъ не только разводящимъ, но и начальникомъ караула, а потому зналъ все, что происходило въ императорской тюрьмѣ.

Медвѣдевъ разсказываетъ обо всемъ съ такой развязностью, что у читателя невольно является вопросъ, сознавалъ ли онъ, что онъ дѣлалъ. Въ этомъ человѣкѣ бросается въ глаза полное отсутствіе всего, что составляетъ человѣческую нравственность. Онъ шелъ въ караулъ, убивалъ, обѣдалъ: все ему казалось простымъ и обычнымъ.

Онъ разсказываетъ обо всемъ съ полной откровенностью, потверждая тѣмъ другія показанія, но онъ не хочетъ признаться предъ судебной властью, что самъ убивалъ; въ этомъ онъ признался другимъ свидѣтелямъ, въ томъ числѣ своей женѣ, хвастаясь, что среди палачей онъ былъ единственный «изъ нашихъ», т. е. изъ русскихъ рабочихъ. Показанія его и другихъ свидѣтелей не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно роли этого цареубійцы. Допросъ Проскурякова установилъ ее вполнѣ точно.

Но обвиняемымъ свойственно умалчивать о подробностяхъ своего участія въ преступленіи. Не утверждалъ ли подсудимый Якимовъ, что онъ при убійствѣ не присутствовалъ? а въ тоже время онъ разсказывалъ столь обстоятельно, что никто иной, кромѣ очевидца, такъ разсказать бы не могъ. Въ дѣйствительности, онъ безучастно присутствовалъ при сценѣ избіенія. Юровскій, несомнѣнно, приказалъ ему сопровождать его, чтобы быть болѣе увѣреннымъ въ русскомъ караулѣ, начальникомъ котораго Якимовъ состоялъ.

Вотъ отзывъ прокурора Шамарина о Медвѣдевѣ:

«Я же лично по поводу самого Медвѣдева и его объясненій могу показать слѣдующее. Медвѣдевъ мнѣ представляется человѣкомъ достаточно развитымъ для его положенія, какъ рабочаго. Это типичный большевикъ даннаго момента. Онъ не былъ ни особенно угнетенъ, ни подавленъ. Чувствовалась въ немъ нѣкоторая растерянность, вполнѣ, конечно, понятная въ его положеніи. Но она не отражалась на его душевномъ состояніи. Онъ владѣлъ собою и оставлялъ своимъ разсказомъ впечатлѣніе человѣка «себѣ на умѣ». Я старался предоставить ему полную свободу въ объясненіяхъ, не допуская никоимъ образомъ постановки ему наводящихъ вопросовъ. У меня осталось полное впечатлѣніе полной достовѣрности его объясненій. Только въ одномъ отношеніи онъ привиралъ, — когда обрисовывалъ свое собственное участіе въ дѣлѣ. Это типичное сознаніе убійцы при убійствѣ, учиненнымъ многими лицами съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и по предварительному уговору... Онъ простой разводящій, а отдаетъ приказанія всей командѣ. Всѣ приготовленія къ убійству дѣлаются Юровскимъ черезъ него именно. Его знаетъ такой видный комиссаръ, какъ Голощекинъ, и протежируетъ ему. Медвѣдевъ вовсе былъ не разводящимъ, а «начальникомъ» всей команды охранниковъ».

Я пріѣхалъ въ Екатеринбургъ въ самомъ началѣ весны; снѣгъ долженъ былъ скоро сойти.

Генералъ Дитерихсъ, увѣренный, что трупы Семьи были уничтожены въ лѣсу, торопился начать раскопки, какъ только почва достаточно оттаетъ.

Въ это время развѣдка напала въ городѣ на слѣдъ цѣлой большевицкой организаціи. Арестовали начальника главной большевицкой слѣжки въ Сибири, нѣкоего Антона Валека. Онъ былъ допрошенъ Соколовымъ и заявилъ ему, что однажды онъ имѣлъ случай говорить о смерти Романовыхъ съ Голощекинымъ, который будто бы открылъ ему тайну: вся Семья была разстрѣляна и тѣла уничтожены.

ГЛАВА XI.

Заметаніе слѣдовъ.

Убійцы приняли чрезвычайныя мѣры къ тому, чтобы преступленіе никогда не всплыло наружу. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, они побили міровой рекордъ и исторія не знаетъ такихъ мастеровъ обмана.

Вотъ перечисленіе принятыхъ «предосторожностей»:

1. Ложное оффиціальное оповѣщеніе.
2. Уничтоженіе труповъ.
3. Ложное погребеніе.
4. Ложный судебный процессъ.
5. Ложный слѣдственный комитетъ.

Разберемся въ этомъ огромномъ нагроможденіи лжи. Правда предстанетъ еще болѣе захватывающей, ибо каждая «предосторожность» увеличиваетъ отвѣтственность преступниковъ.

Покончивъ избіеніе, тѣла завернули въ солдатское сукно и погрузили на Фіатъ. Юровскій уѣхалъ съ Ермаковымъ, Вагановымъ и трупами. Онъ поторопился выѣхать изъ города до разсвѣта.

По этой причинѣ съ покойниковъ сняли только наружные цѣнные предметы, какъ-то часы и т. п.; окончательно обшарить ихъ собирались въ лѣсу.

Медвѣдевъ долженъ былъ наблюсти за уборкой помѣщенія. Онъ позвалъ охранниковъ. Вымыли, не жалѣя воды, комнату злодѣянія и другія комнаты, чрезъ которыя выносили тѣла на устроенныхъ наскоро носилкахъ, вымыли и плиты во дворѣ, которыя были закапаны при нагрузкѣ грузовика.

Вытерли мокрыми тряпками въ комнатѣ преступленія обои, обильно обрызганные кровью. Когда, годъ спустя, я былъ въ этой комнатѣ, слѣды тряпки и растворенной водою крови были еще ясно видны.

Экспертиза этихъ пятенъ и слѣдовъ, оставшихся въ пулевыхъ каналахъ (18 револьверныхъ пуль въ стѣнѣ, 6 въ паркетѣ), а равно изслѣдованіе штыковыхъ уколовъ въ стѣнѣ и на полу опредѣлили наличіе человѣческой крови.

Заимствуемъ нѣсколько подробностей изъ показанія Медвѣдева.

«Отъ стоящихъ на дворѣ саней было взято двѣ оглобли. Къ нимъ была привязана простыня и на такихъ носилкахъ всѣ убитые были перенесены въ грузовой автомобиль, поданный къ дому еще съ вечера. Предварительно съ убитыхъ были сняты всѣ украшенія, какія замѣтны были на нихъ снаружи, кольца, браслеты и двое золотыхъ часовъ. Эти вещи Юровскій унесъ къ себѣ въ верхній этажъ. Въ автомобилѣ трупы были завернуты или покрыты солдатскимъ сукномъ, хранившимся до того въ домѣ.

Съ трупами въ автомобилѣ уѣхали Юровскій, Ермаковъ и его товарищъ. Когда трупы были увезены, Медвѣдевъ, по приказанію Юровскаго, позвалъ нѣсколько человѣкъ команды и велѣлъ имъ привести комнаты въ порядокъ. Такимъ образомъ, была замыта кровь въ комнатахъ нижняго этажа и на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ автомобиль. 4/17 іюля утромъ Медвѣдевъ пришелъ въ домъ Ипатьева и засталъ тамъ картину грабежа. Царскія вещи были перерыты, разбросаны. Драгоцѣнныя вещи, — золото, серебро — лежали въ комендантской на столахъ. Въ этой комнатѣ былъ Юровскій и латыши.

Шофферомъ на грузовомъ автомобилѣ, на которомъ были увезены трупы, былъ какой-то Люхановъ, человѣкъ лѣтъ 30-ти, средняго роста, коренастый, лицо нечистое, угреватое. Ермаковъ сказалъ ему (Медвѣдеву), что трупы были увезены за Верхъ-Исетскій заводъ и тамъ были брошены въ одну изъ шахтъ, взорванную потомъ, съ цѣлью засыпки ихъ, гранатами.»

Екатеринбургъ лежитъ посреди Уральскихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Въ какую сторону ушелъ грузовикъ Юровскаго со своимъ мрачнымъ грузомъ? Сомнѣнія въ этомъ быть не могло. Показанія установили весь путь, шагъ за шагомъ.

Къ сѣверу отъ города, верстахъ въ 14-ти, находятся желѣзные рудники, принадлежащіе Верхъ-Исетскому заводу. Здѣсь, въ урочищѣ подъ названіемъ «Четыре брата», находится старый, давно заброшенный рудникъ. Многочисленныя шахты расположены по обѣ стороны дороги, ведущей въ деревню Коптяки. Сюда и направился Юровскій.

Грузовикъ остановился сперва у завода, лежащаго у начала дороги. Ермаковъ предупредилъ своихъ людей. Появился конвой. Грузовикъ пошелъ дальше; за нимъ слѣдовалъ болѣе легкій автомобиль, съ грузомъ бензина. Другой дороги, кромѣ какъ на Коптяки, не было.

Обозъ пересѣкъ Пермскую желѣзную дорогу, потомъ Тагильскую. Сторожа у переѣздовъ замѣтили его. Потомъ, углубившись въ лѣсъ и съ трудомъ подвигаясь по мягкой почвѣ, грузовикъ свернулъ налѣво, чтобы достигнуть ряда шахтъ, называемаго «Ганина Яма».

Чрезъ годъ я шелъ по слѣдамъ грузовика отъ того мѣста, гдѣ онъ оставилъ большую дорогу, чтобы пройти лѣсомъ; слѣдъ былъ еще очень замѣтенъ. Я видѣлъ мѣсто, гдѣ онъ чуть не

упалъ въ ровъ; тутъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. На землѣ еще лежало бревно, которымъ выравнивали грузовикъ. Слѣды вели къ шахтамъ, гдѣ крестьяне нашли драгоцѣнности Государыни и гдѣ трупы исчезли.

Пока производилась мрачная операція, Ермаковскіе красноармейцы оцѣпляли лѣсъ, никого не пропуская.

Юровскій въ тотъ же день вернулся въ городъ, но потомъ его видѣли на дорогѣ въ Коптяки.

Вечеромъ 5/18 іюля проѣхалъ чрезъ желѣзнодорожный переѣздъ въ Коптяки легкій автомобиль съ шестью молодыми солдатами и однимъ штатскимъ, по описанію свидѣтеля, — «еврей съ черной, какъ смоль, бородой». Два солдата вернулись къ переѣзду изъ лѣса, въ разговорѣ сказали, что они «московскіе».

Въ теченіе этихъ дней (4/17-го, 5 и 6-го іюля) легкіе грузовики перевозили изъ Екатеринбурга къ мѣсту, куда отвезены были трупы, большое количество бензина и сѣрной кислоты: отъ 30 до 40 ведеръ бензина и ввыше 11 пудовъ кислоты.

Разрубленныя на части тѣла, были сожжены при помощи бензина; слишкомъ крѣпкія части были потомъ подвергнуты дѣйствію кислоты[1]).

Снабженіе бензиномъ и кислотой было обезпечено заботами комиссара Войкова, товарища Ленина по путешествію и близкаго друга Голощекина и Юровскаго.

Сохранились всѣ документы, касающіеся этихъ поставокъ: требованія, за подписью Войкова, описи совѣтскаго гаража и т. д.

«Предлагаю немедленно без всякой задержки и отговорок выдать из вашего склада пять пудов серной кислоты пред' явителю сего. Обл. Комиссар снабженія Войков 17/VII.»

«Предлагаю выдать еще три кувшина японской серной кислоты пред'явителю сего. Обл. Комиссар снабженія Войков.»

Все это время комиссары продолжали выставлять вокругъ дома Ипатьева наружный караулъ, дабы городскіе жители ничего не подозрѣвали.

Когда тѣла были испепелены въ лѣсу, опасные документы сожжены въ Ипатьевскомъ домѣ, а вещи, принадлежавшія Семьѣ, разграблены, домъ покинули.

---

[1]) У М. К. Дитерихса сложилось убѣжденіе, что головы Царя, Государыни и Наслѣдника, а можетъ быть и другихъ членовъ Царской семьи были взяты въ Москву.

Только 7/20 іюля было объявлено населенію Екатеринбурга, что «кровавый палачъ» Николай былъ казненъ. Дѣйствительный глава города, Голощекинъ, оповѣстилъ объ этомъ на митингахъ и объявленіями, расклеенными по городу.

Одновременно Совѣтское правительство послало заграницу по безпроволочному телеграфу слѣдующее сообщеніе (привожу по заграничнымъ газетамъ отъ 22 іюля):

«Агентская телеграмма, принятая изъ Москвы 21 іюля. Содержаніе слѣдующее: Вестникъ № 1653, 19 іюля. На состоявшемся 18 іюля первомъ засѣданіи выбраннаго пятымъ съѣздомъ Совѣтовъ президіума Цик Совѣтовъ, Предсѣдатель Свердловъ сообщаетъ полученное по прямому проводу сообщеніе отъ областнаго Уральскаго совѣта о разстрѣлѣ бывшаго царя Николая Романова: «Въ послѣдніе дни столицѣ краснаго Урала Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближенія чехословацкихъ бандъ. Въ то же время былъ раскрытъ новый заговоръ контръ-революціонеровъ, имѣвшій цѣлью вырвать изъ рукъ Совѣтской власти коронованнаго палача. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Президіумъ Уральскаго Областного Совѣта постановилъ разстрѣлять Николая Романова, что было приведено въ исполненіе 16 іюля. Жена и сынъ Николая Романова отправлены въ надежное мѣсто. Документы о раскрытомъ заговорѣ посланы въ Москву со спеціальнымъ курьеромъ.»

Сдѣлавъ это сообщеніе, Свердловъ напоминаетъ исторію перевода «Романова» изъ Тобольска въ Екатеринбургъ, когда была раскрыта такая же организація бѣлогвардейцевъ, подготовлявшая побѣгъ Романова. Въ послѣднее время, говоритъ телеграмма, предполагалось предать бывшаго царя суду за всѣ его преступленія противъ народа, и только событія послѣднихъ дней помѣшали осуществленію этого намѣренія.

Президіумъ, обсудивъ всѣ обстоятельства, заставившія Уральскій областной комитетъ принять рѣшеніе о разстрѣлѣ Романова, постановилъ: «Цик въ лицѣ своего Президіума признаетъ рѣшеніе Уральскаго областного комитета правильнымъ.»

Затѣмъ предсѣдатель сообщаетъ, что въ распоряженіи Цика находится сейчасъ важный матеріалъ — документы Николая Романова, его собственноручные дневники, которые онъ велъ до послѣдняго времени, дневники его жены и дѣтей, и переписка Романова. Имѣются между прочимъ письма Григорія Распутина

Романову и его семьѣ. Всѣ эти матеріалы будутъ разобраны и обнародованы въ ближайшее время.

Эта радіотелеграмма во всѣхъ своихъ частяхъ достойна ея составителей. Каждая фраза заключаетъ въ себѣ ложь, но каждая ложь придаетъ большую выпуклость дьявольскому плану, задуманному Янкелемъ Свердловымъ и осуществленному Юровскимъ.

1. Сообщеніе, полученное отъ Уральскаго совѣта, въ дѣйствительности было составлено при участіи Свердлова;

2. Чехи вступили въ Екатеринбургъ только 12/25 іюля[1]);

3. Вооруженнаго заговора не существовало; были монахини, приносившія пищу, вотъ и все;

4. «Постановленіе» Уральскаго совѣта было заготовлено въ Москвѣ Свердловымъ въ видѣ приказа Голощекину, — приказа убить;

5. Жена и сынъ Царя никуда не уѣзжали. Какъ извѣстно, они были убиты одновременно со всей семьей;

6. О проектѣ суда до смерти Государя ничего объявлено не было. Поэтому всякій намекъ на неожиданное препятствіе — чистѣйшая выдумка;

7. Частная переписка Романовыхъ появилась въ Москвѣ въ видѣ выдержекъ, изъ которыхъ никто неблагопріятнаго заключенія вывести не могъ. Все уже прошло чрезъ руки слѣдственной власти при Керенскомъ. Но совѣтскіе торгаши продѣлали съ этими бумагами подлую торговую махинацію, обнародовавъ также подложные и искаженные документы.

Населеніе Екатеринбурга было оповѣщено о смерти Государя слѣдующимъ постановленіемъ отъ 7/20 іюля:

Постановление
Президиума Областного Совета
Рабочих, Крестьянских и Красноармейских
Депутатов Урала.

Ввиду того, что Чехословацкие банды угрожают красной столице Урала — Екатеринбургу, в виду того, что коронованный палач может избежать народнаго суда (раскрыт заговор белог-

---

[1]) Всѣ, въ томъ числѣ и охрана Ипатьевскаго дома, знали, что чехи ярые анти-монархисты. Ихъ начальникъ (Гайда) поспѣшилъ занять домъ для личнаго пользованія и изгналъ оттуда слѣдственныя власти. Какъ извѣстно, чехи объявили, что Колчакъ — монархистъ и выдали его краснымъ.

вардейцев с целью похищения всей Романовской семьи) Президиум Областного Совета, выполняя волю революции, постановил: бывшаго царя Николая Романова, виновнаго в безчисленных кровавых преступлениях перед народом, разстрелять.

В ночь с 16-го на 17 июля постановление Президиума Областного Совета было приведено в исполнение.

Семья Романова перевезена из Екатеринбурга в другое более безопасное место.

Президиум Областного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов Урала.

Постановление

Президиум Всероссийскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета от 18 іюля.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов в лице своего президиума одобряет действия президиума Областного Совета Урала.

Председатель Ц. И. К. Я. Свердлов.

«Президиумы», дѣйствующіе именемъ Совѣтовъ, на самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ самодержавная еврейская власть. Сами Совѣты ничего не знали, никто ихъ мнѣнія не запрашивалъ. «Президіумъ» въ Екатеринбургѣ направлялъ Голощекинъ, совмѣстно съ Войковымъ, Сафаровымъ и Сыромолотовымъ, прикрываясь именемъ русскаго рабочаго (Бѣлобородова), ибо со строптивыми горнорабочими приходилось быть осторожнымъ. Московскій «президіумъ» открыто находился подъ главенствомъ Янкеля Свердлова, т. е. былъ еврейскимъ[1]).

Надо отмѣтить также число, когда состоялось Московское постановленіе, 5/18 іюля. Почему радіотелеграма и объявленіе были задержаны на нѣсколько дней, послѣ того, какъ убійство было утверждено Центральнымъ исполнительнымъ комитетомъ? Очевидно, хотѣли сперва уничтожить трупы и принять другія мѣры «предосторожности». Потому и Ц. И. Комитетъ, только что переизбранный (читай: «назначенный»), былъ запрошенъ лишь 7/20 или 8/21 іюля.

---

[1]) Вотъ имена членовъ Уральскаго совѣта, включая президіумъ: Быковъ, Саковичъ, Украинцевъ, Киселевъ, Вайнеръ, Хотимскій, Воробьевъ, Андрониковъ, Андреевъ, Симашко, Авдѣевъ, Карякинъ, Жилинскій, Чуфаровъ, Юровскій, Ефремовъ, Анучинъ.

Два мѣсяца спустя, совѣтская власть сочла необходимымъ обнародовать «сочувственныя» замѣтки о Государѣ для того, несомнѣнно, чтобы угодить деревнѣ и въ разсчетѣ на одурѣлость народа. Цинизмъ большевицкаго писаки, сочинившаго слѣдующее сообщеніе и безстыдство редактора, напечатавшаго его въ офиціальномъ Московскомъ органѣ «Извѣстія» (22 сент. 1918 г.) переходятъ всѣ границы:

«Тѣло Царя, похороненное въ лѣсу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ казненъ, было выкопано по указаніямъ свѣдущихъ лицъ, въ присутствіи высшаго духовенства, депутатовъ отъ народной арміи, казаковъ и чехо-словаковъ. Тѣло было положено въ металлическій гробъ, заключенный въ деревянный ящикъ изъ драгоцѣннаго сибирскаго кедра. Гробъ, торжественно внесенный въ кафедральный соборъ, охранялся солдатами народной арміи. Тѣло будетъ временно погребено въ Омскѣ въ особой гробницѣ.» Коментаріи, не правда ли излишни?

Совѣтская «Правда» въ сентябрѣ 1919 г. сообщила, что революціонный судъ, засѣдавшій 4/17 сентября 1919 г. въ Перми, въ помѣщеніи Совѣта, судилъ 28 человѣкъ за убійство Царя, его семьи и свиты, всего 11-ти человѣкъ. Среди обвиняемыхъ — 3 члена Екатеринбургскаго совѣта, Грузиновъ, Яхонтовъ, Малютинъ; 2 женщины, Марія Апраксина, Елизавета Миронова. Пренія доказали, что жертвы погибли отъ пуль. Яхонтовъ утверждалъ, что онъ организовалъ убійство, главнымъ образомъ съ цѣлью набросить тѣнь на совѣтское правительство, такъ какъ съ переходомъ въ партію соціалъ-революціонеровъ сталъ его противникомъ. Убійство Царя было рѣшено еще во время его пребыванія въ Тобольскѣ; но строгость охраны не позволила тогда привести намѣреніе въ исполненіе. Убійство стало осуществимымъ въ Екатеринбургѣ, когда мѣстный Совѣтъ, потерявъ голову изъ-за приближенія чехо-словаковъ, допустилъ Яхонтова забрать власть надъ Исполнительнымъ комитетомъ. Яхонтовъ отдалъ тогда приказъ убить Царя и его семью, взявъ всю отвѣтственность на себя. Въ кражѣ драгоцѣнностей, принадлежавшихъ Царской семьѣ, Яхонтовъ виновнымъ себя не призналъ. По словамъ Яхонтова, Государь будто бы заявилъ: «За смерть Царя Россія проклянетъ большевиковъ!» Грузиновъ и Малютинъ утверждали, что они въ намѣренія Яхонтова посвящены не были и попросту исполняли его приказанія. Яхонтовъ былъ приговоренъ къ смерт-

ной казни за убійство Царя. Грузиновъ, Малютинъ, Апраксина и Миронова были признаны виновными въ кражѣ царскихъ вещей и тоже приговорены къ смерти. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе на слѣдующій же день... Царскія вещи были найдены у одного вора, по имени Киричевскій, который утверждалъ, что ему ихъ далъ нѣкій Зоринъ, предсѣдатель Исполнительнаго комитета, бывшій во время убійства Государя командиромъ краснаго батальона. Зоринъ былъ близкимъ другомъ Бѣлобородова.

Изъ всѣхъ именъ, приведенныхъ въ отчетѣ о процессѣ, только одно значится среди 164-хъ именъ, упоминаемыхъ въ дѣлѣ, а именно имя Бѣлобородова. Читатель знаетъ, въ чемъ заключалась его дѣйствительная роль. Чтобы вознаградить его за его сопричастную преступленію услужливость, Свердловъ «произвелъ» его послѣ убійства въ члены Центральнаго исполнительнаго комитета, — высшее совѣтское званіе. Прошелъ годъ. Покровитель не могъ уже поддерживать его. Совѣтскій судъ, которому не было дѣла до всего предшествовавшаго и который приговорилъ къ смерти мнимыхъ участниковъ въ преступленіи за дѣянія, кои большевицкая власть офиціально приписала ранѣе себѣ, приговорилъ этого члена Ц. И. Комитета за мошенничество!

Пятая «предосторожность». Вотъ составъ «Слѣдственнаго комитета объ убійствѣ императора Николая II», какъ онъ офиціально назывался.

Я. Свердловъ, еврей; Сосновскій, еврей; Теодоровичъ, еврей, Смидовичъ, еврей; Розенхольцъ; еврей; Розинъ, еврей; Владимірскій (Гиршфельдъ), еврей; Аванесовъ, армянинъ; Максимовъ, русскій; Митрофановъ, русскій; всего 10 членовъ, изъ нихъ 7 евреевъ.

Главный виновникъ, организаторъ убійства — во главѣ слѣдственной комиссіи надъ своимъ же преступленіемъ! Рядомъ съ этимъ даже Пермское судебное дѣло ничего особеннаго собой не представляетъ.

ГЛАВА XII.

Правда.

Убійство было установлено, но слѣдствію не доставало несомнѣнныхъ данныхъ относительно исчезновенія труповъ.

Судебныя власти отнеслись къ этому вопросу невнимательно, частью по предвзятости, частью по небрежности.

Предстояло приступить къ раскопкамъ, требовавшимъ значительныхъ расходовъ, а ассигновокъ по кредитамъ не давали. Адмиралъ Колчакъ лично отпустилъ необходимыя средства.

Мѣсто стало извѣстнымъ на слѣдующій же день послѣ преступленія.

4/17, 5 и 6-го іюля многіе, проходившіе по Коптякской дорогѣ, были остановлены; тутъ были жнецы, крестьяне, шедшіе на базаръ, городскіе жители, жившіе на дачахъ въ этой живописной мѣстности. Среда (4/17), какъ разъ и была въ Екатеринбургѣ базарнымъ днемъ; крестьяне направлялись туда.

Ихъ свидѣтельскія показанія позволили съ точностью выяснить расположеніе оцѣпленія, опредѣлить мѣсто, гдѣ стояли автомобили съ бочками и жбанами, установить ихъ содержимое, провѣрить путь грузовиковъ и ихъ точное мѣстонахожденіе.

Въ ту ночь нѣсколько крестьянъ, направлявшихся въ городъ, встрѣтили нагруженный грузовикъ въ ту минуту, когда онъ сворачивалъ въ лѣсъ. Они были остановлены Вагановымъ, котораго крестьяне знали въ лицо, такъ какъ ихъ дорога проходила мимо Верхъ-Исетскаго завода. Съ револьверомъ въ рукѣ, онъ принудилъ ихъ вернуться обратно. «Не смѣйте оглядываться», грозился онъ, слѣдуя за испуганными крестьянами до самой ихъ деревни, лежащей въ трехъ верстахъ.

Въ деревняхъ была полная растерянность. Мужики вообразили, что приближается противникъ, и считали, что урожай потерянъ, ибо въ тускломъ свѣтѣ ранняго часа они приняли грузовикъ и его конвой за военный обозъ.

Нѣсколько смѣльчаковъ все же пошли пѣшкомъ, стараясь не шумѣть, къ мѣсту утренней встрѣчи, дабы выяснить, наконецъ, въ чемъ тутъ дѣло. Они безпрепятственно пробрались впередъ, вышли на глухую лѣсную дорожку, по которой грузовикъ проложилъ себѣ путь, дивясь на то, какъ онъ ее попортилъ. Но вооруженный всадникъ бросился на нихъ и прогналъ ихъ.

Какъ только цѣпь была снята, крестьяне стали возвращаться, привлекаемые любопытствомъ и надеждой на поживу. Солдаты оцѣпленія сказали имъ, что идутъ маневры. Они дѣйствительно слышали выстрѣлы; они были увѣрены, что «красные» скрываютъ тамъ оружіе.

Они пошли по слѣдамъ грузовика, очень удивляясь кускамъ веревокъ, которые лежали близъ канавы, гдѣ грузовикъ чуть не перевернулся. Это были веревки, которыми обматывали одно попорченное колесо.

Мѣсто, выбранное Юровскимъ, отвѣчало всѣмъ требованіямъ: оно лежало близъ дороги, было укрыто въ густомъ лѣсу, удалено отъ всякаго жилья. Дѣйствительно, безъ содѣйствія крестьянъ, правда никогда не была бы обнаружена.

Шахта у Ганиной Ямы лежитъ посреди обширной поляны. Въ то время земля была покрыта очень высокой травой. Но вокругъ шахты выкопанная за много лѣтъ глина была безъ травы. На этотъ природный помостъ положили тѣла, одно возлѣ другого.

Сперва ихъ расчленяли рубящимъ орудіемъ, потомъ сжигали на кострахъ. Нашли холеный палецъ, отрѣзанный, навѣрно, чтобы снять съ него кольцо, а также искусственную челюсть съ золотой отдѣлкой, — то и другое признали за принадлежавшее доктору Боткину. Всего было три костра. Я могъ вполнѣ точно замѣтить ихъ мѣста, когда посѣтилъ поляну весною 1919 года, до того сильно было дѣйствіе огня.

Лица, допущенныя до шахты, рылись въ землѣ и травѣ. Каждый день находили по нѣсколько предметовъ, существенныхъ для слѣдствія. Что касается меня, то, колупая глину, я нашелъ затоптанныя бусы, изъ которыхъ у каждой великой княжны было по ожерелью.

Я уже разсказалъ выше, какъ онѣ скрыли драгоцѣнные камни въ своей одеждѣ. Тамъ у шахты, когда трупы раздѣли, нашли это огромное количество драгоцѣнностей. Изъ разодранныхъ лифчиковъ во множествѣ посыпались жемчуга и камни. Отдѣльныя украшенія, серьги, солитеры, подвѣски лежали незамѣченные въ травѣ. Въ виду всѣхъ этихъ богатствъ палачи, торопясь закончить свою работу, не обратили никакого вниманія на отдѣльные предметы и еще менѣе на скромные аметисты; уральскіе жители знаютъ толкъ въ драгоцѣнныхъ камняхъ.

Нѣтъ возможности подробно перечислить здѣсь находки, сдѣланныя вокругъ шахты крестьянами, прибывшими вслѣдъ за снятіемъ оцѣпленія, и другими искавшими лицами. Отмѣчу только самыя выдающіяся вещи:

1. Большой алмазъ-подвѣсокъ съ ожерелья Государыни, подаренный Государемъ по случаю рожденія одной изъ дочерей;

2. Крестъ въ изумрудахъ и алмазахъ, принадлежавшій Государынѣ;

3. Пара серегъ, крупныхъ жемчужинъ, изъ которыхъ одна цѣльная, другая сломанная; ихъ носила Государыня;

4. Значительное количество мелкихъ камней, всѣ большой цѣнности, со слѣдами сильныхъ ударовъ;

5. Металлическія части одежды Государыни, четырехъ великихъ княженъ и Демидовой съ признаками дѣйствія огня;

6. Пряжки съ поясовъ Государя и Наслѣдника;

7. Пряжки съ башмаковъ Государыни и великихъ княженъ съ драгоцѣнными камнями;

8. Очки Государыни, прописанныя ей врачемъ въ Тобольскѣ;

9. Пенсне и искусственная челюсть доктора Боткина;

10. Части вещевого мѣшка и солдатской шинели Наслѣдника;

11. Металлическій держатель изъ фуражки Государя;

12. Образки, которые носили на шеѣ четыре великія княжны.

Затѣмъ, значекъ Л. Гв. Уланскаго полка, шефомъ котораго состояла Императрица. Она носила его на браслетѣ. Оторванныя цѣпочки браслета, замятыя въ глину, доказывали, что онъ былъ грубо сорванъ съ трупа.

Многіе другіе найденные предметы указывали, что жертвы приготовились къ переѣзду; такова, напримѣръ, рамка портрета Императрицы, который Государь всегда бралъ съ собой въ дорогу; осколки флакона съ солями, который великія княжны имѣли обыкновеніе держать при себѣ для матери. . .[1])

Предъ кострами были найдены никель съ пуль и капли свинца. Когда разрубленныя тѣла сгорали въ огнѣ, пули, застрявшія въ тѣлахъ, выпадали. . .

Въ углу поляны отрубокъ огромнаго дерева образовалъ удобное сидѣніе. Кругомъ сохранились признаки того, что палачи здѣсь отдыхали. Генералъ Дитерихсъ нашелъ яичную скорлупу; его помощникъ, генералъ Домонтовичъ, — страницу изъ нѣмецкой книги по анатоміи; въ свою очередь Соколовъ нашелъ обрывокъ нѣмецкой газеты, какъ разъ съ подходящей датой. Тамъ говорится о III-мъ интернаціоналѣ и о нападеніи чехо-словаковъ, которые названы измѣнниками дѣлу демократіи, за то, что повернули противъ большевиковъ.

---

[1]) Принадлежность предметовъ была удостовѣрена лицами изъ состава прислуги царской семьи, которыя вызывались судебнымъ слѣдователемъ.

Читатель не забылъ, должно быть, про яйца, заказанныя монахинямъ; онъ пойметъ, безъ моей подсказки, при чемъ тутъ была книга объ анатоміи и что означали нѣмецкія газеты.

Слѣдственный матеріалъ даетъ полную картину того, при какой обстановкѣ выяснились виновники преступленія. Красные оставались въ городѣ до 12/25 іюля. 24-го были возвращены ключи отъ Ипатьевскаго дома родственницѣ владѣльца, но самъ Ипатьевъ находился въ деревнѣ и помѣщеніе оставалось пустымъ. 25-го вечеромъ передовыя части чехо-словацкихъ и казачьихъ войскъ, подъ командой кн. Голицына заняли Екатеринбургъ. 27-го его штабъ занялъ помѣщеніе въ городѣ, и штабу были доставлены царскія вещи, найденныя крестьянами деревни Коптяки у шахты, что у Ганиной Ямы. 28-го въ штабъ былъ приглашенъ судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Наметкинъ и ему со стороны военныхъ властей (такъ какъ гражданская власть еще не сформировалась) было предложено заняться разслѣдованіемъ дѣла о Царской семьѣ. Онъ безъ бумаги отъ прокурора отказался. Пока прокурора Кутузова отыскали въ дачной мѣстности, 12 офицеровъ, охраняя Наметкина, отправились съ нимъ въ Коптяки и на шахту и произвели осмотръ шахтѣ и кострамъ. Шахта оказалась обшитой крѣпкимъ срубомъ, раздѣленной на 2 колодца, — одинъ имѣетъ 3 аршина въ квадратѣ, другой 1½. Въ большомъ колодцѣ, на глубинѣ 8 аршинъ оказалась вода, а подъ водой былъ ледъ, пробитый въ одномъ только мѣстѣ. Надъ водой оказалось много хворосту, осколки гранатъ. Въ маломъ колодцѣ льду не оказалось.

Начиная со 2 августа, офицеры подъ наблюденіемъ товарища прокурора Н. Н. Мачницкаго — за отказомъ Наметкина ѣхать вновь въ лѣсъ — занялись откачкой шахты. Работа длилась три недѣли, причемъ приходилось пріостанавливать ее на нѣсколько дней вслѣдствіе продвиженія красныхъ частей. Подъ бревенчатой настилкой большого колодца нашли скоро въ илу человѣческій палецъ, верхнюю вставную челюсть, женскую серьгу съ жемчужиной, застежку для галстука и проч. Офицеры, производившіе работы, несмотря на эти доказательства, все продолжали думать, что Царскую семью навѣрно вывезли нѣмцы по чисто нѣмецкимъ соображеніямъ и допускали лишь симуляцію убійства. Отсутствіе труповъ казалось имъ доказательствомъ правильности такого объясненія. Имъ въ голову не приходила мысль, что трупы

разрушены и остатки брошены въ малый колодецъ. Никто не подумалъ изъять изъ этого малаго колодца находящійся на днѣ слой — хотя очевидно было, что этотъ слой выше дна большого колодца.

Между тѣмъ, дознаніе уже пополнилось совершенно точными указаніями не только о самомъ убійствѣ всей Царской семьи, но и о мѣстѣ и способѣ истребленія остатковъ. А предварительное слѣдствіе стояло на мертвой точкѣ. Слѣдователь Наметкинъ отправился 2-го августа въ Ипатьевскій домъ. 7-го августа оказавшійся на лицо составъ Окружнаго суда рѣшилъ передать дѣло члену суда Сергѣеву, но Наметкинъ еще держалъ дѣло въ своихъ рукахъ до 14-го августа. Сергѣевъ тогда занялся дальнѣйшимъ осмотромъ дома, но въ лѣсъ тоже не поѣхалъ.

И вотъ, за отсутствіемъ внимательнаго отношенія со стороны слѣдственной власти къ дѣйствительному положенію на рудникѣ, было утрачено драгоцѣнное время до наступленія зимы.

Между тѣмъ изъ имѣвшихся показаній Наметкину и Сергѣеву ясно было, что «похороны» труповъ обставлялись какими-то совершенно особенными мѣропріятіями. Истину можно было узнать только на мѣстѣ, и какъ впослѣдствіи оказалось, весьма легко, такъ какъ остатки костровъ были брошены въ малый колодезь шахты. Тотъ фактъ, что въ этомъ колодцѣ ледъ отсутствовалъ при первомъ осмотрѣ, достаточно ясно обозначалъ, куда дѣвались остатки костровъ.

Повидимому, убійцы предполагали сперва, уничтоживъ одежду съ помощью бензина, бросить изуродованные, обезглавленные трупы въ шахту черезъ большой колодецъ и, взорвавъ срубы гранатами, засыпать слѣды, — такъ поступили въ Алапаевскѣ. Но срубъ оказался слишкомъ крѣпокъ. Тогда было срочно отправлено въ городъ требованіе доставки сѣрной кислоты, и трупы подвергались разрушительному дѣйствію жидкости. Вторично потребовали на эту надобность три кувшина. Вотъ почему работа заняла такъ много времени, съ утра 4/17 по 6/19 іюля. Легко становится уяснить себѣ разсказы о томъ, что «хоронили и перехоранивали». Но это обстоятельство искусственно раздувалось большевицкими агентами и тѣми непрошенными охотниками, которые всегда впутываются во всякое крупное слѣдствіе. Не мудрено, что Наметкинъ и Сергѣевъ, пренебрегая истиной, ожидавшей ихъ въ лѣсу, оказались совершенно сбитыми съ толку;

но и тотъ, и другой имѣли полное основаніе полагать, — объ этомъ говорилъ весь Екатеринбургъ, — что къ убійству причастны люди весьма вліятельные, которые не простятъ имъ обнаруженія этой истины. Прямо указывалось на участіе евреевъ. Смѣнилъ Сергѣева, лишь въ концѣ февраля 1919 г., Н. А. Соколовъ. Предложеніе, сдѣланное ему министромъ юстиціи Старынкевичемъ, помѣчено 7-мъ февраля 1919 года.

Раскопки, о которыхъ я говорилъ выше, должны были начаться подъ руководствомъ генерала Дитерихса. Въ лѣсу было собрано свыше тысячи солдатъ. Во время этой работы генералъ Дитерихсъ былъ призванъ на постъ главнокомандующаго и оставилъ руководство раскопками генералу Домонтовичу.

Главная шахта Ганиной Ямы и сосѣднія шахты были осушены и изслѣдованы.

Малый колодезь главной шахты раскрылъ всю правду. Изъ него извлекли остатки костра, заключавшіе въ себѣ огромное количество вещественныхъ доказательствъ, — драгоцѣнные камни, пуговицы, крючки, остатки башмаковъ, пули и проч.

Нашли вещества, которыя эксперты признали за кожу, растопленную подъ дѣйствіемъ огня, остатки обуви, которую носили жертвы и которую спеціалисты признали за обувь высшаго качества.

Сказка о погребеніи тѣлъ, распространявшаяся большевицкими агентами, окончательно уступила мѣсто версіи о полномъ уничтоженіи труповъ.

Сверху всей этой кучи лежалъ трупъ болонки Джемми, благодаря морозамъ вполнѣ сохранившійся. Скромная мученица своей вѣрности, она какъ бы стерегла хозяевъ и даже послѣ своей смерти оказала услугу правосудію.

Маленькій французскій бульдогъ великой княжны Татьяны Николаевны остался въ домѣ, тщетно стараясь проникнуть въ запертыя комнаты. Что съ нимъ сталось, неизвѣстно. Любимая болонка Цесаревича была потомъ подобрана и увезена въ Англію.

Въ домѣ Ипатьева работали люди Юровскаго, самъ же онъ, Голощекинъ, Войковъ и Сафаровъ ѣздили въ Коптякскій лѣсъ слѣдить за мрачной работой. Крестьяне видѣли ихъ въ деревнѣ Коптяки; они приходили ѣсть лѣсную землянику со сливками.

Юровскій уѣхалъ сейчасъ же послѣ 6/19 іюля, увезя съ собой семь большихъ сундуковъ, полныхъ Романовскимъ добромъ. Онъ

несомнѣнно подѣлилъ въ Москвѣ добычу со своими друзьями, такъ какъ совѣтская власть вещей болѣе найти не смогла; таковъ, по крайней мѣрѣ, выводъ, который можно дѣлать изъ Пермскаго процесса.

На стѣнѣ низкой комнаты, когда слѣдователь въ нее вошелъ, виднѣлась нѣмецкая надпись — цитата изъ Гейновской поэмы Belsazer:

Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht.

«Валтасаръ былъ этой ночью убитъ своими слугами[1]).»

Еврей «съ черной, какъ смоль, бородой», прибывшій, повидимому, изъ Москвы съ собственной охраной къ моменту убійства въ обстановкѣ крайней таинственности, — вотъ вѣроятный авторъ надписи, сдѣланной послѣ убійства и послѣ ухода «латышей», занимавшихъ полу-подвальное помѣщеніе; послѣдніе были на это по своему низкому умственному развитію совершенно неспособны.

Во всякомъ случаѣ, тотъ, кто сдѣлалъ эту надпись хорошо владѣлъ перомъ (или точнѣе карандашемъ). Онъ позволилъ себѣ даже каламбуръ съ именемъ царя (Belsatzar вмѣсто Belsazer); монархъ этотъ расположеніемъ евреевъ не пользовался, хотя зла плѣннымъ евреямъ не причинялъ. Понятенъ намекъ на Библію. Николай тоже зла евреямъ не сдѣлалъ; ихъ было много среди его подданныхъ, но онъ ихъ не любилъ: то былъ въ глазахъ Израиля грѣхъ смертный. И ему устроили самую тяжкую смерть, — быть убитымъ своими.

ГЛАВА XIII.

Весь Домъ Романовыхъ.

Исполненіе тайныхъ плановъ краснаго самодержавія требовало искорененія всѣхъ Романовыхъ, которые являлись преградой разрушительному теченію большевизма.

---

[1]) Можно разобрать слово seinen, написанное поверхъ слова selbigen. У Гейне стоитъ seinen.

Мы воспроизвели картину Екатеринбургскаго преступленія. Въ слѣдующихъ главахъ мы встрѣтимся еще съ побочными темными фактами, которые выдѣляютъ его среди всѣхъ человѣческихъ преступленій. Здѣсь же увидимъ его логическое дополненіе.

Дѣйствительно, всѣ члены Романовской семьи, оставшіеся въ рукахъ большевиковъ, исчезли одинъ за другимъ. То были: великій князь Михаилъ Александровичъ, братъ Государя и Наслѣдникъ его согласно акту отреченія, великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна, сестра Государыни, великіе князья Павелъ Александровичъ, Николай, Георгій и Сергѣй Михаиловичи, Дмитрій Константиновичъ и четыре князя Императорской крови.

Исчезновеніе великаго князя Михаила Александровича предшествовало Екатеринбургскому преступленію на нѣсколько недѣль. Долгое время подробности его смерти оставались неизвѣстными, что породило многочисленныя легенды о томъ, будто онъ живъ.

Читатель, вѣроятно, помнитъ Московскіе переговоры между Мирбахомъ и русскими политическими партіями. За великаго князя Михаила Александровича стояли лѣвые «легитимисты»: онъ мѣшалъ германскому проекту реставраціи, основанной на восшествіи на престолъ Цесаревича Алексѣя Николаевича и на германофильскомъ регентствѣ.

Эти переговоры произошли весною (апрѣль — май), Михаилъ Александровичъ исчезъ въ іюнѣ. Если бы кандидатура Государя и Алексѣя Николаевича пала, нѣмцы могли бы опасаться реставраціи въ интересахъ Союзниковъ; она могла бы наступить какъ слѣдствіе тогдашнихъ народныхъ возстаній. Впрочемъ, пусть читатель судитъ самъ. Могла ли простая случайность такъ хорошо устроить дѣло?

Существуетъ также слѣдующее объясненіе: великаго князя увезли будто бы соціалъ-революціонеры, политическіе соперники большевиковъ; затѣмъ онъ погибъ, а можетъ быть до сихъ поръ скрывается въ какомъ-либо таинственномъ мѣстѣ. Установлено, что убійство Мирбаха налажено партіей эсеровъ въ іюнѣ. Почему бы ей не нанести было чувствительнаго удара одновременно и большевикамъ, и нѣмцамъ, похитивъ Михаила Александровича?

Отвѣтъ ясенъ. «Похищеніе», выполненное безъ вѣдома большевиковъ, было бы непріятно нѣмцамъ; но «исчезновеніе» великаго князя было столь же на руку Ленину и Свердлову, какъ и Мирбаху. Свердловъ пріобрѣталъ поводъ для кровавой расправы

со всей Семьей: Мирбахъ освобождался отъ союзника державъ Согласія.

Читатель прочтетъ теперь правдивый разсказъ объ этомъ «исчезновеніи», зная въ чемъ дѣло. Впрочемъ, большевики съ тѣхъ поръ признались въ своемъ преступленіи.

Во время большевицкаго переворота въ ноябрѣ 1917 года, великій князь Михаилъ Александровичъ жилъ у себя въ Гатчинѣ со своей морганатической супругой, графиней Брасовой.

Въ мартѣ 1918 года онъ былъ арестованъ, — безъ причины, такъ какъ ни во что не вмѣшивался. Большевики арестовали одновременно и его личнаго секретаря, Николая Николаевича Джонсона, родомъ англичанина, и полковника Знамеровскаго, бывшаго начальника Гатчинскаго жандармскаго управленія, который съ великимъ княземъ былъ знакомъ очень мало.

Трое арестованныхъ, перевезенные въ Пермь, пользовались довольно значительной свободой. Михаилъ Александровичъ жилъ въ гостиницѣ «Рояль» со своимъ секретаремъ и двумя слугами.

Гр. Брасова убѣдила жену полковника Знамеровскаго поѣхать вмѣстѣ съ ней къ ихъ мужьямъ. Онѣ выѣхали довольно опрометчиво въ Пермь. Эта было около середины мая. Вернулись онѣ съ большими затрудненіями. Гр. Брасова остановилась въ Москвѣ, чтобы заступиться предъ Ленинымъ за мужа. Ей удалось видѣться съ нимъ. Конечно, онъ и не подумалъ согласиться на ея просьбу. Потерявъ надежду, она вернулась въ Гатчину.

31 мая (13 іюня) пришла телеграмма изъ Перми: «Нашъ общій другъ и Джонни уѣхали, назначеніе неизвѣстно». Предполагали, что телеграмма отъ Знамеровскаго. Первое впечатлѣніе было хорошее, потомъ зародилось сомнѣніе, и не безъ основанія.

По приказу кровопійцы Урицкаго графиню арестовали. Думали, что она обречена. Но благодаря гибели Урицкаго отъ пули Канегиссера ей удалось спастись за границу. Дѣти ея, изъ которыхъ одинъ сынъ великаго князя, безпрепятственно проѣхали съ нею чрезъ Германію. Это было послѣ убійства Царской семьи, къ концу войны. Разрѣшая ихъ проѣздъ, императоръ Вильгельмъ, очевидно, считалъ полезнымъ подготовить себѣ на всякій случай доброе расположеніе возможнаго Царя.

Слугамъ Борунову и Челышеву удалось спастись изъ Перми. Послѣдній потомъ разсказалъ, что произошло; разсказъ его подтверждается другими свидѣтельствами.

Въ ночь 30 мая или 1/14 іюня (Челышевъ въ точности числа не помнитъ) въ его комнату ворвались трое вооруженныхъ людей. Онъ спалъ. Пришедшіе приказали ему провести ихъ въ комнату великаго князя. Подъ страхомъ смерти, онъ это сдѣлалъ.

Пока эти трое дѣйствовали въ гостиницѣ, четвертый пришелецъ оставался у телефона, не допуская до него. По мнѣнію управляющаго гостиницы, пришедшіе были милиціонеры (совѣтская полиція).

Великій князь спалъ. Его разбудили, сказали въ чемъ дѣло; онъ оглядѣлъ трехъ незнакомцевъ съ недовѣріемъ. Одинъ изъ нихъ предъявилъ ему приказъ слѣдовать въ канцелярію Совѣта. «Мы пришли васъ арестовать», прибавилъ онъ.

«Я никуда не пойду. Я васъ не знаю», отвѣтилъ великій князь.

Тогда одинъ изъ людей грубо схватилъ его за плечо и крикнулъ: «Ахъ, вы, Романовы, надоѣли вы намъ.»

Пришлось послушаться. Джонсонъ, пришедшій въ комнату, попросилъ, чтобы увели и его. Неизвѣстные нехотя уступили его настояніямъ.

У милиціонеровъ былъ автомобиль. Они сѣли въ него съ арестованными. Никто въ Перми ни великаго князя, ни его секретаря болѣе не видалъ. Ихъ увезли въ Мотовилиху, заводъ, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Перми на Камѣ и тамъ убили; тѣла ихъ были брошены въ доменную печь.

Со словъ одного свидѣтеля арестъ и убійство выполнено помощникомъ начальника Пермской милиціи коммунистомъ Жужковымъ съ Алексѣемъ Ивановымъ Плѣшковымъ и Иваномъ Петровымъ Берсеневымъ. Плѣшковъ служилъ начальникомъ милиціи въ Мотовилихѣ, но потомъ былъ уволенъ за принадлежность къ партіи соціалъ-революціонеровъ. Берсеневъ, также соціалъ-революціонеръ, былъ товарищемъ предсѣдателя Мотовилихинскаго комитета. На Сибирскомъ трактѣ «Жужковъ хотѣлъ выстрѣлить въ него (великаго князя), но у него сдѣлалась осѣчка, т. е. револьверъ не выстрѣлилъ и въ это время великій князь его взялъ за шиворотъ и повалилъ подъ себя, и когда (говорилъ Плѣшковъ) я выстрѣлилъ въ князя, тогда только Жужковъ освободился». (Плѣшковъ, кстати, принималъ участіе въ мученической кончинѣ епископа Андроника.)

Шоферъ великаго князя Боруновъ разсказалъ другому жильцу «Королевскихъ номеровъ» въ Перми въ день Вознесенія, что ночью вошли два человѣка и, пока третій (караульный у телефона) задер-

жалъ завѣдующаго гостиницей, на великаго князя надѣли мѣшокъ и увели вмѣстѣ съ Джонсономъ на улицу., гдѣ стояла крестьянская телѣга, на которую положили великаго князя и увезли по направленію къ заводу Мотовилиха.» Трупъ великаго князя былъ брошенъ въ заводскую доменную печь.

Мѣстомъ избіенія другой части Императорской семьи былъ Алапаевскъ, уѣздный городъ Пермской губерніи, замѣчательный только своимъ монастыремъ.

Тамошняя городская школа съ нѣкоторыхъ поръ служила тюрьмой для многихъ членовъ династіи. Тутъ находились великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна, великій князь Сергѣй Михайловичъ, трое сыновей покойнаго великаго князя Константина Константиновича, Іоаннъ, Игорь и Константинъ, и наконецъ князь Палѣй, сынъ великаго князя Павла Александровича.

Никто изъ этихъ лицъ ни малѣйшаго противодѣйствія большевикамъ не оказывалъ. Ихъ арестъ рѣшительно ничѣмъ не оправдывался.

Великая княгиня посвятила себя въ Москвѣ помощи ближнимъ. Она основала благотворительную религіозную общину. Уже нѣсколько лѣтъ она, изъ-за Распутинскаго скандала, разошлась со своей младшей сестрой, Императрицей.

Въ началѣ войны великая княгиня въ сопровожденіи своей сестры, маркизы Мильфордъ-Хавенъ, объѣзжала монастыри на Уралѣ и заѣхала помолиться въ Алапаевскъ. Онъ сдѣлался мѣстомъ ея узничества и мученичества. Ее сопровождала одна изъ общинскихъ сестеръ.

Сергѣй Михайловичъ, генералъ-инспекторъ артиллеріи, достоинъ величайшихъ похвалъ. Когда Дума высказалась противъ монопольнаго занятія великими князьями видныхъ административныхъ должностей, она сдѣлала исключеніе для него и для великаго князя Николая Николаевича. Государь это одобрилъ.

Князь Іоаннъ, женатый на княжнѣ Еленѣ Сербской, не могъ свидѣться со своей женой, которая храбро пріѣхала дѣлить его заключеніе. Онъ и братья его политикой не занимались. Семнадцатилѣтній князь Палѣй былъ уже выдающимся поэтомъ. Что они сдѣлали, эти молодые люди, чтобы заслужить смерть? Ничего. Но Романовская кровь, текущая въ ихъ жилахъ, была имъ приговоромъ. Управляющій дѣлами вел. князя Сергѣя Михайловича Ѳедоръ Михайловичъ Ремесъ дѣлилъ ихъ судьбу.

Одобренный Янкелемъ Свердловымъ планъ убійства Царской семьи былъ примѣненъ и въ Алапаевскѣ, лишь съ нѣкоторыми измѣненіями. Приведу одно изъ показаній, сдѣланныхъ въ Екатеринбургѣ. Въ минуту отъѣзда Государя изъ Тобольска, «президіумъ» Уральскаго совѣта обсуждалъ ихъ судьбу. Былъ между прочимъ вопросъ о томъ, не устроить ли крушеніе поѣзда и объявить потомъ, что несчастіе произошло вслѣдствіе попытки бѣгства. Эта мысль, тогда отвергнутая, была, въ измѣненномъ видѣ, вновь поднята, чтобы отдѣлаться отъ Алапаевскихъ узниковъ.

Въ ночь съ 4/17 на 5-ое іюля 1918 года ихъ разбудили, говоря, что чехословаки приближаются къ городу. У подъѣзда ожидали крестьянскія повозки. Объяснили, что это для поѣздки на заводъ Синячкина, гдѣ они будутъ въ безопасности. Не подозрѣвая ожидавшей ихъ участи, они сѣли и поѣхали.

Въ 12-ти верстахъ отъ города дорога проходитъ лѣсомъ, гдѣ находятся шахты — заброшенный желѣзный рудникъ — подобныя Верхъ-Исетскимъ.

Здѣсь обозъ остановился. Беззащитные узники были перебиты дубинами. Сергѣй Михаиловичъ былъ приконченъ револьвернымъ выстрѣломъ въ голову.

Тѣла поволокли въ лѣсъ и кинули въ шахту. Въ нее бросили гранату, чтобы обрушить стѣны. Навѣрно, убійцы, услышавъ взрывъ, вообразили, что всякій слѣдъ ихъ преступленія заметенъ.

У зданія школы было разыграно цѣлое представленіе. Городъ былъ разбуженъ шумомъ настоящаго сраженія, происходившаго вокругъ ограды. Подготовленная еще наканунѣ перестрѣлка сошла за нападеніе «бѣлыхъ», которые овладѣли школой и увели съ собою узниковъ.

Въ качествѣ «доказательства» вывели изъ тюрьмы мужика, убили его и подбросили его трупъ въ зданіе. Этого крестьянина довѣрчивые жители сочли за солдата бѣлаго врага. Вся округа твердо вѣрила баснѣ, раскленной по городу, что великихъ князей похитили бѣлые. По обыкновенію были обмануты и сами Совѣты.

Въ Екатеринбургской телеграфной конторѣ обнаружена слѣдующая телеграмма:

«Москва, два адреса Совнарком председателю Цик Свердлову. Петроград два адреса Зиновьеву Урицкому. Алапаевский Исполком сообщил нападении утромъ восемнадцатаго неизвестной банды помещение где содержались под стражей бывшие великие князья

Игорь Константинович Константин Константинович Иванъ Константинович Сергей Михаилович и Палей точка Несмотря сопротивление стражи князья были похищены точка Есть жертвы обоих сторон поиски ведутся точка 4853 Предобласовета Белобородов.»

Княгиня Елена Сербская, перевезенная изъ Екатеринбургской тюрьмы въ Пермскую, согласилась возвратиться на родину, увѣренная, что мужъ въ безопасности.

15/28 сентября 1919 года Алапаевскъ былъ занятъ бѣлыми, съ помощью жителей тѣла убитыхъ были обнаружены. Гробы съ останками великихъ князей были перевезены въ русскую церковь въ Пекинѣ. Тѣло великой княгини, заботами ея сестры маркизы Мильфордъ-Хавенъ, было похоронено въ Іерусалимѣ.

Алапаевское преступленіе, устроенное подъ покровительствомъ Свердлова, было выполнено мѣстными комиссарами, во главѣ съ комиссаромъ «юстиціи», подъ личнымъ наблюденіемъ Бѣлобородова, прибывшаго въ Пермь немедленно послѣ Екатеринбургскаго злодѣйства.

Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ бойни въ Екатеринбургѣ, Алапаевское избіеніе повторилось въ Петроградѣ. На этотъ разъ жертвами были великіе князья Павелъ Александровичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Михаиловичъ и Георгій Михаиловичъ.

Заключенные въ Петропавловскую крѣпость, они всѣ были перебиты изъ револьверовъ 14/27 января 1919 года. Палачами были красногвардейцы.

Можетъ быть, когда-нибудь подноготная этого избіенія станетъ извѣстна. Жертвы погибли безъ суда и даже безъ предъявленія имъ какого-либо обвиненія. Внѣшняя обстановка напоминаетъ дѣло Янкеля Свердлова; онъ былъ тогда еще на вершинѣ могущества, но уже близокъ къ смерти.

ГЛАВА XIV.

Вѣрные до конца.

Нѣсколько человѣкъ свиты и придворныхъ служителей, виновныхъ въ томъ, что честно служили своимъ монархамъ и господамъ, томились въ Екатеринбургской тюрьмѣ.

Молодая дѣвушка, графиня Анастасія Васильевна Гендрикова, Фрейлина Императрицы, заслуживаетъ особаго вниманія. Ея бумаги, случайно сохранившіяся, находятся въ дѣлѣ. Я ихъ читалъ, въ особенности письма Императрицы къ ней.

Изъ страницъ этихъ писемъ выступаетъ образъ дѣвушки исключительнаго благочестія, безграничнаго самоотреченія. Русскіе почти всегда крайни: въ народѣ этомъ таятся такіе характеры сверхчеловѣческой доброты и прелести.

Я упоминалъ о стихахъ, написанныхъ ею въ концѣ заключенія въ Тобольскѣ. Привожу одно изъ этихъ стихотвореній.

Пошли намъ, Господи, терпѣнье
Въ годину буйныхъ, мрачныхъ дней
Сносить народное гоненье
И пытки нашихъ палачей.

Дай крѣпость намъ, о Боже правый,
Гоненья ближняго прощать
И крестъ тяжелый и кровавый
Съ Твоею кротостью встрѣчать.

И въ дни мятежнаго волненья
Когда ограбятъ насъ враги,
Терпѣть позоръ и униженья,
Христосъ Спаситель, помоги.

Владыка міра, Богъ вселенной,
Благослови молитвой насъ
И дай покой душѣ смиренной
Въ невыносимый, страшный часъ.

И у преддверія могилы
Вдохни въ уста Твоихъ рабовъ
Нечеловѣческія силы
Молиться кротко за враговъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ прибытія великихъ княженъ и свиты въ Екатеринбургъ, лица, слѣдовавшія за монархами, оставались на станціи. Голощекинъ и Юровскій ихъ сортировали.

Графиню Гендрикову пригласили отправиться «въ городъ». Она попросила добрую Екатерину Адольфовну Шнейдеръ, чтицу Императрицы, сопровождать ее. Большевики этой почтенной старушки не приглашали. Она все же отправилась . . . на смерть.

За исключеніемъ лицъ, перечисленныхъ ниже, всѣ остальные опять отправились въ поѣздѣ въ направленіи на востокъ. Тутъ были гг. Жильяръ и Гиббесъ, баронесса Буксгевденъ, горничныя

Эрсбергъ и Тутельбергъ. Эти послѣднія оказали огромную услугу слѣдствію, устанавливая подлинность вещественныхъ доказательствъ.

Князь Василій Александровичъ Долгорукій былъ отправленъ въ тюрьму по пріѣздѣ Государя; за нимъ были отправлены генералъ-адъютантъ Илья Леонидовичъ Татищевъ, камердинеръ Государя Терентій Ивановичъ Чемодуровъ, камердинеръ Императрицы Алексѣй Андреевичъ Волковъ, выѣздной Иванъ Дмитріевичъ Сѣдневъ и дядька Наслѣдника Климентій Нагорный. Голощекинъ находилъ, что ихъ слишкомъ много: извѣстно, почему.

Сѣдневъ и Нагорный были убиты въ Екатеринбургѣ. Чемодуровъ случайно избѣжалъ разстрѣла. Его только что отправили въ госпиталь. Безпорядокъ въ красныхъ тюрьмахъ былъ таковъ, что его не нашли. Спасенный бѣлыми при занятіи города, онъ скоро умеръ въ чахоткѣ.

Долгорукій былъ разстрѣлянъ въ лѣсу близь города, какъ это доказано найденнымъ и опознаннымъ его трупомъ. Татищевъ былъ уведенъ изъ тюрьмы, чтобы раздѣлить участь друга. Но погибъ ли онъ?

При эвакуаціи города остальные узники были отправлены въ Пермь. Ихъ отъѣздъ состоялся 7/20 іюля, чрезъ три дня послѣ избіенія Семьи, трагическій конецъ которой оставался имъ неизвѣстнымъ.

Въ Пермской тюрьмѣ они находились вмѣстѣ съ княгиней Еленой Сербской (пока она не уѣхала изъ Перми) и съ госпожей Знамеровской, засаженной въ тюрьму послѣ казни мужа.

Въ ночь съ 20-го на 21 августа (3 сентября) графиня Гендрикова, г-жа Шнейдеръ, г-жа Знамеровская и Волковъ были разбужены. Имъ сказали взять свои вещи, чтобы отправиться на станцію и сѣсть въ поѣздъ. Но долгій и тягостный путь привелъ ихъ въ открытое поле. Они поняли.

Въ эту минуту, какъ обозъ выѣхалъ въ лѣсъ, Волковъ бросился бѣжать. Латыши-наемники, увлекшіеся дѣлежемъ вещей несчастныхъ женщинъ, открыли огонь, но неудачно. Волковъ скрылся и послѣ 43-хъ-дневнаго блужданія въ лѣсахъ прибылъ къ бѣлымъ.

Тѣла графини Гендриковой и г-жи Шнейдеръ были найдены; я присутствовалъ вмѣстѣ съ генераломъ Дитерихсомъ на погребеніи этихъ жертвъ въ Перми.

Черепъ прелестной дѣвушки былъ разбитъ ударами дубины.

Къ числу жертвъ, накопившихся вокругъ мрачнаго злодѣйства, прибавились позднѣе всѣ лица, входившія въ составъ Екатеринбургскаго суда. Оставшись при отступленіи Колчака позади, члены суда попали въ руки красныхъ; красные всѣхъ ихъ уничтожили, исключительно за то, что судебное слѣдствіе объ убійствѣ Романовыхъ нѣкоторое время велось въ зданіи окружнаго суда.

ГЛАВА XV.

Шакалы.

Крупные совѣтскіе хищники доставляли работу остальнымъ, меньшаго размаха. Эти шакалы приняли участіе въ Романовскомъ дѣлѣ до и послѣ Екатеринбургскаго преступленія.

На первомъ мѣстѣ роль Бориса Соловьева. Офицеръ виднаго полка, онъ предъ самой революціей былъ прикомандированъ ко 2-му пулеметному полку, прославившемуся потомъ услугами, оказанными краснымъ.

Съ первыхъ же дней революціи Соловьевъ появляется въ Таврическомъ дворцѣ, въ качествѣ адъютанта генерала Потапова, извѣстнаго предсѣдателя военнаго отдѣла Думскаго комитета. Печальная работа, выполненная этимъ генераломъ, который, повидимому, былъ занятъ тѣмъ, какъ бы скорѣе разрушить русскую армію и власть, достаточна извѣстна.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Соловьевъ, ставъ вновь ревностнымъ монархистомъ, женился на Матренѣ Распутиной, дочери «старца». Это было въ сентябрѣ, 15 дней послѣ отъѣзда Царской семьи въ Тобольскъ. Странное совпаденіе: молодые отправляются въ свадебное путешествіе по слѣдамъ сосланныхъ.

Остановившись у вдовы Распутина въ Покровскомъ, зять вскорѣ избираетъ своимъ главнымъ мѣстопребываніемъ Тюмень, городъ удобный для наблюденія за всѣми, кто ѣдетъ въ Тобольскъ или изъ него уѣзжаетъ.

Соловьевъ совершаетъ нѣсколько таинственныхъ поѣздокъ въ городъ, гдѣ находится Царская семья.

Нѣсколько офицеровъ, пытающихся проѣхать туда, имъ арестовываются. Никто не долженъ приближаться къ Тобольску безъ его позволенія, заявляетъ онъ. И дѣйствительно, по его винѣ было донесено на двухъ офицеровъ краснымъ и они были разстрѣляны.

Что означало это поведеніе? Нельзя сомнѣваться, что Соловьевъ пользовался покровительствомъ вполнѣ надежнымъ. Установлено, что ему покровительствовалъ нѣмецкій офицеръ Фишеръ, который тогда распоряжался среди Тюменскихъ большевиковъ, какъ хотѣлъ.

Какъ извѣстно, у Царской семьи не было больше денегъ. Соловьевъ чрезъ одного банкира получалъ средства для Романовыхъ. По этому поводу священникъ Васильевъ обвинялъ Соловьева въ лихоимствѣ; послѣдній обвинялъ въ томъ же Васильева.

Но Соловьевъ привезъ въ Тобольскъ также и секретныя германо-большевицкія письма. За 15 дней до прибытія въ Тобольскъ Яковлева, Соловьевъ зналъ уже, что Государь и Наслѣдникъ будутъ отправлены въ Москву. Это установлено документами.

Его сожителемъ въ Тюмени былъ другой офицеръ по имени Вахтеръ. Въ самый день проѣзда Государя чрезъ Тюмень въ направленіи на Екатеринбургъ, Вахтеръ выѣхалъ на западъ. Вскорѣ его видѣли въ Кіевѣ, потомъ въ Берлинѣ. Тамъ онъ объявилъ, что Семья «спасена», наперекоръ предшествовавшимъ извѣстіямъ, сообщавшимъ о «казни» Романовыхъ.

Соловьевъ оставался въ Тюмени до отъѣзда всей Семьи. Когда его задача закончилась, онъ переселился на востокъ, разъѣзжая взадъ и впередъ между Омскомъ и Владивостокомъ. По распоряженію Соколова онъ былъ арестованъ съ женою въ Читѣ. Опросъ этихъ лицъ далъ уже цѣнныя указанія. Соколовъ разсчитывалъ добиться отъ нихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, но по желанію близкой атаману Семенову особы они были освобождены. Соколовъ склонился предъ грубой силой. Ослѣпленный Семеновъ не противодѣйствовалъ.

Офицеръ Никольскій, помощникъ Панкратова, оставилъ по себѣ среди Тобольскихъ узниковъ печальную память. Впослѣдствіи онъ былъ у генерала Гайды начальникомъ освѣдомительнаго отдѣленія; ранѣе того онъ побывалъ предсѣдателемъ Тобольскаго совѣта. Его новая обязанность состояла въ «информированіи»

солдатъ на фронтѣ относительно цѣлей, преслѣдуемыхъ «бѣлыми» въ борьбѣ съ «красными». Своеобразное назначеніе!

Никольскій, какъ можно было предвидѣть, перешелъ вновь къ краснымъ; онъ былъ впослѣдствіи взятъ и разстрѣлянъ.

Самъ генералъ Гайда проявилъ себя весьма страннымъ образомъ. Читатель не забылъ, что онъ поселился въ помѣщеніи, гдѣ только-что убили Романовыхъ. Судебныя власти указали ему на неприличіе его поступка; въ концѣ концовъ, уступивъ вооруженной силѣ, онѣ предоставили ему помѣщеніе, составивъ предварительно слѣдующій протоколъ.

Копія.

Протоколъ.

Городъ Екатеринбургъ, 8 Октября 1918 г, Членъ Екатеринбургскаго Окружнаго Суда И. А. Сергѣевъ, командированный для производства предварительнаго слѣдствія по дѣлу о убійствѣ б. Императора Николая Александровича, составилъ настоящій протоколъ о нижеслѣдующемъ: въ $10^1/_2$ часовъ утра сего числа ко мнѣ явился дежурный офицеръ при комендантѣ города прапорщикъ Алексѣевъ и отъ имени Коменданта просилъ меня выдать разрѣшеніе на занятіе дома Ипатьева подъ квартиру для командующаго Уральскимъ фронтомъ Генерала Гайда и его штаба, а на отказъ мой въ удовлетвореніи такого ходатайства отвѣтилъ, что домъ Ипатьева, независимо отъ моего согласія или несогласія на это, будетъ занятъ вслѣдствіе категорическаго приказа Генерала Гайда. Вслѣдствіе означеннаго заявленія, я въ присутствіи Прокурора Суда В. Ф. Іорданскаго и Предсѣдателя Суда В. М. Казем-Бекъ прибылъ въ домъ Ипатьева, при чемъ обнаружилъ, что въ верхнемъ этажѣ того дома парадная наружная дверь открыта и въ комнатѣ производится очистка и мытье половъ чешскими солдатами подъ присмотромъ чешскихъ офицеровъ. На выраженный мною по этому поводу протестъ было указано, что офицеры дѣйствуютъ на основаніи приказа Генерала Гайда, распорядившагося очистить верхній этажъ дома Ипатьева къ часу дня.

Прибывшій въ то-же помѣщеніе владѣлецъ дома отставной инженеръ капитанъ Н. Н. Ипатьевъ, коему мною было разрѣшено занять три комнаты въ нижнемъ этажѣ его дома съ обязательствомъ охранять закрытыя помѣщенія верхняго этажа, объяснилъ, что имъ было своевременно указано представителямъ чешскаго военнаго командованія, что всѣ помѣщенія дома находятся въ распоряженіи слѣдственной власти и безъ разрѣшенія таковой онъ никого не можетъ допустить въ домъ ввѣренный его охранѣ. На заявленіе это послѣдовало указаніе, что здѣсь распоряжается военная власть и тотчасъ же было приступлено къ уборкѣ помѣщенія. Запертыя комнаты, служившія спальными бывшей Царской семьи, до моего прибытія оставались нетронутыми, но мнѣ было предъявлено рѣшительное требованіе открыть эти комнаты и не-

медленно очистить ихъ; прибывшій въ домъ комендантъ города капитанъ Блача подтвердилъ требованіе очистить помѣщеніе, ссылаясь на приказъ генерала Гайды. На это требованіе коменданта я, производящій слѣдствіе, заявилъ, что выражаю самый рѣшительный протестъ по поводу занятія дома Ипатьева, являющагося носителемъ слѣдовъ преступленія и потому необходимаго для дѣла при дальнѣйшемъ изслѣдованіи его и, выполняя требованіе объ очисткѣ помѣщенія, я только подчиняюсь насилію со стороны военной власти; при этомъ мной было разъяснено коменданту, что на основаніи дѣйствующихъ законовъ я долженъ былъ бы обратиться къ Начальнику гарнизона, какъ представителю военной власти, за содѣйствіемъ къ устраненію насилія, но при сложившихся обстоятельствахъ считаю использованіе этого права нецѣлесообразнымъ. Вещественныя доказательства, хранившіяся въ означенныхъ двухъ комнатахъ были уложены и увезены мною на храненіе въ камеру мою въ зданіи Окружнаго Суда.

Опечатанная моей должностной печатью комната нижняго этажа, носящая въ себѣ слѣды преступленія, оставлена въ моемъ распоряженіи».

Протоколъ подписанъ Ив. Сергѣевымъ, В. Каземъ-Бекъ, В. Іорданскимъ и Ипатьевымъ.

При моемъ первомъ посѣщеніи Ипатьевскаго дома (апрѣль 1919 г.) этажъ, ранѣе занятый Романовыми, былъ еще отведенъ подъ штабъ чешскаго генерала, перешедщаго на русскую службу. Гайда уже не жилъ въ комнатѣ Царя; онъ одинъ занималъ большой домъ въ городѣ; но его подчиненные, слѣдуя его примѣру, открыто насмѣхались надъ судебными властями, портили комнаты, срывали обои и т. д.

По приказанію адмирала Колчака, этой неприличной шуткѣ былъ положенъ конецъ.

Колчаковскіе министры, избранные изъ среды прежнихъ сотрудниковъ директоріи, весьма мало интересовались вопросомъ монархіи и налагали на судебное слѣдствіе свой политическій отпечатокъ. Министръ юстиціи, бывшій петербургскій адвокатъ, сосланный въ Сибирь, оказывалъ давленіе на слѣдствіе. Онъ самъ въ этомъ признался письменно. Вотъ его заявленіе, сдѣланное представителю Еврейскаго Объединенія (Alliance israelite).

«Г. Старынкевичъ, высказывая мнѣніе, что русскіе военнослужащіе были убѣждены въ соучастіи евреевъ, заявилъ, что ему пришлось возражать на эту точку зрѣнія, такъ какъ данныя предварительнаго слѣдствія установили полное отсутствіе въ дѣлѣ еврейскаго элемента. Но такъ какъ военные настаивали, министру пришлось изъять слѣдствіе изъ рукъ Сергѣева и поручить

его другому лицу... Все же и новый слѣдователь, Н. А. Соколовъ, тоже не смогъ найти слѣды соучастія евреевъ.»

«Военные», о которыхъ говоритъ Старынкевичъ, никто иной, какъ одинъ генералъ Дитерихсъ, въ то время командовавшій Уральскимъ Фронтомъ. Именно М. К. Дитерихсъ настаивалъ на передачѣ дѣла въ другія руки. Адмиралъ Колчакъ, раздѣляя взглядъ Дитерихса, далъ ему особыя полномочія (2/15 января 1919 года, послѣ оставленія Дитерихсомъ должности главнокомандующаго фронтомъ), въ силу которыхъ Дитерихсъ взялъ все производство и вещественныя доказательства въ свои руки, предоставляя Сергѣеву продолжать слѣдствіе (до назначенія новаго слѣдователя). Время и обстановка были особенными, исключительными, требовались исключительныя законоположенія. Понялъ это Сергѣевъ и подчинился, основываясь на приказѣ Верховнаго правителя отъ 2/15 января, имѣющемъ, по его выраженію, силу особаго закона. На доставку царскихъ, чисто семейныхъ вещей, во Владивостокъ для передачи Англійскому Королю, М. К. Дитерихсъ получилъ другой приказъ отъ Верховнаго правителя. Уѣзжая изъ Омска, онъ выдѣлилъ вещественныя доказательства и передалъ нужныя для дѣла только что назначенному съ его, Дитерихса, согласія Н. А. Соколову. Затѣмъ, на веденіе раскопокъ у рудника, М. К. Дитерихсъ получилъ новыя полномочія отъ Верховнаго правителя.

Живя въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ въ постоянномъ единеніи съ Дитерихсомъ и Соколовымъ, могу свидѣтельствовать о томъ, что разслѣдованіе Царскаго дѣла велось ими сообща. Это и понятно: безъ Дитерихса дѣло осталось бы въ рукахъ Сергѣева и не попало бы вовсе въ руки Соколова. Вообще Царское дѣло распадалось на три части: 1) само убійство, 2) судьба труповъ и 3) политическая обстановка. По всѣмъ тремъ пунктамъ роль М. К. Дитерихса въ выясненіи истины огромна, въ розыскахъ и обнаруженіи остатковъ жертвъ Екатеринбургскаго убійства его роль оказалась совершенно исключительной, рѣшающей. При всемъ этомъ, М. К. Дитерихсъ нисколько не нарушалъ полной свободы дѣйствій Н. А. Соколова, — напротивъ, онъ ему во всемъ оказывалъ цѣннѣйшее содѣйствіе. Когда Соколову пришлось ѣхать по дѣлу изъ Омска, ему былъ выданъ отъ Верховнаго правителя особый охранный листъ. Это понятно, но этотъ документъ нисколько не мѣнялъ отношенія къ дѣлу М. К. Дитерихса;

Помню въ Харбинѣ, когда Н. А. Соколовъ просилъ меня выручить его изъ тяжелаго и опаснаго положенія — увезти его заграницу — ему пришлось убѣждать генерала Дитерихса отправить въ Европу само дѣлопроизводство; такимъ образомъ онъ самъ подчинялся Дитерихсу въ этомъ вопросѣ, основываясь на полномочіяхъ, полученныхъ М. К. Дитерихсомъ отъ адмирала Колчака. Этимъ фактомъ нисколько не уменьшается роль и огромная заслуга Соколова въ веденіи слѣдствія.

Соколовъ, генералъ Лохвицкій и я долго убѣждали генерала Дитерихса согласиться на отправку дѣла въ Европу. Онъ въ концѣ концовъ согласился. Мы считали, что дѣло будетъ въ безопасномъ мѣстѣ.

Возвращаюсь къ заявленію Старынкевича. Причастность евреевъ къ дѣлу была извѣстна съ самаго начала. Возраженія противъ Сергѣева, по происхожденію своему изъ евреевъ, имѣли, казалось бы, полное основаніе. Въ виду рѣшительнаго заявленія министра юстиціи Старынкевича, будто предварительное слѣдствіе доказало полное отсутствіе еврейскаго элемента, привожу слѣдующій документъ:

Копія
Секретно.

Господину Члену Екатеринбургскаго Окружнаго Суда
И. А. Сергѣеву.

Агента Екатеринбурьскаго Управленія
Уголовнаго розыска...

Съ представленіемъ порученія отъ 26 ноября за № 49, по дѣлу объ убійствѣ б. Императора Николая II-го, сообщаю Вамъ, что по собраннымъ мною свѣдѣніямъ оказалось слѣдующее:
... въ отношеніи личности Юровскаго, коменданта дома Ипатьева, гдѣ находилась Царская Семья, 40 лѣтъ, еврей — мѣщанинъ г. Каинска, Томской губерніи, по ремеслу часовой мастеръ, содержалъ электрофотографію въ г. Екатеринбургѣ и проживалъ въ теченіе 5-ти послѣднихъ лѣтъ въ г. Екатеринбургѣ по 1-ой Береговой ул. домъ № 6. Семья у него состоитъ изъ жены Маріи Яковлевой 36 лѣтъ., евангелическаго-реформаторскаго исповѣданія и дѣтей дочери Ребекки и сыновей: Александра 18 л. и Евгенія 13 л., а также матери Энты Моисеевой Юровской, 61 г. еврейки. Все семейство Юровскаго, за исключеніемъ матери его, выбыло съ нимъ. Мать Юровскаго осталась въ г. Екатеринбургѣ и находится въ настоящее время въ тюрьмѣ. (№ 2, 12/25 декабря 1918 г.)

Старуха мать была оставлена Юровскимъ на попеченіе врача К. С. Архипова, покровительствовавшаго ему по его службѣ воен-

нымъ фельдшеромъ. Въ дѣлѣ имѣется письмо Юровскаго Архипову, просящее его «о защитѣ по отношенію къ старухѣ матери. На случай погрома». Видно, онъ ожидалъ возмездія евреямъ за убійство Царской семьи. Кстати, старуха осталась живой и здоровой и вновь поселилась у сына, когда красные вернулись съ нимъ въ Екатеринбургъ.

Надо ли напоминать еще другія имена, имѣющіяся въ слѣдственномъ дѣлѣ?

Послѣ назначенія, по настоянію Колчака, Соколова, заговорщики Омскаго министерства «Юстиціи» стали болѣе задорны. Въ мартѣ 1919 года эсэровская газета «Заря» напечатала сущность того, что заключалось въ дѣлѣ и между прочимъ весьма секретный рапортъ Соколова о предшествовавшемъ слѣдствіи.

Адмиралъ Колчакъ былъ возмущенъ, и навелъ справку. Выяснилось, что эту «нескромность» учинили трое офиціальныхъ лицъ: Старынкевичъ, Тальбергъ и Новиковъ, редакторъ «Зари». Новиковъ былъ прокуроромъ Сената въ Омскѣ; Тальбергъ былъ пріемникомъ Старынкевича на посту министра юстиціи и впослѣдствіи обнародовалъ протоколы дѣла въ Америкѣ.

Сообщеніе «Зари», понятно, дало возможность виновнымъ съ полнымъ удобствомъ принять «предосторожности», — упразднить неудобныхъ свидѣтелей и т. п.

Никогда судебный слѣдователь не бывалъ еще жертвой такой циничной измѣны со стороны своихъ начальниковъ. Я могу засвидѣтельствовать, что то же министерство отказало Соколову въ деньгахъ, необходимыхъ для его содержанія. Словомъ, ничѣмъ не брезгали, лишь бы сорвать судебное слѣдствіе. Позднѣе та же партія, спасшись во Францію, пыталась, хотя и тщетно, уничтожить дѣло правосудія. (Если прочесть списокъ состава партіи соціалъ-революціонеровъ, помѣщенный въ слѣдующей главѣ, то подноготная уяснится легко.)

Не имѣя возможности опровергнуть незыблемыя доказательства слѣдственнаго дѣла, на которыхъ основано наше изложеніе, они стремятся путемъ клеветы на автора ослабить значеніе обвинительнаго акта. Тщетная изворотливость.

ГЛАВА XVI.

Красное самодержавіе.

Доказано, что Уральскій Совѣтъ не зналъ, что дѣлали люди, участвовавшіе въ избіеніи: Юровскій, Голощекинъ, — агенты Свердлова — и ихъ помощники-статисты: Войковъ, Сафаровъ и Сыромолотовъ; русскій «президентъ» Бѣлобородовъ исполнялъ приказанія Голощекина.

Я привелъ имена членовъ Уральскаго Совѣта (стр. 83). На видъ, большинство русское и, наперекоръ Совѣтскому правилу, оно дѣйствительно было таковымъ. Уральскіе жители не потерпѣли бы учрежденія явно еврейскаго. Но, какъ извѣстно, этотъ Совѣтъ былъ лишь призракъ: власть находилась въ рукахъ людей Свердлова.

Слѣдственное дѣло заключаетъ въ себѣ крайне точныя документальныя данныя о дѣйствіяхъ перечисленныхъ выше лицъ. Они устроили настоящую фабрику по выработкѣ подложныхъ документовъ, долженствовавшихъ доказать существованіе пресловутаго заговора къ бѣгству Государя. Среди нихъ имѣются черновики писемъ, коими будто-бы Государь обмѣнялся съ бѣлыми офицерами и т. д.

Кореспонденты американскихъ газетъ, пріѣзжавшихъ въ Екатеринбургъ для «разслѣдованія» дѣла, передали фантастическія исторіи, разсказанныя имъ красными агентами о самолетахъ, кои таинственно прилетали, чтобы спасти Царя, о слугахъ, проникшихъ въ Ипатьевскій домъ, чтобы содѣйствовать бѣгству...

Сигналъ всему этому лживому походу далъ органъ Московскаго Совѣта, который 21 апрѣля (4 мая) 1918 года писалъ о бѣломъ заговорѣ для освобожденія Царя и прибавлялъ, что всякое безпокойство излишне, т. к. охраной Царя занятъ Уральскій Совѣтъ (См. конецъ настоящей главы).

Разговоры между «президіумомъ» Уральскаго Совѣта и Московскимъ начальствомъ происходили иногда по прямому проводу. Обыскъ на Екатеринбургскомъ телеграфѣ далъ результатъ, который превзошелъ ожиданія. Частью по недосмотру, частью благо-

даря содѣйствію анти-большевицкихъ чиновниковъ, дѣло обогатилось очень цѣнными документами. Вотъ одинъ изъ нихъ:

Свердловъ говоритъ съ Бѣлобородовымъ:

Свердловъ. Что новаго у васъ?

Бѣлобородовъ. Положеніе на фронтѣ лучше, чѣмъ думали вчера; установлено, что противникъ, снимая войска съ другихъ участковъ, направляетъ всѣ свои силы на Екатеринбургъ.

Свердловъ. Сможете вы держаться долгое время?

Бѣлобородовъ. Трудно сказать. Мы принимаемъ мѣры, чтобы удержаться. Все лишнее вывезено. Вчера выѣхалъ курьеръ съ документами, которыми Вы интересовались. Сообщите рѣшеніе Цика; и можемъ ли мы оповѣстить теперь жителей при помощи того текста, который Вы знаете?

Свердловъ. На засѣданіи Цика 18-го числа было рѣшено признать постановленіе Уральскаго Совѣта правильнымъ. Можете обнародовать вашъ текстъ. Я сейчасъ прикажу передать (вамъ) точный текстъ нашего сообщенія. . .

Воспроизводить послѣдній нѣтъ надобности, такъ какъ это текстъ большевицкаго радіо, напечатаннаго французскими газетами 22 іюля и приведеннаго уже нами выше (стр. 81).

Читатель оцѣнитъ характеръ и содержаніе этого разговора по прямому проводу. Онъ произошелъ, очевидно, 6/19-го іюля. Выше сказано, что жители были «информированы» 7/20, послѣ разрѣшенія, полученнаго отъ Свердлова. Какъ видите, Свердловъ командуетъ. . .

У меня въ рукахъ телеграммы, которыми обмѣнялись еврейскія власти Урала и Москвы. Большинство изъ нихъ шифровано и адресовано Горбунову, секретарю Ленина, завѣдовавшему шифровальнымъ отдѣленіемъ. Не раскрывая содержанія этихъ сообщеній, я могу лишь сказать, что они по всѣмъ пунктамъ подтверждаютъ нашъ разсказъ о Екатеринбургскомъ преступленіи[1]). Впрочемъ, нижеслѣдующій документъ достаточно опредѣлененъ: онъ служитъ указаніемъ, что убійство было рѣшено въ Москвѣ еще 21 іюня (4 іюля) въ томъ видѣ, какъ это извѣстно читателю

---

[1]) Вотъ одна расшифрованная телеграмма:

Москва. Кремль.

Секретарю Совнаркома Горбунову.

Передайте Свердлову, что вся семья раздѣлила участь главы. Офиціально семья погибнетъ во время эвакуаціи. (подписалъ) Бѣлобородовъ.

Екатеринбургъ 4/17 іюля, 21 час.

и посредствомъ тѣхъ именно лицъ, которыя читателю теперь знакомы.

Голощекинъ находился въ Москвѣ. Онъ пробудилъ тамъ безпокойство относительно русской охраны, которая проявляла сочувствіе Романовымъ.

Москва Председателю Ц. И. К. Свердлову
для Голощекина.

Сыромолотов какраз послал для организации дела согласно указаний Центра опасения напрасны точка Авдеев сменен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровскій внутренний караул весь сменен заменяется другими точка 4558

Белобородов

4/VII

Получивъ указанія Свердлова, Юровскій сейчасъ принялся за дѣло, поджидая возвращенія Голощекина; за послѣднимъ долженъ былъ слѣдовать «человѣкъ съ черной, какъ смоль, бородой» для того, чтобы удостовѣриться въ исполненіи приказаній объ убійствѣ Императорской семьи. Русскіе были уже замѣнены палачами-венгерцами.

Въ Москвѣ Свердловъ продолжалъ сношенія съ Мирбахомъ еще въ теченіе нѣсколькихъ дней. Германскій посолъ былъ убитъ 24 іюня (7 іюля).

Красное самодержавіе ко времени убійства Романовыхъ состояло исключительно изъ евреевъ, только Ленинъ, въ дѣйствительности Владиміръ Ульяновъ, былъ русскій, дворянинъ, вышедшій изъ Симбирскихъ мѣщанъ. Только русскій могъ обладать такимъ разрушительнымъ воображеніемъ, только евреи могли осуществить его планы всемірнаго переворота. Но мысль Ленина видѣла предъ собой лишь утопію, тогда какъ дѣятельность евреевъ преслѣдовала реальную цѣль: овладѣніе Россіей.

Стремясь къ этой цѣли, евреи не забывали традиціи (временно нарушенной военными дѣйствіями) и продолжали служить посредниками между Германіей и Россіей. Между евреями «буржуями» и евреями-большевиками существовали разногласія, но скорѣе поверхностныя, и планъ, которому слѣдовалъ Свердловъ совмѣстно со сторонниками германскаго имперіализма, былъ вполнѣ тождественъ плану Германіи республиканской, такъ тѣсно связанной съ современнымъ краснымъ самодержавіемъ. Планъ этотъ имѣлъ въ виду міровое экономическое крушеніе, которое

позволитъ Германіи покончить со своими долгами и сильнѣе наложить руку на Россію. «Американизмъ» Троцкихъ боролся сперва съ «германизмомъ» Свердловыхъ, но въ экономической политикѣ наступило теченіе въ пользу западнаго капитализма, и сторонники «американизма», чтобы сохранить власть, объединились съ крыломъ Троцкаго; это случилось послѣ того, какъ правительство Вильсона рѣшительно, хоть и слишкомъ поздно, отвернулось отъ краснаго режима.

Подсчетъ совѣтскихъ чиновниковъ по народностямъ, которымъ заканчивается II глава, указываетъ на участіе 15-ти нѣмцевъ. Эти представители, искусно распредѣленные въ разныхъ учрежденіяхъ, — не считая военныхъ въ красной арміи, — обезпечивали связь, которая прекрасно дѣйствовала, несмотря ни на какія измѣненія внѣшнихъ обстоятельствъ.

Власть большевицкаго строя сосредоточена въ Центральномъ исполнительномъ комитетѣ партіи; вотъ его составъ въ 1918-мъ году:

Бронштейнъ (Троцкій), Апфельбаумъ (Зиновьевъ), Лурье (Ларинъ), Урицкій, Володарскій, Розенфельдъ (Каменевъ), Смидовичъ, Свердловъ (Янкель), Нахамкесъ (Стекловъ) — евреи	9
Ульяновъ (Ленинъ), Крыленко, Луначарскій — русскіе .	3
	12

Прочія «русскія» соціалистическія партіи въ томъ же положеніи. Вотъ ихъ центральные комитеты: Соціалъ-демократы меньшевики — 11 членовъ, всѣ евреи; Народные соціалисты — 6 членовъ, изъ коихъ 5 евреевъ, 1 русскій; Соціалъ-революціонеры (правые) — 15 членовъ, изъ нихъ 13 евреевъ, 2 русскихъ; Соціалъ-революціонеры (лѣвые) — 12 членовъ, изъ коихъ 10 евреевъ, 2 русскихъ; Московскій комитетъ анархистовъ — 5 членовъ, изъ нихъ 4 еврея, 1 русскій; Партія польской коммуны — 12 членовъ, всѣ евреи, въ томъ числѣ Собельсонъ (Радекъ), Крохмаль (Загорскій) и Шварцъ (Гольцъ).

Эти партіи, считавшіяся оппозиціонными, работали болѣе или менѣе скрытно съ большевиками, не давая русскимъ придти въ себя. На 61 человѣкъ, стоящихъ во главѣ этихъ партій, приходится 6 русскихъ и 55 евреевъ. Каковъ бы ни былъ ярлыкъ, революціонное правительство всегда будетъ еврейскимъ.

Вотъ Совѣтъ народныхъ комиссаровъ:

Ульяновъ (Ленинъ), предсѣдатель, русскій; Чичеринъ, иностранныя дѣла, русскій; Луначарскій, нар. просвѣщеніе, тоже; Джугашвили, народности, грузинъ; Протіанъ, земледѣліе, армянинъ; Лурье (Ларинъ) экономическій совѣтъ, еврей; Шлихтеръ, снабженіе, еврей; Бронштейнъ (Троцкій), армія и флотъ, еврей; Ландеръ, государственный контроль, еврей; Кауфманъ, государственныя имущества, еврей; В. Шмидтъ, трудъ, еврей; Е. Лилина (Книгиссенъ), народное здравіе, еврейка; Шпицбергъ, культы, еврей; Апфельбаумъ (Зиновьевъ), внутреннія дѣла, еврей; Анвельтъ, гигіена, еврей; Исидоръ Гуковскій, финансы, еврей; Володарскій, печать, еврей; Урицкій, выборы, еврей; И. Стейнбергъ, юстиція, еврей; Фенгстейнъ, бѣженцы, еврей; Савичъ и Заславскій, его помощники, евреи. На 22 члена, 3 русскихъ, 1 грузинъ, 17 евреевъ.

Вотъ Центральный исполнительный комитетъ:

Я. Свердловъ, предсѣдатель, еврей, Аванесовъ, секретарь, армянинъ; Бруно, латышъ; Бреслау, латышъ; Бабчинскій, еврей; Бухаринъ, русскій; Вейнбергъ, еврей; Гайлисъ, еврей; Ганцбургъ, еврей; Данишевскій, еврей; Старкъ, нѣмецъ; Саксъ, еврей; Шейнманъ, еврей; Эрдлингъ, еврей; Ландауеръ, еврей; Линдеръ, еврей; Волахъ, чехъ; Диманштейнъ, еврей; Энкукидзе, грузинъ; Эрменъ, еврей; Іоффе, еврей; Карклинъ, еврей; Книгиссенъ, еврей; Розенфельдъ (Каменевъ), еврей; Апфельбаумъ (Зиновьевъ), еврей; Крыленко, русскій; Красиковъ, еврей; Капникъ, еврей; Каулъ, латышъ; Ульяновъ (Ленинъ), русскій; Лацисъ, еврей; Ландеръ, еврей; Луначарскій, русскій; Петерсонъ, латышъ; Петерсъ, латышъ; Радзутасъ, еврей; Розинъ, еврей; Смидовичъ, еврей; Штутшка, латышъ; Смильга, еврей; Нахамкесъ, (Стекловъ), еврей; Сосновскій, еврей; Скрытникъ, еврей; Бронштейнъ (Троцкій), еврей; Теодоровичъ, еврей; Теріанъ, армянинъ; Урицкій, еврей; Телѣжкинъ, русскій; Фельдманъ, еврей; Фрумкинъ, еврей; Цурюпа, малороссъ; Чавчавадзе, грузинъ; Шейкманъ, еврей; Розенталь, еврей; Ашкинази, еврей; Караханъ, караимъ; Розе, еврей; Собельсонъ (Радекъ), еврей; Шлихтеръ, еврей; Шиколини, еврей; Шклянскій, еврей; Левинъ (Правдинъ), еврей, — 62 члена; изъ нихъ 6 русскихъ (въ томъ числѣ одинъ малороссъ), 2 нѣмца, 1 чехъ, 2 армянина, 2 грузина, 1 караимъ и 42 еврея.

Вотъ члены Московской чрезвычайной комиссіи.

Дзержинскій, предсѣдатель, полякъ; Петерсъ, товарищъ предсѣдателя, латышъ; Шкловскій, еврей; Зейстинъ, еврей; Размировичъ, еврей; Кронбергъ, еврей; Хайкина, еврейка; Карлсонъ, латышъ; Шауманъ, латышъ; Леонтовичъ, еврей; Ривкинъ, еврей; Антоновъ, русскій; Делафарбъ, еврей; Циткинъ, еврей; Розкировичъ, еврей; Г. Свердловъ (братъ предсѣдателя), еврей; Бизенскій, еврей; Блюмкинъ (убійца гр. Мирбаха), еврей; Александровичъ (соучастникъ въ преступленіи предсѣдателя), русскій; И. Модель, еврей; Рутенбергъ, еврей; Пинесъ, еврей; Саксъ, еврей· Яковъ Гольдинъ, еврей; Гальперштейнъ, еврей; Книгиссенъ, еврей Латсисъ, латышъ; Дайболъ, латышъ; Сайсунъ, армянинъ; Дейлкененъ, латышъ; Либертъ, еврей; Фогель, нѣмецъ; Закисъ, латышъ; Шилькенкусъ, еврей; Янсонъ, латышъ; Хейфисъ, еврей. Всего 36, изъ коихъ 1 полякъ, 1 нѣмецъ, 1 армянинъ, 2 русскихъ, 8 латышей, 23 еврея.

Пусть же не удивляются участію евреевъ въ убійствѣ Романовыхъ. Отсутствіе такого соучастія было бы гораздо болѣе удивительно.

ГЛАВА XVII.

Заключеніе.

Въ комнатѣ, гдѣ Государыня провела свои послѣдніе дни, она про пріѣздѣ начертила знакъ счастья, свастику, приписавъ къ ней число, 17—30 апрѣля.

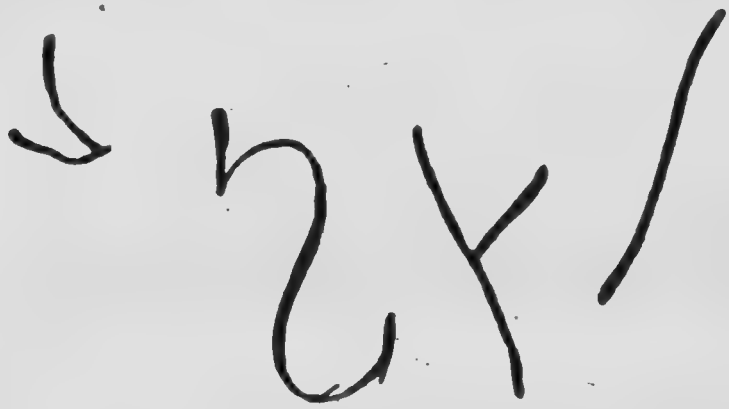
Чертить этотъ знакъ, пріѣхавъ въ новое помѣщеніе, стало обыкновеніемъ Императрицы съ тѣхъ поръ, какъ она познакомилась съ съ оккультными науками. Увы, счастье, которое она призывала, принесло ей лишь утѣшеніе умереть вмѣстѣ со своими близкими.

Гайда и его солдаты не замѣтили этой надписи, болѣе или менѣе скрытой оконною рамой, и она сохранилась.

Изреченіе изъ Гейне о Валтасарѣ, написанное на обояхъ комнаты, гдѣ произошло убіеніе царской семьи, сдѣлано справа у самаго входа, а рядомъ съ окномъ, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ былъ убитъ самъ Царь, оказалась кабалистическая надпись. Вотъ какъ сказано въ протоколѣ осмотра:

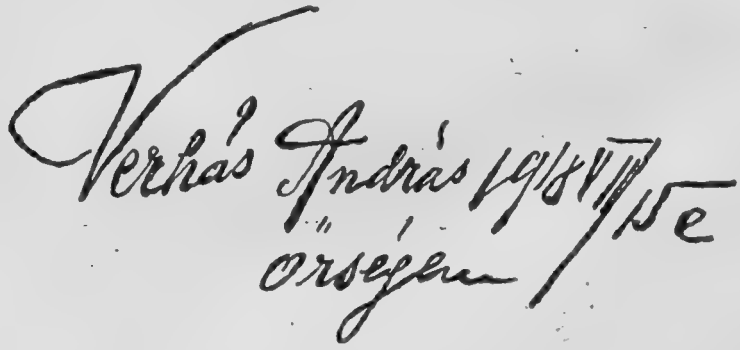
На самомъ краю подоконника чернилами сдѣланы одна надъ другой три надписи: «1918 года» «148467878 р», а вблизи ихъ написано такими же чернилами и тѣмъ же почеркомъ«87888»;

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этихъ надписей на обояхъ стѣны такими же чернилами и такими же толстыми линіями написаны какіе-то знаки, имѣющіе слѣдущій видъ:



Читатель, если онъ посвященъ въ тайны, пойметъ.

На стѣнѣ дома, близь поста у пулемета, сверху терассы, одинъ изъ «латышей» нацарапалъ слѣдующія слова:



что по венгерски означаетъ: «Андрей Верхасъ 1918 VII 15-го стоялъ на часахъ». Число — канунъ избіенія. Я читалъ эту

надпись; у меня есть фотографія, снятая на мѣстѣ. Убійцы «латыши» были, значитъ, венгерцы.

Въ отдушинѣ ватеръ-клозета нашли маленькій словарь, «кодъ», который Государь бережно хранилъ, какъ подарокъ невѣсты. Въ этой крохотной книжкѣ имѣется надпись рукой Государыни: «Милому моему Ники для дорогого примѣненія, когда онъ вдали отъ своей маленькой Аликсъ. Осборнъ, іюль 1894».

Видимо, Государь спряталъ словарь изъ опасенія обыска, въ расчетѣ когда-нибудь вновь его взять.

Немедленно послѣ убійства Царской семьи красное правительство издало декретъ, по которому все имущество Романовыхъ было отобрано въ казну. Банки въ Россіи были «національзованы» (иначе говоря, захвачены большевиками), а заграничные банки, по приказу Государя, вложили всѣ его деньги въ боны русскихъ военныхъ займовъ; такимъ образомъ, оставшіеся въ живыхъ члены дома Романовыхъ лишились всякихъ средствъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ драгоцѣнностей, спасенныхъ заботами адмирала Колчака и отправленныхъ въ Европу.

Декретъ имѣлъ болѣе положительную цѣль, а именно: «узаконить» кражу драгоцѣнностей, забранныхъ на членахъ династіи и другихъ лицахъ и уже «національзованныхъ» совѣтскимъ правительствомъ.

Красныя миссіи, отправлявшіяся въ Европу, перевозили въ своихъ сундукахъ огромное количество вещей, краденыхъ у русскихъ. Этимъ путемъ оплачивалась большевицкая пропаганда.

Часть цареубійцъ уже умерла.

Медвѣдевъ померъ въ тюрьмѣ отъ тифа, свирѣпствовавщаго въ Сибири, 14 марта 1919 года.

Вагановъ, опознанный крестьянами во время бѣгства красныхъ, былъ убитъ ими на мѣстѣ, такъ что судебный слѣдователь не имѣлъ возможности его допросить.

Юровскій, кажется, вернулся въ Екатеринбургъ къ старухѣ-матери, которая была судебной властью отпущена на свободу. Говорятъ, что главный убійца служилъ въ послѣдствіи въ качествѣ комиссара по страхованію жизни — печальная шутка приспѣшниковъ Ленина и Свердлова.

Янкель Свердловъ, германскій агентъ, красный царь и организаторъ убійства, самъ былъ убитъ. Вотъ какъ это произошло. Рабочіе Морозовскихъ фабрикъ въ Москвѣ бунтовали противъ

красной власти. Свердловъ въ сопровожденіи другихъ комиссаровъ отправился туда, чтобы усмирить этихъ дерзкихъ, повинныхъ въ томъ, что они не одобряли системы работы безъ хлѣба.

Рабочіе бросились на Свердлова и, когда прибыла помощь, ему уже были нанесены смертельныя поврежденія; скоро онъ умеръ отъ сотрясенія мозга.

Правду скрыли. Офиціально Свердловъ скончался отъ воспаленія легкихъ, схваченнаго при «геройскомъ» исполненіи служебныхъ обязанностей. Тѣло его было выставлено; ему устроили торжественныя похороны; его именемъ назвали въ Москвѣ театральную полощадь.

Въ то время краснымъ приходилось плохо; бомба, взорвавшаяся въ помѣщеніи, гдѣ происходидило совѣтское совѣщаніе, чуть не убила многихъ представителей краснаго самодержавія. Тогда рѣшили достичь однимъ ударомъ двухъ цѣлей: отомстить и за Свердлова, и за покушеніе на его сотоварищей. Тысячи жертвъ погибли въ чекѣ, гдѣ, кстати, засѣдалъ и братъ покойнаго предсѣдателя.

Послѣ убійства Свердлова никто изъ евреевъ не пожелалъ принять его наслѣдство, — оно признано слишкомъ опаснымъ. Обязанности предсѣдателя возложили на крестьянина Калинина, подобно тому, какъ это было съ Бѣлобородовымъ. Въ концѣ концовъ, надо же было проявить въ обращеніи со всей Россіей нѣкоторую осторожность, хотя бы не меньшую, чѣмъ была проявлена по отношенію къ Уралу.

Русскіе, достойные этого имени, погибли на войнѣ, за исключеніемъ лишь горсти людей, безсильной бороться съ противникомъ, опустошающимъ родину: противникъ крѣпко окопался за національными предразсудками и за недостатками народнаго характера.

Одинъ изъ главарей большевизма (Апфельбаумъ-Зиновьевъ) заявилъ въ сентябрѣ 1918 года, что «на 100 милліоновъ русскихъ приходится 90 милліоновъ, съ которыми стоитъ считаться; остальные не имѣютъ значенія и ихъ или принудятъ подчиниться или уничтожатъ». Онъ говорилъ такъ съ цѣлью оправдать терроръ, который косилъ тогда «буржуевъ» и интеллигенцію. Съ тѣхъ поръ, выжившіе за отсутствіемъ хлѣба смирились. А 90 милліоновъ,

безъ главы, безъ организаціи, продолжаютъ свое пассивное, но непримиримое противодѣйствіе.

Императрица Александра Ѳеодоровна смутно искала единенія крестьянина и правительства. Кто знаетъ, не суждено ли этому единенію осуществиться на развалинахъ Россіи, надъ прахомъ мучениковъ большевизма, — Царя, Царицы и ихъ дѣтей, тяжелую трагедію которыхъ мы здѣсь изложили.

Post-scriptum.

Авторъ считаетъ полезнымъ добавить нѣкоторыя подробности, имѣющія довольное близкое касательство къ поднятымъ имъ вопросамъ; на первомъ мѣстѣ вопросъ сговора между большевиками и нѣмцами относительно вывоза Государя изъ Тобольскаго заточенія.

Докторъ Ритцлеръ, бывшій помощникъ покойнаго графа фонъ Мирбаха, генералъ Гофманъ, творецъ Брестъ-Литовскаго договора, игравшій первую роль по германскимъ дѣламъ въ большевицкой Россіи, и еще другія лица почувствовали, что должны оправдаться предъ своими «друзьями» прежней Россіи. Это обстоятельство вызвало нѣкоторыя заявленія, — признаться, довольно неловкія; безпристрастія ради, изложу сущность ихъ съ полной точностью.

Сіи господа утверждаютъ, что моя версія о нѣмецкомъ заговорѣ для возведенія Николая II-го на престолъ не выдерживаетъ критики. Германія, говорятъ они, никогда не думала о такомъ предпріятіи, и не потому только ,что она потеряла всякое довѣріе къ личности Государя: развѣ возстановленіе монархіи не шло въ разрѣзъ съ нѣмецкой политикой? Расчлененіе Россіи облегчаетъ ея хозяйственное использованіе, а первой заботой Государя было бы возсозданіе національнаго единства (Здѣсь намъ слышится отзвукъ политики, которую Ллойдъ Джоржъ навязалъ Англіи, воспринявъ ее, очевидно, отъ нѣмцевъ).

Это благовидные доводы страдаютъ однимъ большимъ недостаткомъ: желая доказать слишкомъ многое, они лишь выдаютъ запутанность нѣмецкаго положенія; они не объясняютъ, почему русскіе вѣрили въ существованіе плана германской реставраціи. Чтобы отвести это возраженіе, вышеназванныя лица, бывшіе господа и соучастники Лениныхъ и Свердловыхъ, утверждаютъ, что русскіе монархисты, находившіеся въ Петроградѣ весною 1918 года, сами «выдумали» этотъ планъ о возстановленіи Николая II на престолѣ при поддержкѣ Германіи. Но правда бросается въ глаза: нѣмцы по просту пытаются отречься отъ неудавшагося предпріятія.[1])

---

[1]) Заявленія Людендорфа вполнѣ опредѣленны.

Приведу нѣкоторыя подробности, которыя даютъ возможность сдѣлать должную оцѣнку отрицаніямъ господъ Ритцлеровъ, Гофмановъ и иныхъ «друзей» Россіи.

Борисъ Соловьевъ, Анна Вырубова и ихъ сотоварищи считаются (правильно или нѣтъ — этого мы не касаемся) дѣйствительными агентами Германіи во всемъ этомъ темномъ замыслѣ. Монархисты, о коихъ говорилось выше, искренно вѣрили германскихъ обѣщаніямъ поддержать Романовыхъ и освободить ихъ; чрезъ надежнаго своего сторонника имъ удалось доставить въ Тобольскъ письмо, которое обѣщало благосклонное отношеніе и покровительство со стороны Германіи. Отвѣтъ на эти нѣмецкія завѣренія данъ былъ отрицательный, ибо Государь, какъ это видно изъ вышеизложеннаго, объ этомъ и слышать не хотѣлъ; со стороны Государыни отвѣтъ заключалъ поразительное требованіе воздержаться во будущемъ отъ всякихъ независимыхъ сношеній и вполнѣ подчиниться указаніямъ кружка Вырубовой. Несчастная Государиня все еще слѣпо вѣрила въ ихъ искреннюю преданность. Мы видѣли, что Соловьевъ, снабженный деньгами сомнительнаго происхожденія, отправился въ Тюмень и Тобольскъ, гдѣ онъ дѣйствовалъ совмѣстно съ другимъ нѣмецкимъ агентомъ Вахтеромъ, главнымъ образомъ съ цѣлью воспрепятствовать кому бы то ни было вступить въ сношенія съ Тобольскими заключенными. Онъ дошелъ до того, что былъ посаженъ въ тюрьму вмѣстѣ съ настоящими монархистами, лишь бы заслужить довѣріе и добиться отъ нихъ раскрытія тайныхъ свѣдѣній, которыя онъ спѣшилъ передавать краснымъ; этимъ путемъ онъ устранялъ всѣ сношенія съ Тобольскомъ, которыя могли бы затруднить германскіе планы. За двѣ недѣли до перевоза Государя и Императрицы на западъ, онъ, благодаря своимъ тайнымъ сношеніямъ съ Москвой, уже знаетъ объ этомъ намѣреніи. Вахтеръ спѣшно уѣзжаетъ въ Кіевъ и Берлинъ, но Соловьевъ, забывъ вынуть изъ банка деньги, положенныя на имя его товарища, принужденъ остаться. До своей главной квартиры въ Берлинѣ онъ доберется чрезъ Сибирь, продолжая по пути свое злое дѣло по запутыванію слѣдовъ и скрытію правды.

Версія Ритцлера, подтверждая отказъ Государя идти на соглашеніе съ противниками, бросаетъ довольно сомнительный свѣтъ на созывъ въ Москвѣ весною 1918 года съѣзда всѣхъ политическихъ партій, включая и монархистовъ. Тамъ, на глазахъ

всей Россіи, въ томъ числѣ и на главахъ большевиковъ, офиціальные представители Германіи сдѣлали извѣстныя уже намъ предложенія возстановить монархію Романовыхъ; предполагалось сперва возстановить Николая II-го; потомъ, послѣ вторичнаго его отреченія (такъ какъ сила перваго подорвана его принудительнымъ характеромъ!), возвести на престолъ Наслѣдника. По этому поводу произошелъ даже расколъ между умѣренными партіями, желавшими великаго князя Михаила Александровича, и правыми, предпочитавшими Цесаревича Алексѣя. Если вѣрить тогдашнимъ нѣмецкимъ руководителямъ, этотъ съѣздъ и все, что изъ него проистекло, было лишь комедіей. Какъ видно, ихъ опроверженіе стоитъ въ противорѣчіи съ ихъ дѣйствіями.

Существуетъ еще одно заявленіе изъ того же источника; оно оставляетъ вопросъ о возстановленіи монархіи въ сторонѣ и силится доказать, что Ленинъ и Свердловъ — по соглашенію съ Мирбахомъ, устраивая переѣздъ Государя изъ Тобольска, могли весьма правдоподобно руководствоваться иными побужденіями.

По утвержденію Рицлера нѣмцы и большевики были въ равной мѣрѣ заинтересованы помѣшать возстановленію русскаго фронта; боясь, что народныя арміи съ Волги, Урала и Сибири присоединятся къ своему бывшему Государю и тѣмъ пріобрѣтутъ большую нравственную силу, они согласились овладѣть особой Государя чрезъ безсознательное посредство комиссара Яковлева. Дальнѣйшее извѣстно: въ это именно время евреи Московскаго Совѣта, слѣдуя извѣстнымъ указаніямъ, сумѣли перехватить Романовыхъ въ Екатеринбургѣ и въ концѣ концовъ устроить избіеніе всей Семьи. Но въ наши дни можно считать установленнымъ и не подлежащимъ никакому сомнѣнію, что Ленинъ, который былъ вполнѣ освѣдомленъ о еврейскомъ планѣ уничтожить всѣхъ Романовыхъ, на него не соглашался и что германцы, участвуя въ похищеніи Государя, тѣмъ самымъ взяли на себя тяжелую отвѣтственность также и въ томъ, чѣмъ это похищеніе завершилось.

Такимъ образомъ, Императоръ Николай II былъ не только жертвой своей вѣрности Союзникамъ Россіи; сверхъ того, по признанію самихъ его палачей, онъ умеръ, какъ солдатъ, ожидая на своемъ посту случая возобновить борьбу противъ общаго врага. Союзныя арміи уже нынѣ имѣютъ право и обязанность считать Николая II своимъ геройскимъ и главнымъ товарищемъ.

Союзники побѣдили на поляхъ сраженія германскій матеріализмъ. Пусть они одержатъ побѣду еще и надъ большевизмомъ, порожденнымъ тѣмъ же духомъ: только тогда воздадутъ они Царю-Мученику, своему товарищу по оружію, достойную честь.

Борисъ Соловьевъ состоялъ съ вліятельными Берлинскими кругами въ наилучшихъ отношеніяхъ. Личность темная, внушающая болѣе, чѣмъ подозрѣніе, онъ всегда былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Анной Вырубовой и мистическими шарлатанами, окружавшими Распутина; онъ упорно распространялъ легенду о томъ, что Государь спасся, перелетѣвъ на самолетѣ въ Тибетъ къ Далай-Ламѣ. Явленіе поразительное: ему, повидимому, удалось внушить довѣріе къ этой выдумкѣ среди видныхъ лицъ русскаго общества и среди нѣмецкихъ консерваторовъ; послѣднимъ, впрочемъ, на руку увѣрять, что Государь не умеръ, такъ какъ нравственная отвѣтственность за ужасный конецъ Николая II и его семьи лежитъ на правительствѣ императора Вильгельма.

Недавно я получилъ нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся того, какимъ путемъ Распутинъ достигъ своего положенія при Русскомъ дворѣ, а равно о прошломъ его зятя Соловьева; ихъ стоитъ отмѣтить здѣсь: при нѣкоторой своей неопредѣленности, они все же могутъ служить отправной точкой для будущихъ изслѣдованій. Я не сомнѣваюсь, что вопросъ объ убійствѣ Романовыхъ на долгіе годы останется самымъ извѣстнымъ судебнымъ дѣломъ въ мірѣ.

По этимъ даннымъ оказывается, что во время своего паломничества Распутинъ послѣ посѣщенія Аѳона поѣхалъ въ Болгарію, гдѣ познакомился съ Фердинандомъ Кобургскимъ. Макіавелліевская душа послѣдняго сейчасъ же подсчитала выгоды, которыя можно извлечь изъ паломника. Фердинандъ зналъ мистическія наклонности Императрицы; этотъ экзальтированный крестьянинъ грубыхъ понятій, но не лишенный природнаго краснорѣчія, могъ быть использованъ, какъ цѣнное орудіе. Онъ указалъ на него своимъ Берлинскимъ друзьямъ и чрезъ нихъ устроилъ ему знакомства въ Петроградѣ. Гришка былъ доведенъ до самихъ ступеней трона, который надо было поколебать. Коварный Болгарскій царь разсчитывалъ присвоить себѣ при поддержкѣ Германіи право на византійскій вѣнецъ; но онъ не могъ бы овладѣть имъ иначе, какъ наступивъ на обломки Россіи. Не трудно понять, почему онъ заинтересовался Распутинымъ.

Исторія Соловьева связана съ Распутинской. Извѣстно, какія выгоды нѣмцы извлекли изъ вліянія, которое имѣлъ «старецъ» еще задолго до войны и какъ оно было цѣнно для нихъ во время послѣдней. Однако, жизнь Распутина, несмотря на всѣ предосторожности, принятыя по настоянію Императрицы, висѣла на волоскѣ, и необходимо было имѣть на мѣстѣ на всякій случай замѣстителя. Эта роль была поручена Борису Соловьеву, повидимому, еще до начала войны, такъ какъ слѣды его замѣчены въ Берлинскомъ предмѣстьѣ Шарлоттенбургѣ; отсюда онъ будто-бы отправился въ теософическое училище въ Адьярѣ (Adyar) въ Индіи, чтобы усовершенствоваться въ оккультныхъ наукахъ. Въ Берлинѣ никакими средствами не брезгали, лишь бы достичь цѣли. Соловьевъ во всякомъ случаѣ достаточно подвинутъ въ оккультизмѣ, чтобы успѣшно пользоваться имъ для своего ремесла, — шпіонства.

Надпись, сдѣланная кабалистическими письменами на стѣнѣ комнаты убійства въ домѣ Ипатьева, была воспроизведена въ англійскомъ изданіи моей книги (въ 1920 г.); по этому поводу я получилъ нѣсколько писемъ отъ лицъ, свѣдущихъ въ криптографіи. Установлено, что секретные «коды» нѣкоторыхъ обществъ, которыя имѣютъ свои главныя управленія въ Германіи и въ которыхъ завѣдомо участвуютъ евреи, заключаютъ въ себѣ письмена, подобныя Екатеринбургской надписи. Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ тайнымъ сношеніемъ между соучастниками?[1])

---

[1]) Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ письма, полученнаго мною, отъ лица весьма освѣдомленнаго, отъ г-жи Неста Уэбстер (Nesta Webster) автора замѣчательной книги о французской революціи, въ которой она воскрешаетъ данныя того времени, доказывающія, какую дѣятельную роль играли евреи въ подготовкѣ и взрывѣ революціи 1789 года. «Прослѣдивъ роль нѣмецкихъ иллюминатовъ во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ прошлаго вѣка, я убѣждена, что нынѣшняя большевицкая власть получаетъ указанія отъ тайнаго общества, имѣющаго свое управленіе, вѣроятно, въ Германіи . . . Весьма примѣчательно, что изъ 4-хъ воспроизведенныхъ Вами знаковъ, три похожи на знаки, которыми пользовались иллюминаты и которые напечатаны графомъ Ле Кутле де Кантеле (Le Coutleux de Canteleu) въ его книгѣ. Les Sectes et les Sociétés secrètes (1863 г)».

Дальнѣйшія разслѣдованія дали болѣе положительные результаты. Три знака, употребляемые еврейскими тайными обществами въ Германіи, оказываются взятыми изъ старо-еврейскаго, самаритянскаго и греческаго алфавитовъ и обозначаютъ «сердце» или въ переносномъ смысиѣ «главу» — духовную (еврейскій знакъ) народную (самаритянскій) и политическую или государственную (греческій). Этимъ точно обозначается такое лицо, какъ русскій царь. Снимокъ стѣны съ надписью показываетъ цифры на подоконникѣ, написанныя «такими же чернилами и такими же толстыми ли-

Кажется, что въ Романовской трагедіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ, подмѣченныхъ за время войны, но оставшихся необъясненными или обойденными молчаніемъ, замѣшаны тайныя силы. Это и понятно, такъ какъ черная магія въ Германіи очень распространена. Но утверждаютъ, что изъ всего этого получилось послѣдствіе, подобное тѣмъ, которыя произошли отъ другихъ тайныхъ и безчестныхъ пріемовъ, примѣнявшихся магами. Избытокъ зла вызываетъ реакцію. На ядовитые газы нѣмцевъ наука Союзниковъ отвѣтила еще болѣе ужасными газами; на колдовство черныхъ маговъ отвѣтили силы Добра: онѣ, будто-бы ,оказали могущественное вліяніе въ пользу союзныхъ армій въ Монсѣ и въ иныхъ мѣстахъ. Мы уже видѣли, что большевизмъ повернулъ противъ тѣхъ, кто его породилъ; рано или поздно они заплатятъ и за опустошенную Русь, и за невинную кровь, пролитую въ Екатеринбургѣ и по всему лицу Россіи.

Парижъ, октябрь 1922.

ніями» лицомъ, стоящимъ у стѣны. Повидимому, въ такомъ же положеніи сдѣлана надпись на стѣнѣ, слѣдовательно нужно читать сбоку. Тогда ясно отмѣчается греческая ламда. Вѣроятно, точное значеніе и надписи, и таинственныхъ цифръ на подоконникѣ станетъ со временемъ извѣстно, но изъ сказаннаго достаточно ясно, что надписи сдѣланы съ преднамѣренной цѣлью и сдѣланы лицомъ близко знакомымъ съ кабалистикой, и также — судя по почерку — лицомъ, обладающимъ сильнымъ, даже жестокимъ характеромъ.

Оглавленіе.

Стр.
Отъ переводчика 5
Предисловіе автора къ русскому изданію 7
Глава I. Вступленіе 9
„ II. Сцена и дѣйствующія лица 14
„ III. Народная ненависть 23
„ IV. Личность Императрицы 28
„ V. Распутинъ, каковъ онъ былъ 37
„ VI. Николай II предъ лицомъ Исторіи 46
„ VII. Тюрьма и ссылка 53
„ VIII. Московско-Берлинскій посланецъ 58
„ IX. Крестный путь 64
„ X. Голгоѳа 70
„ XI. Заметаніе слѣдовъ 77
„ XII. Правда 85
„ XIII. Весь Домъ Романовыхъ 92
„ XIV. Вѣрные до конца 98
„ XV. Шакалы 101
„ XVI. Красное самодержавіе 108
„ XVII. Заключеніе 113
Post-scriptum 118